РУССКИЕ ВОСТОКОВЕДЫ И ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

Л. Л. ГРОМКОВСКАЯ,
Е. И. КЫЧАНОВ

Николай Александрович НЕВСКИЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

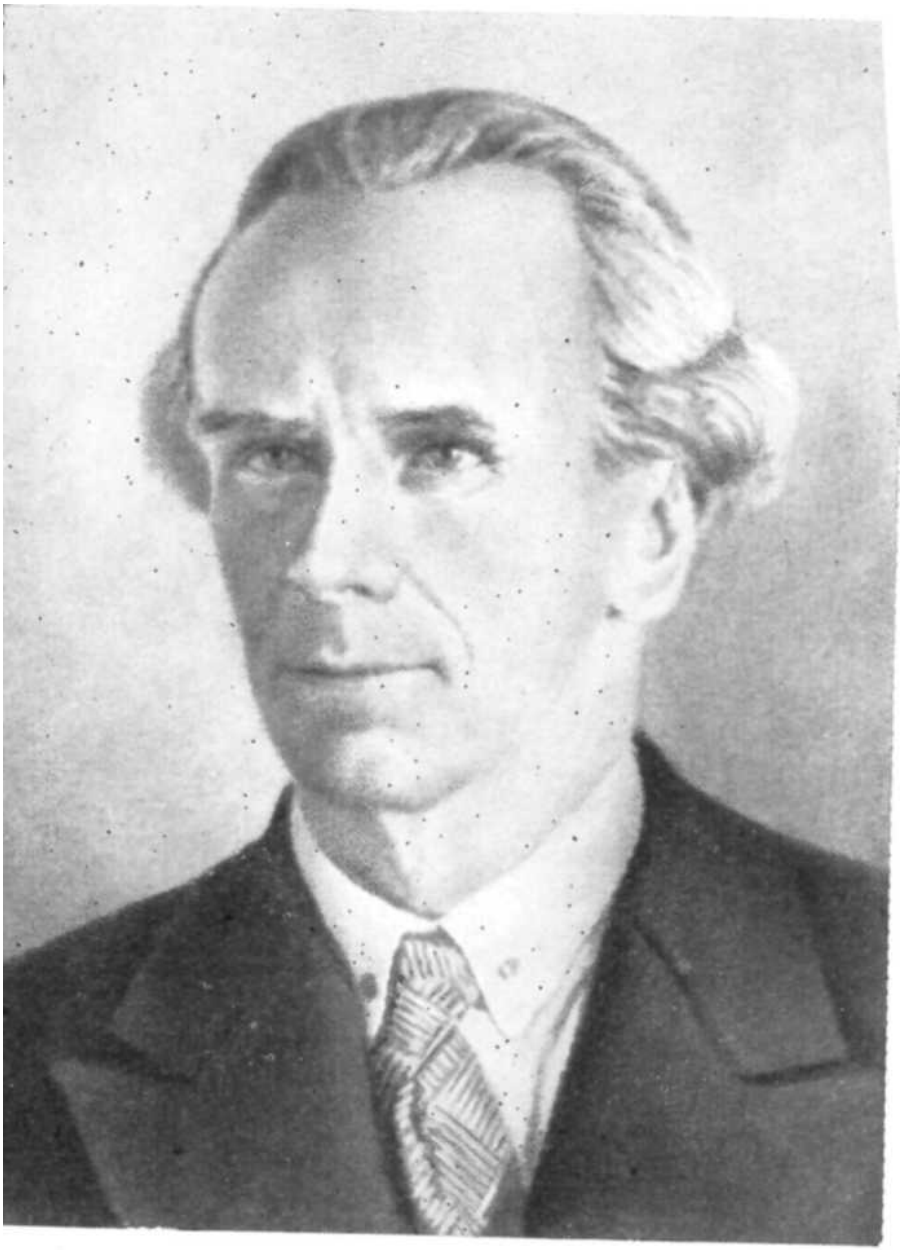
Эта книга знакомит с жизнью и научной деятельностью видного советского востоковеда, лауреата Ленинской премии — Николая Александровича Невского. Выпускник Петербургского университета, Н. А. Невский почти 15 лет прожил в Японии. Занимаясь этнографией, фольклористикой и диалектологией этой страны, ученый совершал путешествия в отдаленные уголки Японии. Авторы знакомят читателя с этим периодом жизни ученого, рассказывают о его работе в Ленинграде и о создании им новой отрасли востоковедной науки — тангутоведения.

- От авторов
- Рыбинск
- Петербург
- Токио
- Отару
- Осака
- Ленинград

От авторов

Для науки слава не имеет никакого значения. Имя ученого не важно. Важна цель — исчерпывающе осветить проблему.

Н. Невский



Николай Александрович Невский
(1892—1945)

Почти полтора десятилетия мы занимались изучением научного творчества Н. А. Невского.

Вначале была разная работа: описание рукописных фондов, публикации архивных материалов, разработка некоторых

проблем, намеченных ученым. Мы уяснили его метод исследования, узнали литературные вкусы, поняли, что было ему дорого. Накапливался материал о Невском-ученом и о Невском-человеке. Мы оба не знали лично Н. А. Невского, но столь велики были сила ума и обаяние личности этого человека, что они сообщились нам посредством его рукописей. Воображению рисовался человек незаурядный, самородок, ученый-энтузиаст, натура поэтическая. Выходец из самого сердца России, родом с Волги, он вобрал в себя лучшее, что свойственно русскому национальному характеру, — пытливость ума, великодушие, целеустремленность, доходящую до самозабвения. Но и оказавшись в Японии, в иной национальной среде, он вошел в нее не чужеродным элементом, а стал органической частицей, не утратив ничего из своего истинно славянского характера.

После Н. А. Невского осталось катастрофически мало печатных работ. Если собрать воедино все, что доведено им до печати, наберется едва ли с десяток названий. Прижизненные публикации — как правило, небольшие по объему статьи и переводы Многое увиде

1 Исключение составляет лишь работа: Н. А. Невский, Ма териалы по говорам языка цоу. М.—Л., 1935.

ло свет лишь после смерти Невского. Но как велики рукописные фонды ученого!

Несколько лет жизни отдано айноведеншо. Н.А. Невский изучил язык айнов, записал тысячи стихотворных строф, перевел их на русский. Опубликовано же — три небольших перевода со вступительной статьей. Почти готовыми к печати лежали десятки фольклорных произведений, но только в 1972 г. 26 из них вошли в книгу Н. А. Невского «Айнский фольклор», изданную по рукописным фондам 2.

Самым серьезным образом занимался Н. А. Невский фольклором, этнографией, диалектами островов Мияко. Но на русском языке не напечатано и строчки. Нам известно лишь несколько небольших публикаций в японских журналах. Между тем удалось отобрать из его рукописей около 40 фольклорных произведений, которые вошли в работу Невского «Фольклор островов Мияко», готовящуюся к печати в Главной редакции восточной литературы издательства «Наука».

Главный труд жизни Н. А. Невского — «Тангутская филология», изданная посмертно в I960 г. и в 1962 г. удостоенная Ленинской премии.

Ркжюский словарь — бесценный материал для языкознания, пока еще ждет своего издателя.

Тысячи карточек к словарям, однако самих словарей нет. Сотни страниц, исписанных его рукой, — и считанные статьи. В набросках, черновиках — масса незавершенных работ. Николай Александрович Невский не успел их завершить.

Вот строки из письма к японскому этнографу Сасаки Кидзэм:

«Для науки слава не имеет никакого значения. Имя ученого не важно. Важна цель — исчерпывающе осветить проблему». К этой цели «исчерпывающе осветить проблему» он стремился даже тогда, когда, вероятно, следовало бы позаботиться о своем приоритете, той толике 'личной славы, которая ему причиталась.

С заповедью «осветить проблему» связан и характерный для Н. А. Невского стиль научных работ. Статьи не имеют пологих подъемов и закругленных спусков.

2 Н. А. Невский, Айнский фольклор. Составитель Л. Л. Громковская. М., 1972.

Точно автору сообщивший всё по существу, считает излишним затруднять себя и читателя «круглыми» фразами.

Кто был Н. А. Невский? Лингвист? Этнограф, фольклорист? Литературовед, переводчик? И то, и другое, и третье. Прибавим еще — прирожденный педагог, которого помнят и любят его ученики (увы — немногочисленные). Невский был филологом в самом точном значении этого понятия. Знание слова, любовь к слову, изучение слова — с точки зрения грамматики, эстетики, поэтики — это было жизнью Невского. Для этого он был рожден.

В нем соединились сильнейшие стороны русского востоковедения конца XIX — начала XX века, шире — русской гуманитарной науки.

Студент Николай Невский, как и его однокурсники, в равной мере был японистом и китаеведом. Он мог избрать любую стезю. Это не было случайностью или исключением из правила. Традиция университетского образования предполагала доскональное знание как языка основной страны изучения, так и еще одного-двух близких культуре данного народа языков. В тот период русское востоковедение становилось практическим, так как страны изучения стали доступны. У студентов и маститых профессоров появилась возможность регулярных научных командировок. Результат — блестящая плеяда отечественных востоковедов.

Российская филологическая, историческая, этнографическая школы давали подготовку, которая позволяла успешно вторгаться в неизведанные целинные области науки. Именно благодаря этой подготовке Н. А. Невский сумел результативно работать в сложнейших областях японской этнографии, диалектологии и

фольклористики.

В этой книге нам хотелось не только рассказать о жизни ученого, но и познакомить с историей его научных исканий, его идеями. Знать то, чему Н. А. Невский посвятил себя, — важно для науки, для многообразных связей нашей страны с народами Востока.

Н. А. Невский был каменотесом и ваятелем в науке одновременно. Ему приходилось своими руками сначала откалывать глыбу нерешенных проблем от материковой породы, тесать ее, а затем ваять строгие и изящные

творения, будь то научные статьи или художественные переводы.

К славе Н. А. Невский никогда не стремился. Но она пришла, пришла при жизни ученого — он стоял в ряду первых востоковедов страны. Пришла и после смерти, когда он был удостоен Ленинской премии, когда слава перешагнула рубежи отчизны. Две страны особо чтут имя Николая Невского. Советский Союз и Япония, родина и страна, культуру которой он ценил и уважал, изучению которой он посвятил свою жизнь. Он знал, что уважение и доверие — единственный путь к взаимопониманию, а значит, и к чувствам доброй воли с обеих сторон.

Имя Невского уже принадлежит истории нашей науки, ее могучему и неиссякаемому потоку, к истокам которого будут обращаться вновь и вновь многочисленные исследователи.

Дело и имя Николая Невского неотделимы от отечественного востоковедения.

* * *

В работе над книгой авторы использовали материалы следующих архивов: Архив АН СССР, Гос. исторический Архив Ленинградской области, Архив востоковедов Института востоковедения АН СССР, Рыбинский городской архив, Архив библиотеки Университета Тэн-ри (г. Тэнри, Япония).

Рыбинск

Путь с берегов северной Волги к культурам и языкам народов Дальнего Востока, пройденный Николаем Александровичем Невским, поражает своей неуклонностью и целеустремленностью. Где истоки этой целеустремленности? Была она предопределена некими душевными качествами Невского или подсказана окружавшей средой, кругом чтения, событиями тех лет? Как всякая дорога начинается с первого шага, так человек начинается с детства.

Рыбинск на рубеже XIX–XX веков — добротный российский торговый город, облик которого обусловила и сформировала Волга. Рыбинск был важной перевалочной базой по доставке хлеба водным путем в северные районы страны. Лежащий на узле трех водных систем, город был сборным пунктом и транзитным рынком, куда стекались хлебные грузы Поволжья. Торговля хлебом процветала. Ежегодно в июне в городе открывалась Петровская ярмарка. На берегу Волги расположилась каменная, «ганзейская» с виду хлебная биржа.

Рыбинск, уездный город с 1877 года, к началу XX века насчитывал более 25 тысяч жителей. Улиц в нем было 38, площадей — 6, зданий каменных — 852, деревянных— 2241. Театр, мужская и женская гимназии, восемь начальных школ. Не уступавший по своей застройке иным губернским, Рыбинск был одним из богатых и красивых волжских городов. На берегу речки Черемхи раскинулись сад и бульвар, где горожане прогуливались теплыми летними вечерами, но украшением и гордостью Рыбинска оставалась набережная Волги, засаженная липами и обнесенная металлической оградой. Купеческий, торговый Рыбинск с людьми, съезжавшимися со всех концов России, фактически стал для Н. А. Невского после немногих лет жизни в Ярославле и Пошехонье родиной.

В официальном документе — автобиографии, написанной Н. А. Невским от руки, сказано: «Родился я в г. Ярославле в 1892 году от родителей мещанского происхождения. Не прошло и года после моего рождения, как умерла мать, и отец вскоре женился снова, и от второй жены у него родились две дочери. Отец в это время служил в маленьком уездном городке Пошехонье в качестве следователя Ярославского окружного суда. В 1896 году умер и мой отец, не оставив мне никакого состояния, и я был взят на воспитание родителями покойной матери и поселился у них в г. Рыбинске, а сестры с мачехой вернулись к родителям последней в г. Ярославль. В 1900 году я был отдан в Рыбинскую

классическую гимназию, которую окончил в 1909 году с серебряной медалью. Еще до окончания моего курса гимназии дед с бабкой умерли и попечение о моем воспитании и образовании взяла на себя старшая сестра моей матери. Вследствие того, что тетка не имела больших средств, мне уже с четвертого класса гимназии приходилось самому изыскивать средства для поддержания существования тетки, репетируя и давая уроки гимназистам и гимназисткам младших классов. От внесения платы за обучение я был освобожден в течение всего курса. По окончании гимназии поступил в Петербургский Технологический институт, но, перейдя на второй курс и отбыв практику в качестве помощника машиниста на железной дороге, перешел в Петербургский университет на факультет Восточных языков, избрав своею специальностью языки китайский и японский, к которым с давних пор чувствовал влечение…».

Уточним, что Николай Александрович Невский родился 18 февраля (2 марта) 1892 года:

«Свидетельство

По указу Его Императорского Величества из Ярославской духовной консистории выдано сие свидетельство в том, что в метрических книгах Ярославской градской Спасо-Нагородской церкви за 1892 год, в части первой о родившихся под номером первым мужеска пола значится: у коллежского секретаря Александра Александровича Невского и законной жены его Елены

Николаевой, обоих исповедания православного, младенец Николай родился 18, крещен 23 февраля 1892 года; восприемниками были: губернский секретарь Александр Александрович Невский и жена Протоиерея Рыбинского Собора Ольга Васильевна Соснина. Свидетельство сие гербовым сбором оплачено апреля 29-го дня, 1900 года.

Член консистории священник Александр Бенедиктов».

Отец Н. А. Невского, Александр Александрович Невский, в будущем титулярный советник, по происхождению обер-офицерский сын, родился 23 октября 1863 года (по старому стилю). Окончил Демидовский юридический лицей и имел степень кандидата прав. К моменту рождения сына Николая А. А. Невский исполнял должность судебного следователя Первого участка Пошехонского уезда Ярославского окружного суда, имея жалованья 1000 руб., столовых 500 руб. и канцелярских 500 руб. Второй его женой была купеческая дочь Ираи-да Федоровна Бочарова, от которой в семье Невских родились две дочери — Елена и Кира. А. А. Невский был человеком характера строгого, не равнодушным к спиртному. Скончался он 29 января 1897 года (по старому стилю). В автобиографии Н. А. Невского дата смерти

отца указана неверно.

Из детских и школьных лет Н. А. Невского, описанных им самим кратко и выразительно, нас особенно должно заинтересовать то, как и когда у него зародилось влечение к китайскому и японскому языкам.

Некоторые сведения о детских и юношеских годах Н. А. Невского почерпнуты нами из Рыбинского городского архива и воспоминаний двоюродной сестры Невского Марии Дмитриевны Серовой, которая воспитывалась вместе с ним '.

«Я знала Колю с пятилетнего возраста, когда он сиротой был привезен из Ярославля к дедушке Николаю Александровичу Соснину, а после его смерти (1905 г.) жил и воспитывался у нашей тети — Варвары Николаевны Крыловой. К дедушке и потом к тете после смерти мамы переехали и мы (мне было восемь лет,

1 Воспоминания сестры Н. А. Невского — М. Д. Серовой приводятся с незначительными сокращениями.

братьям Сереже — семь, Коле — три). Так мы, сироты, и жили вместе, пока не окончили по очереди гимназию. Коля рано научился читать, любил книги и относился к ним бережно. Знал наизусть много стихов, басен и сказок. И очень любил, когда нам читала тетя. Пока были живы мои родители, я училась в начальном женском четырехклассном училище и по неделям жила у дедушки, уезжая домой по субботам. И тут мы с Колей играли в куклы, и он всегда плакал, когда я уезжала домой, и очень радовался, когда в понедельник я возвращалась из школы. Коля поступил в подготовительный класс, когда я была уже во втором, а брат Сережа — в первом. Учились все очень хорошо. Коля учился с большим интересом, очень добросовестно и не ограничивался одним учебником-, решал лишние задачи, любил книги по географии и истории. Иногда плакал, если ему казалось, что он не может выучить урока. Тогда брала книгу тетя и прочитывала ему урок, и он, веселый уже, кричал, что все знает. С ним в классе учился Ваня Можжухин, тоже очень способный мальчик — оба они прошли гимназию первыми учениками. При переходе из класса в класс Коля получил награду первой степени, похвальный лист и книги. Он получил историческую повесть Фурмана (если я не ошибаюсь) „Артамон Сергеевич Матвеев", из жизни стрельцов, „Записки охотника" Тургенева, полное собрание сочинений Фета, Загоскина в двух томах, Шекспира, тоже в двух томах, и „Избранные стихотворения" Плещеева. По окончании же гимназии получил лишь серебряную медаль. Это и его и нас всех очень огорчило. Из округа пришли две медали на класс —

золотая и серебряная. Не знали, как их распределить — и Ваня и Коля оба были достойны золотой медали. Надо было просто бросить жребий. А после стали пересматривать все журналы и где-то во втором классе нашли, не в четверти даже, три по немецкому языку… Когда Коля был в четвертом классе, у него появились ученики, а потом эти уроки он продолжал давать до конца гимназии. Да два или три раза уезжал на все лето репетировать или готовить учеников для поступления в гимназию…

Как-то был он в Пошехонском уезде, где собрал массу частушек — около полутораста. Это были очень занимательные частушки…

У него было много друзей среди взрослых. Был у нас на соборном дворе священник — отец Александр Образцов. Он очень увлекался физикой, и у него в свет-личке была настоящая лаборатория, где он ставил опыты, делал приборы. И Коля пропадал у него часами… Еще в раннем детстве ему хотелось изобрести регре-tum mobile, для чего собирал он всякие находки, старые часы, винтики, гаечки, колесики и проволочки и все что-то с большим терпением творил… Вообще он очень интересовался всем, и всегда были слышны его вопросы „почему", „отчего"…

У нас дома в памятные дни устраивались литературные вечера. Мы сами подбирали любимые произведения Пушкина, Гоголя, Жуковского и читали их перед нашей домашней аудиторией. Когда в гимназии устраивались в юбилейные дни ученические вечера, Коля всегда выступал. Он прекрасно читал „Тройку" и „Жизнь" Гоголя. Он любил и потанцевать, участвовал в спектаклях, в шарадах, в разных играх. Летом мы все играли в лапту, городки. Мальчикам разрешалось во время каникул водить голубей. Была у них какая-то необыкновенная Жучка, черная голубка. Они ее заносили на кладбище, это около вокзала, вернее за ним, и потом во всю мочь мчались домой, чтобы ее встретить (на собственном дворе). Она приманивала голубей. Это был своего рода спорт… Но с началом учебы голубей раздавали или продавали.

Зимой катались по Волге на лыжах и на коньках. Летом купались и рыбачили. Раз Коля чуть не утонул. Ловили рыбу с лодки около баржи. Лодку всё прибивало волной к барже. Коля оттолкнулся от баржи и упал в воду. Хорошо, что папа наш был с ними и Колю вытащил. Коля прибежал домой, спрятался под кровать да там и уснул.

Мы все четверо не раз одни совершали поездки в Ярославль. Он — к своей мачехе, а мы — к своим тетям. Эти путешествия мы

все очень любили… На свои деньги он как-то купил фотоаппарат и занялся фотографией.

Языками он любил заниматься, делал переводы, изучал татарский. У него были знакомые татары, он ходил к ним и учился говорить. Был у него друг Ваня Слонов, старше его на три года. Ваня уже учился на восточном

U

факультете, в Москве, на отделении арабско-персид-ском… Коля очень интересовался и этими языками. Изучил азбуку этих языков. Это все еще будучи в школе. После экзаменов на аттестат зрелости он все лето готовился к конкурсным экзаменам в Технологический институт, сдал все экзамены на пять и был принят. Год учился, а летом прошел первую практику, ездил на паровозе, сначала кочегаром, потом помощником машиниста и, наконец, машинистом. Сначала на товарных поездах, затем на товарно-пассажирских. А приехали мы в Петроград, он и перешел в Университет на восточные языки. Я сначала изумилась. Нам всем казалось, что из него выйдет хороший инженер. Но потом мы поняли, что он способный языковед…

…Да, Коля был человек незаурядный, очень чистый и патриот своей родины».

Воспоминания Марии Дмитриевны — единственное свидетельство о детских и школьных годах Н. А. Невского. Очевидно, что Н. А. Невский был человеком от природы одаренным. Технические и гуманитарные устремления юноши неизбежно должны были вступить в борьбу при выборе жизненного пути. Мечта об изобретении вечного двигателя сосуществовала со стихийным стремлением изучать восточные языки — татарский, арабскую графику, которую, кстати, он действительно знал, с первыми робкими опытами в этнографии — сбором частушек в Пошехонском уезде.

Е. И. Кычанову довелось побывать в Рыбинске в июне 1963 года. В гостинице мест не было, и краевед-любитель Г. Н. Ключарев устроил его на дебаркадере. По ночам в борт дебаркадера мерно била волжская волна. Погода стояла пасмурная, не по летнему холодная. Из окна «каюты» было видно Заволжье, где под густой сеткой дождя мокли дома и сады села Александровского. В этом уголке Рыбинска многое оставалось еще таким же, как в детские годы Николая Александровича Невского. Стоило сойти с дебаркадера и подняться на невысокий берег — и перед тобой слева возвышался Спасо-Преображенский собор с колокольней постройки 1806 года, обшарпанный и заколоченный. Священником этого собора был дед Н. А. Невского — Н. А. Соснин. Возможно, именно в честь деда Невский и был

назван Николаем. Здесь, подле собора, в неболь

шом, но прочном трехэтажном доме и жил отец Николай со своими многочисленными внуками-сиротами. Окна его квартиры, расположенной в первом этаже, выходили прямо на соборную площадь и Волгу. Дом с деревянным крыльцом стоит и по сей день, но жильцов, которые жили бы здесь с дореволюционных времен, нет.

По бывшей Крестовой, ныне улице Ленина, главной улице города, идущей вдоль Волги, по узкому мощенному плитками тротуару Н. А. Невский ходил в гимназию. Оказалось, что проживающие в Рыбинске двоюродные сестры Н. А. Невского — Екатерина Васильевна Арефьева и Наталия Васильевна Соснина — о детстве Николая Александровича помнят мало.

Рыбинский городской архив помещается в кладбищенской церкви, стоящей в центре того самого Георгиевского кладбища, на которое приносили Коля Невский и его товарищи свою черную красавицу, голубку Жучку, столь удачно умыкавшую чужих сизаков. Выражение «тихо, как на кладбище» лишено здесь своего переносного смысла. За окном архива — море зелени: деревья, кусты, среди которых торчат кресты да мраморные памятники именитым рыбинским купцам первой и второй гильдии, былым столпам знаменитой рыбинской хлебной биржи. Здесь уже все принадлежит прошлому, как и документы, находящиеся в архиве.

Карточка на гимназиста Невского Николая:

«Невский Николай. Время рождения 18 февраля 1892 года. Происхождение обер-офицерское. Вероисповедание: православное. Обучался до поступления дома. Время поступления в первый класс: в августе 1900 года» (по аттестату зрелости, точнее— 15.VIII.1900 г.).

Удивительно хорошо сохранился табель успеваемости (как и весь архив Рыбинской мужской гимназии). Н. А. Невский — один из первых учеников своего класса: второй класс, 1902/03 учебный год, все пять, кроме рисования; третий класс — все пять, лишь две четверки, по географии и рисованию, и т. п.

Четвертый класс пришелся на 1905 год. Русско-японская война с театром действий в Маньчжурии заполнила газеты именами японских и русских генералов, китайскими географическими названиями.

С самого начала военных действий еженедельно издавалась «Летопись войны с Японией». В этом рос

кошном иллюстрированном издании большого формата кроме высочайших приказов, донесений с театра военных

действий, обзорных статей печатались материалы, уделявшие внимание быту и нравам противника. Очерки из японской жизни, фотографии японских городов, экзотические наряды гейш, непривычные для русского взгляда пейзажи, сцены неведомого в России труда (размотка коконов и др.) — не исключено, что именно все это пробудило первый интерес подростка Николая Невского к Дальнему Востоку. Правда, по словам старожилов, китайцев и даже японцев в Рыбинске можно было встретить и ранее. Они приезжали на знаменитые рыбинские Петровские ярмарки. Ярмарка открывалась на Петров день, на большом пустыре за речкой Черемхой. По улице Стоялой от пожарной каланчи через мост на ярмарку двигались толпы людей. Китайцы и японцы (а вернее, думается, все-таки только китайцы, которых в то время действительно немало бродило по России) торговали шелком, куколками, веерами, разной мелочью, показывали фокусы. И вот теперь там, на далекой родине этих желтолицых, с длинными косами фокусников, рвались снаряды, лилась кровь, оттуда возвращались искалеченными солдаты, там Российскому государству наносился неотвратимый и ощутимый урон.

Рыбинская гимназия не осталась в стороне от революционных волнений 1905 года. 17 февраля застрелился, смертью своею протестуя против существующих порядков, ученик из класса Н. А. Невского — Лапин.

«Москва. Попечителю Учебного округа. 18 февраля 1905 года, № 150.

Вчера около 6 часов вечера ранил себя смертельно вне города ученик IV класса Лапин; сегодня во время молитвы ученик VIII класса Бородулин, несмотря на попытку инспектора удержать его, взошел на кафедру и произнес зажигательную речь, приглашая учеников к забастовке, общей для всей гимназии, в чем он был поддержан некоторыми из старших учеников. Во избавление могущих возникнуть осложнений я счел нужным отпустить всех учеников сегодня с уроков.

Прошу покорнейше назначить расследование в возможно непродолжительном времени.

Директор гимназии, подпись».

28 февраля Бородулина исключили из гимназии.

Надзор за учениками становился все более трудным. В отчете о состоянии здания Рыбинской гимназии за 1905 год, в частности, сохранились такие любопытные строки: «Гимназия помещается в доме, принадлежащем Рыбинскому городскому обществу. Здание это для наличного количества учеников очень неудобно: некоторые классы тесны и темноваты, а так как здание

расширялось почти ежегодными пристройками, то образовалось много закоулков, мешающих надзору за учениками, которые во время перемен за отсутствием двора для прогулок толпятся или в зале, или в тесных коридорах».

Ученики гимназии участвовали в шествиях и манифестациях в горячие октябрьские дни 1905 года. Об этом также сохранился любопытный документ:

«МВД, Рыбинский городской голова, октября 21-го дня 1905 г., № 158, г. Рыбинск. Его Превосходительству г. Директору Рыбинской мужской гимназии

Вследствие отношения от 20 октября за № 1272 имею честь просить Ваше Превосходительство внушить учащимся и даже строго требовать от них под угрозою ответственности, чтобы они не принимали участия ни в каких народных процессиях, демонстрациях и собраниях, как было до сего времени. И только тогда можно надеяться, что они не будут подвергаться насилиям со стороны толпы. Если же они, как было до сего времени, будут ходить процессиями с красным флагом и петь какую-то русскую марсельезу вместо гимна, то нельзя ручаться за их безопасность.

При этом прошу Ваше Превосходительство обратить внимание на сегодняшний день и объявить учащимся, чтобы они не присоединялись к толпам, ввиду того что с сегодняшнего дня против демонстрантов и скоплений толпы будут приниматься серьезные меры. Отношение Ваше будет доложено Думе.

Городской голова, подпись».

Трудно сказать, в какой мере 13-летний Николай Невский мог участвовать в этих событиях. Положение Человека малосостоятельного и учащегося за казенный счет скорее заставляет думать о внушении ему старши

ми, что надо вести себя осмотрительно. Как раз за 1905 год сохранились документы об освобождении Невского от платы за обучение. Вот выписка из протокола № 23 Хозяйственного комитета Рыбинской мужской гимназии: «Были заслушаны прошения: об освобождении от взноса платы за обучение с ученика V класса Николая Невского, стипендиата имени Ю. И. Смоленского, и об освобождении от дополнительного взноса к стипендии в размере 2 руб. 20 коп. Комитет постановил: перечислить 2 руб. 20 коп. в стипендиальные суммы за учение Невского». Стипендию имени Ю. И. Смоленского обеспечивал: «капитал в 1200 руб., значащийся на квитанции Казначейства за № 9626 от 21 ноября 1895 года. Заключается в трех свидетельствах на четырехпроцентную государственную ренту за №№ 2246—в 1000 руб. и 04770, 04771 —по 100 руб. Капитал сей

пожертвован почитателями врача Смоленского для учреждения одной стипендии имени Рыбинского городского врача Коллежского советника Юлиана Ивановича Смоленского».

В шестом классе Николай Невский — круглый отличник, но справедливости ради следует сказать, что вопреки воспоминаниям Марии Дмитриевны за восьмой, последний класс гимназии у него не круглая пятерка: три — по логике и четыре — по латыни и истории. С латынью, возможно и с преподавателем латыни, у Невского действительно были какие-то нелады. Об этом свидетельствуют некоторые записи в настольном кондуите Рыбинской мужской гимназии за 1907–1908 годы. 4 марта 1908 года: «Невский был невнимателен во время урока латинского языка и занимался посторонним делом. Сделано замечание». 10 мая: «Столетов, Невский, Богословский, Можжухин и Гляс не приготовили урока по латинскому языку. Оставлены на полчаса приготовить урок» и т. п. Вообще, кондуит Рыбинской мужской гимназии свидетельствует скорее в пользу Н. А. Невского, характеризуя его не пай-мальчиком, а обыкновенным учеником, не чуждым шалостей, свойственных такому возрасту.

В 1909 году (3 июня по старому стилю) с серебряной медалью, имея в аттестате зрелости четверки по русскому, латыни и истории, Николай Невский закончил гимназию и должен был избрать свой дальнейший путь.

Как мы видим, имеющиеся у нас документы Недостаточны, чтобы говорить о предопределенности пути в науку будущего известного ученого-востоковеда. Более полувека назад востоковедение (с точки зрения непосвященных) рассматривалось как наука экзотичная, и жизненные пути выпускников факультета Восточных языков были порой причудливы и извилисты. Но были и есть известная тяга, интерес, которые заставляли и заставляют десятки, а ныне сотни людей учить трудные восточные языки и письменности, историю, литературу и культуру народов Востока. Осознание необходимости и государственной важности этого дела для нашей страны приходит не сразу даже к тем, кто этим занимается, не говоря уж о других, не сразу возникает и глубокий научный интерес к великим культурам Востока. Для этого требуется определенный уровень подготовки, появление понимания роли Востока в мировой истории и формировании цивилизации. Не был исключением и Н. А. Невский. Не прям был его путь в востоковедение, да и потребовались годы учебы и труда, чтобы востоковедная наука стала для него жизненной необходимостью, делом, которому он преданно служил.

Вот как нам представляется отъезд Н. А. Невского из родного

дома: «Вещи отправили на вокзал с извозчиком. Сами пошли пешком. Сколько лет бегал Коля по Крестовой в гимназию. Сейчас по этой же улице он начинает путь в большую жизнь. Вот и угол Крестовой и Пушкинской. Отсюда начинается дорога к вокзалу. Мимо деревянных домов, дач с мансардами и резными наличниками, мимо деревянной лютеранской церкви и каменного красного красавца костела, немножко похожего на знаменитый Реймский собор, который он видел на фотографиях. В просторных залах недавно выстроенного вокзала суета, которая бывает всегда перед отходом поезда в Петербург. Стоя на подножке вагона, он последний раз машет рукой тете Варе, сестрам, городу, своему детству. Прощай, Рыбинск. Впереди Петербург. Здравствуй, новая жизнь!»'—так писал Е. И. Кычанов в книге «Звучат лишь письмена…» (1965).

Так ли это было? Скорее всего, в деталях и не так. Но не в этом дело. Впереди у Николая Невского действительно был Петербург и новая студенческая жизнь, конечно же, необыкновенная, счастливая жизнь!

Петербург

«Его Превосходительству Господину ректору С.-Петербургского университета окончившего Рыбинскую гимназию Николая Александровича Невского

Прошение

Желая для продления образования поступить во вверенный Вашему Превосходительству Университет, честь имею покорнейше просить Ваше Превосходительство принять меня на первый курс Восточного факультета по отделению китайско-японскому.

При сем прилагаю подлинники (и к ним копии) со следующих документов:

1) аттестата зрелости,

2) метрического свидетельства,

3) копии с формулярного списка отца,

4) свидетельство о приписке к призывному участку.

Кроме того, представляю три фотографические карточки, засвидетельствованные гимназическим начальством, и квитанцию для получения с почты 25 рублей платы в пользу Университета за осеннее полугодие 1909 года.

Николай Невский.

Жительство имею в г. Рыбинске по Мышкинской улице в доме Лихачева, кв. 1.

1909 года, дня 11-го, месяца июня».

Над Волгой с ее купанием, катанием на лодках с барышнями, рыбалкой летели последние денечки пос-

ледних школьных каникул, а в доме Николая Невского, очевидно, не утихали споры об одном: кем ему быть? Восточные языки?! Это пугало неизвестностью, это казалось ненадежным, непрактичным! Наверное, приводились примеры неудач, хотя бы того же Вани Слонова… И в наше время бывали похожие случаи. Отец одного из наших товарищей, узнав, что сын подал документы на Восточный факультет, прислал ему письмо-ультиматум: или мы, или Востфак. И юноша, уже сдавший успешно два экзамена, собрал вещи и уехал домой, в прикамский городок, так похожий на Рыбинск. На следующий год он стал студентом-политехником, а сейчас— директор завода. Трудно судить, но, возможно, его родители были и правы, проявив такую суровую требовательность. Очень может быть, что такие — же требования предъявили родственники и к Николаю Невскому. Во всяком случае, мы имеем документальные свидетельства того, что

Николай Невский 11 июня 1909 года послал в Петербург не одно, а сразу два прошения, полагаясь на тот или иной исход спора в семье: «Его Превосходительству господину Директору Технологического института окончившего Рыбинскую гимназию Николая Александровича Невского

Прошение Желая для продолжения образования поступить во вверенный Вашему Превосходительству Институт, честь имею покорнейше просить Вас о допущении меня к приемным испытаниям для поступления на первый семестр вверенного Вашему Превосходительству Института.

При сем прилагаю нотариальные копии со следующих документов:

1) аттестата зрелости,

2) метрического свидетельства,

3) копии с формулярного списка отца,

4) свидетельства о приписке к призывному участку.

Кроме того, представляю три фотографические карточки, засвидетельствованные гимназическим начальством.

Николай Невский.

2*

Жительство имею в г. Рыбинске по Мышкинской улице в доме Лихачева, кв. 1. 1909 года, 11-го дня, месяца июня».

В университет медалист Невский мог поступить без экзаменов, в Технологический институт — нет. Споры шли не только в семье Николая Невского, но и в его собственной душе: куда податься?

Вслед за заявлением в Петербург из Рыбинска полетело письмо директору Технологического института:

«В своем прошении (11 июня) о допущении меня к приемным испытаниям я забыл указать избираемое мною отделение. Прошу отметить на прошении, что я желаю поступить на первый семестр Механического отделения.

С совершенным почтением. Николай Невский. P. S. Если возможно, известите меня о получении документов и о начале экзаменов. Приношу извинения за причиненное беспокойство».

К осени испытания были успешно выдержаны. В 1934 году в представлении Н. А. Невского в действительные члены Академии наук записано, что Н. А. Невский поступил на Восточный факультет, но, «уступив желанию и настойчивому требованию родственников и директора гимназии, выдержал полкурса и оказался в Технологическом институте». Так спор в семье был решен в пользу Технологического.

«Его Превосходительству господину Ректору С.-

Петербургского Университета окончившего Рыбинскую гимназию Николая Александровича Невского

Прошение

Имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство уволить меня из вверенного Вам Университета и переслать мои документы в Технологический институт Императора Николая I.

Николай Невский

10 сентября 1909 года».

Здание Технологического института на Загородном проспекте знает каждый ленинградец. Санкт-Петербургский практический Технологический институт императора Николая I был старейшим техническим вузом России, основанным в 1828 году. Здесь провел свой первый студенческий и первый петербургский год Николай Невский. За первым, потом вторым семестром последовала практика на Николаевской железной дороге: сначала кочегаром, затем — помощником машиниста. При внешне благоприятном развитии дел сомнения не покидали Невского. Он уже подумывает, как сменить один технический вуз на другой, и 12 июня 1910 года подает прошение о приеме в Политехнический институт Петра Великого, а 9 августа — в университет.

«Его Превосходительству господину Ректору

Императорского Петербургского университета студента Санкт-Петербургского Технологического института Николая Александровича Невского

Прошение

Имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство зачислить меня в студенты Восточного факультета по отделению китайско-японскому. При сем прилагаю копию с копии аттестата' зрелости, хранящейся в Рыбинской гимназии. Подлинные документы хранятся в Технологическом институте. Обязуюсь доставить подлинные документы, внести плату за обучение не позднее первого (1-го) сентября с. г.

Студент-технолог Николай Невский».

31 августа Н. А. Невский просит директора' Технологического института «уволить» его из института и вернуть ему документы. «В случае, если подлинный аттестат зрелости не может быть выдан мне на руки, то прошу переслать его до третьего (3-го) сентября в Санкт-Петербургский университет».

К сентябрю 1910 года сомнения были разрешены, с инженерными премудростями покончено во имя причудливых иероглифов и таинственных звуков чужой речи. В жизни Невского наступили годы увлеченной, страстной учебы, чтобы затем сменитсья, по меткому опреде

лению акад. Н. И. Конрада, друга Н. А. Невского и его соученика по факультету, «годами странствий». Вот что рассказывал Н. И. Конрад на заседании Ученого совета Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР 2 марта 1962 года, посвященном 70-летию со дня рождения Н. А. Невского

«Первое знакомство с Н. А. Невским у меня началось в 1911 году2, когда я был на четвертом курсе Петербургского университета. На первом курсе Восточного факультета китайско-японского отделения, на котором я учился, появился студент, удививший нас всех тем, что он был в тужурке Технологического института. Это был Николай Александрович Невский. Он поступил сначала в Технологический институт. Но душа филолога не выдержала физики, и он ушел в гуманитарный вуз, на Восточный факультет, чтобы заниматься изучением восточных языков. Второй такой случай тоже на моих глазах произошел. Это было с Юлианом Константиновичем Щуцким, который тоже начал с техники. Но это влечение Николая Александровича к гуманитарным наукам сразу же сказалось и проявилось там, где я в годы учебы в университете узнал его близко, в общежитии. В этом общежитии было много студентов с Кавказа, поэтому у нас часто слышалась многонациональная речь — и грузинская, и армянская, и тюркская, и горцев Кавказа. Николай Александрович с невероятным вниманием прислушивался к ним, стремясь овладеть всем арсеналом звукового состава их речи. И уже на первом курсе поражал нас своей удивительной способностью усваивать эти совершенно неведомые ему звуки, например ослепительным умением произносить начальное „К" так, как произносят „К" в фамилии Какабадзе. Словом, интерес к фонетике сразу же проявился у Николая Александровича с того момента, как он вступил на путь востоковедения. И у него тогда же появился среди многочисленных звуков разных языков любимчик. Я наблюдал многих фонетистов, заядлых,

1 Мы используем с некоторыми сокращениями магнитофонную запись (из фонотеки Архива востоковедов ЛО ИВАН) выступления акад. Н. И. Конрада.

2 Очевидно, Н. И. Конрад ошибся, знакомство должно было состояться в 1910 г., когда Невский стал студентом первого курса.

рьяных фонетистов, у которых всегда был какой-то любимый звук, любимая фонема. Ну, я знаю таких, которые так любили аффрикаты, что когда писали статьи об аффрикате, то получалось что-то вроде кансоны в честь мадонны Лауры. У Николая

Александровича появился тогда любимый звук, который он с величайшим удовольствием произносил — глотта-стоп. Это тот самый звук, которым давятся… Внимание Н. А. Невского к фонетике сразу уловил один из его учителей — Василий Михайлович Алексеев, тогда молодой приват-доцент. Он приехал из Китая еще наполненный всеми звуками китайского языка и поэтому первое, с чего он начал, став преподавателем Восточного факультета, это открыл, как он говорил, фонетическую студию. Другими словами, студенты должны были изучать международную фонетическую транскрипцию и тексты говора в транскрипции. Василий Михайлович после первого года занятий фонетической студии пришел в уныние. Он видел, что студенты не понимают этого. „Что мне это дает? Важнее выучить лишний десяток иероглифов, чтобы читать тексты. А что толку упражняться в фонетической транскрипции пекинского диалекта", — говорили они. И все-таки Алексеев и на второй год своего преподавания оставил фонетическую студию. И, как он потом говорил, Николай Александрович Невский спас его начинание. Он был единственный из его слушателей, который с восторгом занимался. Прекрасное свидетельство тому, как много в нашей деятельности преподавателей зависит от слушателей.

Но дело в том, что лингвистические склонности Николая Александровича, и в частности склонности к фонетике, тогда были буквально поддержаны самой атмосферой. А атмосфера создалась весьма интересная. Все востоковедение, простите, все языкознание у нас в университете возглавлял тот человек, которого мы сейчас считаем просто титаном, Бодуэн де Куртенэ. Именно он создал знаменитое учение о фонеме. И слово „фонема" в ту пору было еще свежо, ново, увлекательно и даже загадочно, особенно для профанов. Ну, приблизительно так, как сейчас, скажем, слово „алгоритм". Потом оно, конечно, превратилось в будничную прозу, в будничное понятие и понемножечку интерес к нему стал падать. Но тогда фонема была на своем подъеме. Кроме того,

гаодин из ближайших учеников и сотрудников Бодуэна Де Куртенэ, Лев Владимирович Щерба, тогда 'молодой приват-доцент, в университете, в большом здании, в одной из комнат нижнего этажа, вдруг открыл кабинет, который назывался кабинетом экспериментальной фонетики. Боже! Это совершеннейшее новшество, абсолютно непонятное, студенты смотрели на этот кабинет, как на кабинет Калигари, какие-то там вертящиеся штуки, что-то такое неведомое. Это было началом большой экспериментальной работы по фонетике под руководством Льва Владимировича Щербы. Эту школу прошли

двое выдающихся наших китаистов — Евгений Дмитриевич Поливанов и, затем, Николай Александрович Невский.

Так вот вся эта общая атмосфера поддерживала склонности Николая Александровича к лингвистике, и в особенности к фонетике.

Не могу умолчать еще об одном, что также по-своему сказалось на деятельности Николая Александровича Невского. О его любви к поэзии. Я прекрасно помню, как он с торжеством вошел в мою комнату в общежитии и положил на стол маленькую книжечку. И сказал: „Вот, читайте!". Это был „Камень" Мандельштама. Оценить в то время Мандельштама могли очень немногие… И с большим удовольствием он всегда цитировал Велемира Хлебникова. Вот два полюса. И они весьма своеобразно отразились в дальнейшей деятельности Николая Александровича».

Вступление Н. А. Невского в число студентов восточного факультета совпало с переменами в самом процессе организации преподавания дальневосточных языков, и прежде всего китайского. Именно в те годы с молодыми преподавателями Василием Михайловичем Алексеевым (будущим академиком) и Алексеем Ивановичем Ивановым в русскую китаистику влилась новая, живая струя. Судя по выступлению Н. И. Конрада, они стремились привить студентам навыки разговорной речи, научить их говорить по-китайски. Оба молодых преподавателя только что вернулись из Китая и, очевидно, действительно «были полны звуками китайского языка». Вместе с В. М. Алексеевым на факультет пришло и увлечение китайским искусством, литературой, в особенности классической поэзией.

Японский язык на факультете с 1909 по 1912 год дел Геннадий Иванович Доля, чиновник Министерства иностранных Дел, которому в утренние часы было разрешено преподавать в университете в качестве исполняющего обязанности лектора с окладом 1000 руб. в год. Титулярный советник Г. И. Доля, 1876 года рождения, выпускник Восточного института во Владивостоке, лучшего практического востоковедного института России тех лет, проявил себя хорошим переводчиком в годы русско-японской войны, за участие в которой был награжден орденом. Он был рекомендован в преподаватели факультета такими видными востоковедами, как Д. И. Иванов, В. Л. Котвич и П. С. Попов. Н. А. Невский учился японскому языку у Г. И. Доли два с лишним года, до той поры, пока в 1912 году Долю не назначили драгоманом Русского консульства в Мукдене. Заботами Доли как издателя было в 1910 году опубликовано

учебное пособие Б. Х. Чемберлена «Практическое введение в изучение японской письменности».

Вторым преподавателем японского языка был японец Куроно Есибуми3 (1860–1918) — уроженец Сидзуо-ка. По окончании Токийского университета в 1883 году он был направлен в Россию «с научною целью» и через Владивосток прибыл в Петербург. В 1888 году, когда декан Восточного факультета акад. В. П. Васильев обратился к властям с просьбой о создании на факультете Японской кафедры, Куроно Есибуми был рекомендован японским посланником в качестве преподавателя японского языка. Оставаясь японским подданным, Куроно Есибуми всю свою дальнейшую жизнь прожил под Гатчиной в деревне Загвоздка. Преподавая японский язык, он в то же время прослушал курс лекций на юридическом факультете университета. Нередко по просьбе некоторых ведомств, в том числе Военного министерства и Адмиралтейства, он переводил различные документы с японского на русский. Был он и переводчиком следственной комиссии по делу о сдаче Порт-Артура. Во время русско-японской войны Куроно Есибуми преподавательской деятельности не прерывал, правда, позднее он судился с одним журналистом, обвинившим его пуб-

3 Имя Куроно — Есибуми мы передаем в современной транскрипции, в тех случаях, когда оно встречается в документах той ЭПОХИ, — Иосибуми,

лично (через газету) в шпионаже. В 1918 году, когда начиналась гражданская война, он, оказавшись в тяжелом положении, решил переехать из Гатчины в г. Грязовец Вологодской губернии, но в дороге заболел и 25 ноября 1918 года скончался на станции Тосно. Там он и был похоронен за счет Петроградского университета.

К моменту поступления на Восточный факультет Н. А. Невского Куроно Есибуми был уже автором ряда добротных пособий для изучения японского языка, например «„Русско-японские разговоры с приложением японских пословиц, поговорок и т. п., переведенных на русский язык, и некоторых русских пословиц с переводом на японский язык". Составил для студентов факультета Восточных языков Иосибуми Куроно, преподаватель при Императорском Санкт-Петербургском университете, 1894 г.» На титульном листе рукою Куроно Есибуми четким почерком по-русски написано: «Николаю Александровичу Невскому от И. Куроно, 9 апреля 1913 года». Учебник предназначен был «послужить хоть некоторым пособием для наших слушателей к первоначальному ознакомлению с

разговорным японским языком и к усвоению известных иероглифов, необходимых для дальнейшего изучения этого языка», а сам Куроно Есибуми считал, что труды его будут «вознаграждены сознанием принесенной нами пользы изучению нашего родного языка в России».

В 1913 г. Куроно Есибуми и В. П. Панаевым был издан «Самоучитель японского языка», также преследовавший цель «предоставить возможность занимающимся близко подойти к живой речи японцев». Составители сочли «своим непременным долгом выразить глубокую благодарность приват-доценту Санкт-Петербургского университета Владиславу Людвиговичу Котвич, содействовавшему Куроно в течение многих лет в разрешении различных вопросов, касающихся японской грамматики, приват-доценту Санкт-Петербургского университета Алексею Ивановичу Иванову, неоднократно помогавшему в формулировке некоторых правил той же грамматики». Участие этих двух в будущем прославленных ученых повысило научную значимость «Самоучителя».

Вместе с тем некоторые данные свидетельствуют о том, что в преподавании японского языка в Петербург

ском университете тех лет имела место и известная книжность, отставание от живой, прежде всего простонародной, японской речи. Конечно, всякий, кто изучал восточные языки, знает, что учебник часто бывает далек от живого языка, недостаточно передает фонетику я ту бездну интонаций, которыми изобилует живая речь.

В 1913 году Н. А. Невский в качестве студента-практиканта в первый раз посетил Японию. На всю жизнь у него сохранились воспоминания о том, как впервые в гостинице он заговорил по-японски. Он старательно подбирал слова и выражения, произнося их точно по выученным правилам, но — увы! — прислуга с любопытством толпилась вокруг, кланялась, однако, видимо, не понимала его. Из дверей соседнего номера появился пожилой, интеллигентного вида японец в очках, послушал и вежливо, медленно произнося слова, сказал:

— Сударь, вы изволите говорить на языке классических книг средневековья. Поэтому людям трудно вас понять.

Эту историю рассказал в начале 60-х годов авторам этих строк видный японский ученый-этнограф Масао Ока. Он вспоминал, что Н. А. Невский, весело смеясь, не раз рассказывал ее своим японским друзьям. Кстати, даже если этот эпизод преувеличен до курьеза, до анекдота, он не может бросить и малейшей тени на Куроно Есибуми и его коллег. В 1950 году

первый текст разговорного китайского языка, которому обучал студентов Восточного факультета китаец с русской фамилией Ниткин, начинался с двух фраз: вопроса «Ни туй син?» (Ваша фамилия?) и ответа «Би син Ван» (Моя фамилия Ван). Так вот, китайские студенты, которые вскоре в большом числе появились в Ленинградском университете, слыша это, всегда смеялись. Дело в том, что изысканная вежливость, которой старательно обучал нас добрейший Владимир Краснович: «Ваша драгоценная фамилия?» — «Моя, ничтожного, фамилия Ван», давно ушла из жизни, во всяком случае, тех слоев общества, которые представляли эти студенты. Простая истина — живой язык изменяется достаточно быстро и не всегда учебники и учителя, оторванные от родной почвы, поспевают за ним.

Японский язык преподавал студентам и А. И. Ива

ной, сыгравший виДную роль в научной судьбе Н. А. Невского.

Наиболее яркой личностью среди непосредственных преподавателей Н. А. Невского был В. М. Алексеев. Начало его преподавательской деятельности в университете (1910) совпало с поступлением Н. А. Невского на Восточный факультет. Побывавший в Китае, знакомый с европейской синологией Англии, Франции и Германии, лично — с ее лучшими учеными, в том числе французом Эдуардом Шаванном, вместе с которым он объездил Китай, В. М. Алексеев был полон стремлений вести дело по-новому. Об этом, как мы видели выше, говорил в своем выступлении Н. И. Конрад. В. М. Алексееву была присуща широта интересов — это культура, филология и искусство в самых разных их проявлениях, от фонетики языка и художественной литературы до обычаев, обрядности и народного лубка. Для таких учеников Алексеева, каким был Невский, это было очень существенно. Влияние Алексеева на Невского всегда было огромным.

В. М. Алексеев стремился превратить Восточный факультет Санкт-Петербургского университета в «образцовую школу востоковедов», выпускники которой были бы одинаково способны как к научной, так и к практической деятельности, — сразу скажем, идеал, трудно достижимый.

Н. А. Невский вообще прошел в университете блестящую школу лучших отечественных востоковедов. В числе его преподавателей кроме названных выше были китаист П. С. Попов, первый русский историк Китая Любимов, В. В. Бартольд, Н. И. Веселов-ский и др.

Учился Н. А. Невский хорошо. Жил он в так называемой

Коллегии императора Александра II, в общежитии, получал стипендию в размере 300 руб. в 1911–1912 годах, а в 1913–1914 годах — повышенную стипендию наследника-цесаревича. Работал он много, упорно. Вот его шутливые стихи тех лет:

Ах, проклятое ученье, Скоро ль кончится оно? Вот уж подлинно мученье Всем нам, грешным, суждено! Ты сидишь, корпишь над книгой,

Да и 1бросишь, наконец: Ведь недолго до могилы От нее, ах, мой творец!

Дипломную работу Н. А. Невский писал по китайской поэзии под руководством В. М. Алексеева. Тема называлась: «Дать двойной перевод (дословный и парафраз) пятнадцати стихотворений поэта Ли Бо, проследить в них картинность в описаниях природы, сравнить по мере надобности с другими поэтами и дать основательный разбор некоторых иностранных переводов». Работа над стихами великого китайского поэта была Николаю Невскому по душе. Он не только, как отмечалось выше, любил поэзию, но и сам писал стихи, хорошо делал стихотворные переводы. Эпиграфом к своему диплому Невский избрал следующие строки Тютчева:

Не то, что мните вы, природа, Не слепок, не бездушный лик: В ней есть душа, в ней есть свобода, В ней есть любовь, в ней есть язык!

Н. А. Невский с большим успехом для уровня тех лет — и собственных знаний, и изученности китайской поэзии — показал, как Ли Бо постигал душу природы, как он переводил ее язык на язык четких, выпуклых, удивительно емких образов китайской поэзии. Для студента-дипломника работа была выполнена блестяще. Признав дипломное сочинение Невского весьма удовлетворительным, В. М. Алексеев сделал на нем приписку, обращенную к автору: «Работа Ваша выполнена прекрасно. Усилия, употребленные на понимание трудных, оторванных от контекста стихов и на создание искусного перевода, увенчались полным успехом, особенно благодаря добросовестному отношению Вашему к каждому слову и выражению. Погрешности, отмеченные на полях, имеют характер более нежели извинительный, ибо обязаны только вполне понятному недостатку опытности». Через 20 лет в своей записке о выдвижении профессора Николая Александровича Невского в действительные члены Академии наук СССР акад. В. М. Алексеев, вспоминая те годы, напишет: «В 1910 году Н. А. Невский поступил на китайско-японское отделение Факультета восточных языков, где

его преподавателям, в том числе и одному из подписавших эту записку, стало очевидным полное соответствие призвания с наличностью необыкновенных способностей и такой же рабочей силы. В результате своих занятий он написал работу на исключительно для него предложенную тему, требовавшую поэтического анализа наиболее трудных стихотворений Ли Бо, и справился с этой темой, как с тех пор никто из учащихся китаистов, проявив исключительное умение разбираться в трудных текстах, а особенно в поэтологиче-ском тезавхе-конкордансе „Пэй вэнь юй фу", пользование которым в руках студента, кроме упоминаемого случая, ни разу не было отмечено за 36 лет наблюдения».

Для «восточников» первых десятилетий нашего века существовали две «научные родины» — Восточный факультет Петербургского университета и Музей антропологии и этнографии. Замечательные коллекции, собранные в музее, привлекали к себе студентов, решивших посвятить свою жизнь изучению народов Востока. Но коллекции были не единственное и не главное, что делало Музей антропологии и этнографии «научной родиной» будущих востоковедов. Главным была та атмосфера научного поиска и высокого гуманизма, которая царила в музее благодаря деятельности его сотрудников. Центральной фигурой в музее в те годы был старший этнограф Лев Яковлевич Штернберг. Конечно, студент Невский не представлял себе тогда, во что выльются его отношения со Штернбергом спустя годы, не мог он знать и того, какое влияние на его научную судьбу окажет встреча со Львом Яковлевичем, но уже первое знакомство с ним оставило впечатление личности незаурядной, привлекательной.

Так оно и было в действительности. Жизнь Штернберга была трудной и удивительной. Он собирался стать юристом, но судьба распорядилась иначе: Штернберг вошел в историю науки как крупнейший отечественный этнограф. Студентом он участвовал в народовольческом движении в Одессе. Был арестован, сослан на Сахалин. Там он не поладил с администрацией и был отправлен в еще более суровую ссылку на самый отдаленный пост Виахту. Шесть лет прожил среди гиляков, составлявших местное население, овладел гиляцким

языком, узнал быт и нравы этого народа, глубоко изучил фольклор.

Деятельность Штернберга не осталась незамеченной. В октябре 1892 года в московских «Русских ведомостях» в отчете о

заседании Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете сообщалось об изучении Штернбергом на Сахалине общественного устройства гиляков. Это сообщение стало известно Ф. Энгельсу и заинтересовало его. Пользуясь данными «Отчета», Энгельс написал статью и опубликовал ее в журнале «Нейе цайт». Статья эта дополнила затем книгу Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Мог ли думать Штернберг, когда впервые познакомился в одесской тюрьме с произведением Энгельса, что и он внесет свой скромный вклад в этот замечательный труд!

Революционная деятельность привела Штернберга к этнографии. Путь от ссыльного народовольца до старшего этнографа Музея антропологии и этнографии в Петербурге растянулся на долгие годы. К тому времени, когда Невский стал студентом-восточником, Штернберг был уже признанным ученым, вокруг которого группировалась молодежь. В музее он систематически читал курсы лекций по этнографии. Вот как это началось, рассказывает Н. И. Гаген-Торн в своей книге о Штернберге4.

«День посещения музея. Штернберг заметил у витрины группу молодежи, о чем-то споривщую. Подумал: „О чем это они? Демократическая, прогрессивная молодежь…" Подошел.

— О чем вы спорите, господа? Может быть, я могу быть полезен? Я охотно дам разъяснения.

— Мои коллеги не соглашаются, что в музее следует провести урок для пятых и шестых классов по географии и истории, — сказал, тряхнув русым чубом, молодой человек в потертом пиджаке и вышитой косоворотке.

— Для географии достаточный иллюстративный материал имеется в туманных картинах, они нагляднее

4 Н. И. Гаген-Торн. Лев Яковлевич Штернберг. М., 1975. Далее цитируем по этому изданию.

отдельных вещей, — сердито ответила тоненькая девушка в очках, — а для истории тут мало поучительного. Для урока истории больше подходит Эрмитаж. Там ученики получат наглядное представление о культуре Греции и Рима. Зачем им смотреть на дикарей? Чтобы развивать фантастику в духе Фенимора Купера? Несерьезно!

— Сударыня, простите меня, но дикарей нет, — твердо сказал Лев Яковлевич. — Нет племени, у которого бы не было своей достойной уважения культуры. Вернее сказать, которое не внесло бы своей доли в поступательный ход истории. Изучением этого

процесса занимается этнография. Приступая к преподаванию географии, — Лев Яковлевич обратился к молодому географу, — вы, прежде чем изобразить землю, не преминете, хотя бы в общих чертах, изложить историю ее образования и той эволюции, которую она пережила, перейдя от космического зарождения до превращения в нынешнюю обитаемую планету… Всякий добросовестный учитель естественной истории не начнет изложения непосредственно с описания существующих видов, не так ли?

Лев Яковлевич увлекся и спохватился только, когда заметил, что в наступающей темноте почти не различает лиц притихших слушателей.

— Скажите, вы не могли бы дать нам литературу? — спросила девушка в черной юбке.

— Может, вы разрешите еще раз послушать вас? — неуверенно спросил кто-то в полутьме.

— Охотно! Мы, разумеется, разрешим приводить ваших учеников, и, если хотите, я предварительно дам вам подробные пояснения всей экспозиции».

Так образовался под руководством Штернберга кружок преподавателей гимназий и школ для рабочих. Это было в 1906 году.

К тому времени, когда в 1911 году Невский пришел на Восточный факультет, «приватные курсы» Штернберга существовали как нечто постоянно действующее. Н. И. Конрад вспоминал:

«Было тогда в обычае, чтобы некоторые ученые семинары устраивали. Они назывались „приваты", а иногда даже „приватиссиме". Это ни в какие расписания не внесенные занятия, ни в каких учебных плачах це зна-

чащиеся, а просто так, вот там, если подняться в комнаты музея наверх по лестнице, налево повернуть и сразу маленький кабинет, где сидел Лев Яковлевич Штернберг и где сидели члены его неофициального семинара, приваты. В числе их был и я, бывал и Николай Александрович. Нас многому научил Лев Яковлевич. Он заставил нас читать Фрэзера».

Дж. Дж. Фрэзер (1854–1942) получил мировое признание как автор фундаментального труда «Золотая ветвь» (1890) 5. Окончив Кембридж по специальности классическая филология, Фрэзер вскоре увлекся этнографией. Из первых его работ наиболее известна «Тотемизм и экзогамия». Но настоящая слава пришла после выхода в свет знаменитой двенадцатитомной «Золотой ветви». Что скрывалось за поэтическим названием этого ученого

труда? По словам его автора, первоначальной целью книги было всего лишь «объяснение странного правила, которому подчинялось преемство жрецов Дианы в Ариции».

Античная легенда рассказывает о том, что в святилище богини Дианы на берегу оз. Неми в Италии росло необычайное дерево. Вокруг шумел Арицийский лес, но лишь одно это дерево бдительно охранялось жрецом, который носил титул царя леса. «Странное правило» заключалось в том, что посягнуть на жизнь царя леса мог только беглый раб, сумевший сломать одну из ветвей священного дерева. Если в поединке царь леса погибал, убийца становился его преемником. Со временем нового царя леса ожидала та же участь — пасть от руки очередного удачливого похитителя ветви. Эта ветвь называлась золотой.

Множество проблем было сгруппировано Фрэзером в три основных вопроса: почему жрец Дианы в Неми был не только жрецом, но и царем леса? Почему он должен был убить своего предшественника? Почему перед совершением убийства ему надлежало сломать «золотую ветвь»?

«Когда я впервые заинтересовался этой проблемой, вот уже тридцать лет назад, — писал Фрэзер, — то полагал, что разрешение ее будет легким. Однако скоро

5 Дж. Дж. Фрэзер. Золотая ветвь. Пг., 1)9212. Далее, цитируем по этому изданию,

3 Зак. 474

оказалось, что для того, чтобы сделать объяснение проблемы правдоподобным или даже просто понятным, необходимо обсудить и разобрать целый ряд более общих вопросов, из которых некоторые прежде едва затрагивались. В последующих изданиях рассмотрение этих родственных с ними проблем занимало все больше и больше места, обследование всей этой темы так расширялось и углублялось, что два тома первоначального труда развернулись в целых двенадцать».

«Странное правило» объяснялось следующим образом. Жрец Дианы, олицетворение духа растительности, должен был встретить смерть не дряхлым и больным, а в расцвете жизненных сил. Тогда его священная жизнь, от которой зависел мир растений, возрождалась в преемнике «царя» во всем своем могуществе. Дух растительности воплощался одновременно и в дереве, и в человеке, который это дерево охранял. Фрэзер считал, что дерево это было дубом, душа которого пребывает в омеле, растущей на его стволе. В омеле же заключена и жизнь человека, жреца, следовательно, чтобы его убить, надлежало сорвать золотую ветвь омелы.

Но не классическая филология дала ответ на все возникшие

перед Фрэзером вопросы. Он должен был привлечь данные этнографии. Народные обычаи, фольклор самых различных районов земного шара замечательно иллюстрировали и объясняли документы античности, проливали свет на загадочные явления.

Исследование этнографического материала позволяло, например, сделать вывод о том, что повсеместно сочетание жреческого и царского званий, духовной и светской власти в одних руках было социальной нормой. Так было в древности в Риме и Афинах, в Китае и на Мадагаскаре, в Африке и Центральной Америке, в Малой Азии и Германии. А в первобытном обществе царь мог достичь полноты власти и могущества, лишь проявив свой талант в колдовстве.

«Золотая ветвь» стала настольной книгой Н. А. Невского. Научный поиск увлекал, бесчисленные факты, собранные и истолкованные Фрэзером, поражали воображение. Мечталось о том, что когда-нибудь и ему придется окунуться в гущу народной жизни Японии, услышать и увидеть неслыханное И невиданное. Мечтам этим суждено было сбыться,

Крупный и разносторонний этнограф, Л. Я. Штернберг создал ряд оригинальных концепций, но, может быть, главным свершением его жизни была разработка научного метода этнографии. О сущности его предельно ясно говорит сам Штернберг: «Этнография близко, интимно связана с науками гуманитарными, а из них более всего с дисциплинами историческими и филологическими. И не только связана формально. Этнография, специально изучающая процессы эволюции на низших ступенях культуры, одинаково необходима всем гуманитарным наукам. Она необходима одинаково и историку, и философу, и психологу, и юристу… Но если все эти науки нуждаются в помощи этнографии, то еще больше этнография нуждается в них».

До Л. Я. Штернберга этнографию причисляли к наукам естественным. Метод Штернберга получил в литературе название «этнографо-лингвистический». Штернберг пришел к этому методу в результате собственной практической работы: «Мне пришлось убедиться, что без основательного знания языка подлинная жизнь заинтересовавшего меня племени, особенно ее психические стороны, останутся для меня сокрытыми».

Два основных требования предъявлял Штернберг к ученому-этнографу: первое — не наблюдать жизнь народа со стороны, а входить в его быт; второе — чтобы общаться с людьми, надо знать их язык.

«Оба эти требования в настоящее время обязательны для каждого этнографа, но в начале века они еще не были осознаны. Многие зарубежные этнографы довольствовались кратковременными поездками в изучаемые ими страны и почти всегда в своей работе пользовались услугами переводчиков. Требования знания языка и вхождения в среду изучаемого народа или племени стало обязательным лишь среди британских этнографов, работавших в колониях после первой мировой войны… Среди зарубежных этнографов есть немало лиц, изучивших народы тропических стран и подолгу Живших среди них… но и они, изучая население колоний, выступали как представители колониальных властей и пользовались их поддержкой, что создавало между ними и изучаемым народом… преграду»6.

6 Д. А. Ольдерогге. Предисловие к кн.: Н. И. Г а г е н — торн. Лев Яковлевич Штернберг, с. 5–6.

Штернберг-педагог обладал подлинным педагогическим талантом, который никого из его слушателей не оставлял равнодушным.

«Мало в жизни людей, имеющих право называться учителями, и Лев Яковлевич — один из них». Эти слова принадлежат Н. Д. Флитнер, слушательнице одного из курсов Штернберга. Она вспоминает о том, какой радостью было общение со Штернбергом: «Это был тот же захватывающий, совершенно поглощающий интерес, который переживается в детстве, когда читаешь одну из тех книг, которые впоследствии становятся памятными — слушатели становились фанатиками его дела».

Научные интересы Штернберга сосредоточивались главным образом на исследовании первобытного общества, его общественных институтов, нравственных категорий, одним словом, на духовной жизни племен. Своей научной деятельностью он последовательно опровергал веру в значение письменных источников при изучении прошлого человечества. Такая безусловная вера заостряла внимание ученых на европейской цивилизации, тогда как фольклор бесписьменных народов, религиозные обряды, сохранившиеся архаические формы общественных отношений давали возможность иного взгляда на историю, на прошлое человечества. «Этнография познает человечество через многообразие конкретных этнических образований. Пристальное изучение отдельного общества помогает обнаруживать древние и далекие связи, о которых не подозревают ученые, знакомящиеся с жизнью по письменным

источникам». Отсюда становится понятным, почему слушателям курсов вменялось в обязанность «при командировках изучать язык исследуемых народностей, а также производить наблюдения по определенным заданиям из области шаманства, близнечного культа, системы родства…».

Как этнограф Н. А. Невский сложился под прямым и непосредственным влиянием Л. Я. Штернберга, взгляды которого он разделял. Школа, пройденная у Штернберга, была «вторым университетом» для Невского.

9 апреля 1914 года (по старому стилю) Н. А. Невскому было выдано свидетельство об окончании университета, в котором значилось:

«Предъявитель сего Николай Александрович Нев

ский, православного вероисповедания, сын чиновника, родившийся 18 февраля 1892 г., был принят по аттестату зрелости гимназии Рыбинской от 4 июня 1909 г. за № 438 в число студентов Императорского Санкт-Петербургского университета в июне 1909 года, в сентябре 1909 года уволен, а в сентябре 1910 года вновь принят и зачислен на китайско-японский разряд факультета Восточных языков, на котором слушал: китайский язык, историю китайской литературы, историю Китая, японский язык, историю японской литературы, общий курс истории Востока, историю Восточной части Средней Азии, введение в языкознание, участвовал в установленных учебным планом практических занятиях, подвергался испытанию по французскому языку и, по выполнению всех условий, требуемых правилами о зачете полугодий, имеет восемь зачетных полугодий».

Предполагалось, что Н. А. Невский останется при университете для продолжения научной деятельности и подготовки к работе в должности преподавателя японской литературы. Было подано соответствующее прошение:

«В факультет Восточных языков
окончившего весной 1914 года
с дипломом первой степени
Императорский Петроградский университет
по японо-китайскому разряду
Восточного факультета
Николая Александровича Невского
Прошение

Имею честь покорнейше просить факультет Восточных языков об оставлении меня при университете со стипендией по кафедре японской словесности для занятий литературой весьма важного в культурном отношении периода Хэйан.

Николай Невский
5 сентября 1914 года.
Мой адрес: Петроградская сторона, Зверинская, 34, кв. 11».

Решением Ученого совета факультета Восточных языков от 5 сентября 1914 года Н. А. Невский был оставлен при университете, но без стипендии, о чем и

уведомлен открыткой. Лето 1914 года внесло в планы и жизнь факультета изменения. Началась первая мировая война, и намечавшиеся факультету ассигнования были сокращены. Невский оказался при университете в положении, близком к современному аспирантскому, но Оез стипендии. Нужна была хоть какая-то работа. И, пополняя свое дальнейшее образование уже в первую очередь как японовед, Невский одновременно поступил на внештатную работу в нумизматический отдел Государственного Эрмитажа. По позднейшим рассказам Невского другим людям, он в студенческие годы мечтал и о дипломатической карьере, но она оказалась недоступной ему из-за его происхождения.

О своей же работе в Эрмитаже в 1914–1915 годах Н. А. Невский в автобиографии сообщает так: «Окончив университет в 1914 году, был оставлен при университете для подготовки к профессорской деятельности по японской кафедре. Занимаясь над пополнением своего образования, я в то же время работал в Государственном Эрмитаже (в нумизматическом отделе), что давало мне возможность существовать, так как я временно был оставлен при университете без всякого содержания». По некоторым сведениям, в Эрмитаже Н. А. Невский занимался классификацией китайских и японских монет. На каких условиях он работал в Эрмитаже, сказать трудно. В Архиве Государственного Эрмитажа за 1914–1915 годы даже в таком документе, как ведомость о выплате жалованья штатным сотрудникам и кандидатам на должности, упоминаний о Невском нет. Очевидно, он не был даже в числе кандидатов на должность, а работал на каких-то договорных условиях. И короткое время.

Первый год после студенчества. Петербургская жизнь «в туманах темных сновидений», увлечения, стихи «под Мандельштама» или еще кого-то:

Она — бледнее, чем вчера, Полулежала в мягких креслах, Пока дремали веера Вечерних вздохов легкой песни.

Над тишиной печальных лиц Зажглась пронзительно и тонко В свинцовом сумраке ресниц Слеза капризного ребенка.

И в час, когда тоску труда Переплывает смутный гений, Душа

взмывает иногда В туманах темных сновидений.

«Смутный гений», подрабатывая в Эрмитаже, успешно «переплывал» «тоску труда», за что и был вознагражден. В 1915 году университет изыскал средства на откомандирование Н. А. Невского в Японию «для усовершенствования знаний и приобретения необходимых навыков в разговорном языке», — как писал о цели командировки он сам.

" «В Японии, получая определенную зарплату, я мог всецело отдаться занятиям различными отраслями япо-новедения».

Так в жизни Н. А. Невского начались «годы странствий».

Токио

Япония встретила Невского июльской духотой. Приближался сезон «мусиацуи». Но адовой жары он попросту не замечал. Впереди было целых два года! /Впереди — сказочная японская осень с прозрачными небесами, недолгая мягкая зима и пышная весна… Он увидит гробницы сегунов ТокугаВа, хорошо знакомый по книгам японских писателей парк Уэно со знаменитыми музеями, легендарный квартал Асакуса с храмом богини Каннон. А театр Кабуки! Кукольные театры! Но самое главное — он станет частицей этого огромного города. Смешавшись с толпой, будет присутствовать на богослужениях в храмах, обойдет все книжные лавки токийского «латинского квартала» — Канда. Лавки на Гиндзе, где глаз не оторвешь от изделий народных мастеров. Не сходя с места, можно изучать народные обычаи, костюм, ремесла. Жизнь Токио, то, что не постигнешь чужими глазами, пусть даже автор рисует живописную картину вроде этой: «Главною достопримечательностью Токио для свежего человека является сам город — эти старинные деревянные домики, которые лишь отчасти заменены кирпичными постройками в чужеземном стиле, уличная жизнь народа, шум деревянных башмаков, хорошенькие дети, напудренные и нарумяненные по случаю праздника, грациозная местная одежда, которую западные изделия и фасоны еще не успели вытеснить, неописуемо забавное сочетание этой одежды с европейскими шляпами, шотландскими плащами и вязаными косынками…» '. То, что останется

1 Чемберлен. Вся Япония. СПб., [1908?], с. 343,

тайной для любого, кто не бывал в стране и знает ее только по книгам, ему будет доступно. Он был молод и счастлив.

В Токио ему не грозило одиночество, здесь уже обосновались Отто Розенберг и Николай Конрад. Они были единомышленниками, друзьями и понимали друг друга с полуслова.

Все трое были посланы в Японию на стажировку, факультет Восточных языков, командировавший их, ставил перед ними цель: получить основательную обще-филологическую подготовку, необходимую для преподавательской работы на факультете. Но это не было единственным смыслом командировки. Каждый из них имел еще свои, особые задачи, связанные с исследовательской работой. Разграничить научное исследование и совершенствование в языке было невозможно да и не нужно. Одно помогало другому.

Розенберг в Токио был уже «старожилом». Его командировка, рассчитанная на четыре года, началась в 1912 году.

Сын архивариуса Фридрихштадтского городского магистрата Юлиус Карл Отто Розенберг пришел на разряд санскритской словесности факультета Восточных языков Санкт-Петербургского университета с золотой медалью. Юлиус Карл принадлежал к евангелическо-лютеранскому вероисповеданию, поэтому и обучался в гимназии училища при лютеранской церкви Св. Екатерины в Петербурге.

Лицо с детски-припухлыми губами, высоким лбом и не по годам серьезным взглядом невольно останавливало внимание преподавателей. Розенберг отличался одаренностью и прилежанием. Это бросалось в глаза. Пожалуй, специальность буддолога, действительно, удел тех, кто кроме способностей наделен еще даром исключительного трудолюбия. Розенберг прослушал курсы санскритского языка, пали, пракрита, китайского тибетского и множества других дисциплин, таких, как международное право, общий курс истории Востока, логика и психология. И везде он был в числе лучших. По окончании университета Розенберг был командирован в Берлинский университет для занятий японским языком, с тем чтобы потом отправиться в длительную командировку в Японию.

Специальной областью занятий Розенберга было изучение религиозной и философской литературы Японии и ознакомление с живой традицией буддизма. Необходимо было определить значение этой традиции для изучения индийского буддизма и философии. Розенберг шел непроторенным путем. Европейское японоведение почти не затронуло религиозно-философской литературы Японии. Столкнувшись с этой литературой, Розенберг понял, что нельзя вникнуть в смысл текстов, не обладая запасом специальной лексики. Работая над темой, он составил «Свод лексикографического материала», который стал первой частью обобщающего труда «Введение в изучение буддизма по японским и китайским источникам», которая была издана в Токио (1916) и в Петрограде (1917). Второй частью «Введения…» была книга «Проблемы буддийской философии» (Пг., 1918).

…Два года после возвращения из Японии Розенберг проработал научным сотрудником Азиатского музея в Петрограде.

Вклад его в науку оказался настолько весомым, что, когда через полвека будет написана история Азиатского музея — Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, имя Розенберга упомянут китаисты, японоведы, индологи,

маньчжуроведы и каждый назовет его выдающимся ученым. О трудах Розенберга скажут, что они вошли в золотой фонд науки «и долго еще будут оставаться непревзойденными по научному уровню и широте охвата материала». И все это — о человеке, который в 1910 году окончил университет, а в 1919 уже умер.

«Лексикографический свод» содержал «конкорданс японских специальных лексиконов и списков терминов по религии и философии буддизма, а отчасти и синтоизма», а также — словарь китайско-японских и санскритских параллелей философских и религиозных терминов, собственных имен, заглавий. «Свод лексикографического материала раскрывает доступ к богатой вспо могательной литературе, созданной японцами для изучения буддийской религии и философии, а тем самым — к обширной буддийской литературе, переводной с санскритского, сохранившейся в Японии».

Вторая часть «Введения…» содержала обзор проблем. Так же, как и первая, эта книга предназначалась

для тех, кто собирался читать оригинальные китайские и японские сочинения и переводы с санскрита.

Множество религиозных направлений самого различного толка причисляли себя к буддизму. Что было у них общего? Какова их центральная проблема? Розенберг отвечал на вопрос о том, достаточно ли для знакомства с буддизмом европейских источников, дают ли японо-китайские материалы новое освещение проблемы.

Опыт Розенберга в подходе к материалу, методика исследования чрезвычайно важны были и для Н. А. Невского, который собирался посвятить свою стажировку изучению второй главной религии Японии — синтоизма. Кроме того, существовал так называемый буддийский синто, где сам предмет исследования в значительной — Мере был тождествен тому, чем занимался Розенберг.

Н. И. Конрад избрал своей темой камбун — китайскую классическую литературу в Японии. Он уже был Автором солидной статьи о начальной школе в Японии. Эта работа написана им на материале, собранном во "время кратковременной командировки в Японию в 1912 году. В октябре следующего года появилась ее публикация.

• Более опытные старшие товарищи охотно приходили на помощь.

Н. И. Конрад вспоминает об этом времени: «Розенберг занимался буддизмом и был отправлен в Японию Федором Ипполитовичем Щербатским, который с присущей ему

поразительной прозорливостью понял, что изучать буддизм в настоящее время нужно через Японию. Учитель и ученик, они были очень близки друг другу и в то же время очень разные. Чтобы показать, какая между ними была разница, разница двух поколений, я прочту два маленьких отрывочка. В 1919 году здесь, в Петрограде, уже была так называемая Первая буддий-~ская выставка (замечательное предприятие), где были прочитаны публичные лекции, в том числе и Щербатским, и Розенбергом. Лекция Щербатского — она называлась „Философия буддизма" — заканчивалась, например, так: „Тот самый Бергсон 2, на которого мы ссылались неоднократно в течение этой лекции (а Федор Ип

2 Бергсон Анри i(1859–1941) — французский философ-идеалист, представитель интуитивизма и филосо'фии жизни,

политович Щербатской любил сопоставлять некоторые учения индусов с теорией тогда очень модного, популярного, как известно, французского философа Анри Бергсона), в одном из замечательных своих докладов старался определить, что составляет существо философского учения и характернейшую черту всякого философа. Его заключение сводится к тому, что всякий философ вначале отправляется от какого-нибудь видения — от картины, в которой воплощается самое сердце его учения. Вся работа философа есть только стремление так или иначе истолковать и понять назначение этой картины, которая является опосредующим звеном между наблюдаемым миром и создателем самой теории".

Так закончил лекцию Щербатской. Лекция же Отто Оттоновича Розенберга называлась не „Философия буддизма", а „Миросозерцание современного буддизма на Дальнем Востоке". Очень важно обратить внимание на эту разницу в наименованиях. Розенберг закончил свою лекцию так: „Сближение Европы с Востоком усиливается. Все более и более рушится преграда, разделявшая народности, но не понять нам народы Востока, если мы не будем знать их души, не будем понимать того, чем живут и чем вдохновляются их лучшие мыслители, художники и поэты, если мы не будем знать, чем живет широкая масса народа".

И вот Николай Александрович Невский приехал к нам.

Дело в том, что из слов Розенберга можно понять: он изучал буддизм в Японии совершенно иначе, чем предполагал его учитель. Меньше всего он сидел над текстами и больше всего ходил по монастырям, храмам, разговаривал с монахами, иначе — его интересовал буддизм не как философема, а буддизм как действие. В известной мере такие же настроения были и у другого товарища Николая Александровича Невского, которого он застал

в Японии, у Конрада. Конрад поехал туда, чтобы заниматься китайской культурой в Японии, но ему хотелось не по книгам изучать, а увидеть тех людей, для которых китайская культура, в частности китайская философская мысль, представляется жизнью реальною, от чего зависит их поведение. Николай Александрович попал в среду своих товарищей, старших по возрасту. И произошло разделение зон влияния. Буд

дизм был признан зоной влияния Розенберга, китайская культура в Японии — зоной влияния Конрада, а зоной влияния Невского — синтоизм, то есть национальная идеология японцев».

Первые полгода своей стажировки Невский большое внимание уделяет литературе вопроса, ему необходимо хотя бы в общих чертах уяснить сущность основных синтоистских учений в исторической последовательности ях возникновения.

«Начал он, по традиции, конечно, с памятников, с тех же самых памятников, которые всем хорошо известны как литературные и исторические. Те же „Нихонги", те же „Кодзики", „Норито" и так далее, т. е. памятники VIII–IX веков. Но Николай Александрович, может быть в известной мере под воздействием своих коллег, не стал заниматься исключительно изучением памятников, окружив себя монографиями, трудами современных г профессоров японских. Нет, он взял старых токугавских / авторов, которые по-своему разрабатывали все эти памятники, и остановился главным образом на тех, которые больше всего занимались синтоизмом, в частности Хирата Сатоми. Николай Александрович стал одним из крупнейших знатоков этого выдающегося, чрезвычайно интересного мыслителя XVIII века. После него никто этим Хирата Сатоми не занимался, специально по крайней мере. Но в то же время это была одна линия работ, и, разрабатывая ее, Николай Александрович приобрел огромное знание материала по фольклору и превосходным памятникам…»

Переводы «Норито» — синтоистских гимнов VII–VIII веков Н. А. Невский спустя много лет опубликовал. До сих пор «Норито» в его переводе остаются в числе лучших образцов переводов памятников древней японской поэзии. Н. И. Конрад по поводу этой работы говорил:

«Перевод отличается тем качеством, которое пленяло почитателей раннего Мандельштама. Творчество раннего Мандельштама было в одной критической статье определено удивительно любопытным выражением „велеречивая строгость". И вот в этих гимнах этя велеречивость, эта торжественность, эта, даже если хотитеˆ многословность сочеталась с поразительной точностью каждого слова, каждой формулы».

«Подобно тому, как вздыхающий ветер восьмислойные тучи небес раздувает, как мглу утреннюю с мглой вечерней развевает ветр утренний с ветром вечерним; подобно тому, как громадный корабль, стоящий в громадном заливе, отвязавши у носа, отпустивши корму,

толкая, пускают в великую моря равнину;

подобно тому, как деревья густые, что в далях,

сносятся с корня

топорами калеными,

топорами проворными, — оставшихся прегрешений не будет:

они снимутся и очистятся».

Но параллельно с изучением памятников, а может быть даже предпочтительнее, определилась и другая линия исследований синтоизма.

«Обозначая словом „синто" или синтоизмом национальную японскую религию, как это принято в европейской науке, — писал Невский в отчете университету, — должен сделать весьма существенную оговорку, чтобы не вводить в заблуждение лиц, сталкивающихся с этим термином; а именно, что синто не есть понятие абсолютное, позволяющее каждому, слышащему данное слово сразу же вызвать в мозгу сущность концепции, обозначаемой данным термином. На вопрос, что такое синто, вряд ли много японцев даст удовлетворительный ответ…»

Уяснив в общих чертах сущность основных синтоистских учений в исторической последовательности их возникновения, Н А. Невский разделил их на три больших класса: буддийский синто, китаизированный синто и квазинациональный синто. Последняя разновидность синтоистских учений — квазинациональный синто — более двух первых импонировала самому Невскому в его исследованиях этого вопроса.

«К третьему классу относятся все попытки объяснить трактуемый предмет посредством сравнительного изучения национальных (или мыслимых национальными) классических преданий, встречаемых в „Кодзики", „Ни-хонги", „Манъёсю" и других старых книгах.

Таковы синтоистские учения плеяды националистов-кокугакуся3 (Мотоори, Хирата и пр.). Однако слабое

8 Кокугакуся — ученый, специалист по японской классической филологии.

развитие национального языкознания, служившего Преимущественной опорой этим комментаторам, китайское образование, процветавшее в токугавский период и

накладывавшее свою печать на всякого японца того времени, и отголоски начавшей проникать европейской науки привели к тому, что данный класс синтоизма, с одной стороны, полон натяжками в объяснениях, а с другой стороны, в национализм незаметно для самих ученых вкралась масса ненациональных элементов».

Ввиду эклектичности данного учения Невский обозначил его термином «квазисинто».

Классификация была относительной, существовало еще множество учений, которые располагались как бы между тремя основными классами.

Представители квазинационального синто внесли огромный вклад в изучение вопроса. Они обладали колос-, сальными знаниями в области национальной классической литературы и преданий, собрали очень большой и ценный материал, но совершенно не систематизировали его. Однако ни кокугакуся, ни тем более приверженцы буддийского или китаизированного синто не обращали внимания на живые народные суеверия, праздники, обрядность, другими словами — «на живой фольклорный и этнографический материал».

Невскому было ясно, что его собственная программа должна опираться на изучение именно живого фольклора и этнографии.

«Единственный путь для исследования первичных верований Японии, — писал Невский, — это прибегнуть к сравнительной этнографии и национальному фольклору, под которые подходят прежде всего ныне существующие сказания и предания разных провинций, народные обычаи, суеверия, гадания и чародейства, народные храмовые празднества и обряды, народные танцы, детские игры и пр.»

В соответствии с программой Невский намечает план Действий. Он ищет встречи с японскими этнографами, и вскоре такая встреча состоялась.

Невский был завсегдатаем одной из букинистических лавок, каких так много в Канда — «латинском квартале» Токио. Любознательный русский студент уже свободно изъяснялся по-японски. Хозяин лавки и приказчик охотно помогали Невскому во всем и вскоре позна

кбмилй его с молодым японским ученым-этнографом Накаяма Таро.

«Однажды весенним вечером в 1916 году, — вспоминает Накаяма Таро, — приказчик букинистической лавки, с хозяином которой я был дружен, сказал мне: „К нам частенько заглядывают двое русских студентов, они хотели бы познакомиться с

человеком, сведущим в истории Японии, нравах и обычаях японцев. Нет ли у вас желания подружиться с ними?" Я ответил, что это невозможно, поскольку я не владею ни одним из иностранных языков, но тут вмешался хозяин, сказав, что оба они превосходно говорят по-японски и могут рассуждать о самых сложных вещах» 4. Спустя несколько дней знакомство состоялось, и вскоре Накаяма сблизился с Невским. Их дружба продолжалась всю жизнь. Накаяма ввел Невского в круг японских этнографов. Впрочем, «круг» был весьма узок.

«Николай Александрович своими занятиями как раз попал в тот момент, — рассказывает Н. И. Конрад, — когда в Японии начала создаваться новая крупная этнографическая школа. Вместо прежних неопределенных этнографических исследований — настоящая научная этнография, во главе которой встал Янагита Кунио, очень крупный этнограф… Этот человек буквально влюбился в этнографию. И сумел привлечь средства для основания одного журнала, который назвал „Кёдо кэнкю" — „Ро-диноведение", если можно так сказать, и начал писать обо всем, что можно было наблюдать в Японии в те времена. В каждом номере такого небольшого журнальчика выступало десять-двенадцать авторов. И мы удивлялись тому, как много в нем сотрудничает этнографов. Как-то раз Накаяма слушал нас, слушал, а потом и сказал: „Видите, вот эти шесть авторов — это Янагита Кунио, а эти пять — я". Так что на первых порах делали журнал они двое…»

Вскоре Н. А. Невский познакомился с Оригути Но-буо и Киндаити Кёсукэ. Но особенно ценным для молодого Невского было знакомство с Янагита Кунио, перешедшее затем в многолетнюю дружбу и сотрудничество.

4 Като Кюдзо. Биография Н. А. Невского.—Н. А. Невский. Луна и бессмертие (Цуки то фуси). Токио, 1972 (на яп. яз.).

Крупнейший айновед КиНдаити Кёсукэ вспоминал, что Николай Невский был одним из первых, кто по достоинству оценил книгу Янагита «Тоно моногатари» (1907), которая считается «младенческим криком» японской этнографии. «Тоно моногатари» — собрание мифов Тоно, небольшого городка префектуры Иватэ, справедливо называемого сокровищницей фольклора. Там жил и учительствовал некий Сасаки Кидзэн, этнограф-любитель, знаток родного края, со слов которого Янагита записывал мифы Тоно.

Уже в те годы японцы отдавали дань уважения и восхищения молодому русскому коллеге, но даже самое смелое воображение не могло бы нарисовать того, что произошло в действительности:

пройдет немногим более полувека, и Невского назовут «одним из отцов японской этнографии».

Янагита впоследствии писал, что когда к нему впервые пришел 23-летний русский студент с намерением всерьез заниматься японской этнографией, то японскому ученому показалось это удивительным и неправдоподобным. Но вскоре он поверил в Невского.

В августе 1916 года Н. А. Невский загорелся желанием совершить поездку по японским деревням. Он выбрал префектуру Ибараки. Больше всего его интересовали поселки Атэра и Мотиката (округ Кудзи, деревня Тэгано). Ему было известно, что в этих глухих местах еще в ходу древние обряды. Невский хотел бы, чтобы с ним вместе отправился и Накаяма. Накаяма пытался отговаривать Невского, приводил массу неотразимых, по его мнению, аргументов против поездки, но в конце концов согласился, ибо Невский был непреклонен. И в один жаркий августовский полдень они выехали из Токио с вокзала Уэно. Япония — небольшая страна, всего четы-ре-пять часов пути, и ты — в глухой провинции.

Уже через несколько часов Невский и Накаяма достигли деревни Тэгано и направились в деревенскую управу. По случаю воскресенья там было пусто. Накаяма и Невский, окруженные толпой зевак, разыскали дом секретаря управы, изложили ему свою просьбу. Секретарь охотно вызвался помочь, попутно извинившись за неумеренное любопытство местных жителей. Он объяснил это тем, что в этих краях приезжие — редкость, а уж иностранцев и вовсе не доводилось видеть.

Двое молодых людей получили проводника и по горной дороге отправились на северо-запад, к цели своей экспедиции. Невский, по воспоминаниям Накаяма, был сама любознательность. Его интересовало буквально все:.природа, люди, предметы обихода, животные, храмы. Накаяма был поражен его неистощимой способностью задавать вопросы. В первую же ночь путешественники остановились на ночлег в зажиточном крестьянском доме. Туда собрались все, кто составлял местную интеллигенцию, в том числе директор начальной школы. В беседе, которая затянулась до глубокой ночи, приняло участие много народу. Невский точно и не проделал утомительной дороги. Все та же пытливость, стремление получить исчерпывающие ответы на вопросы, которые и японцев зачастую обескураживали. Они как-то раньше не задумывались над происхождением тех или иных обычаев. Так

повелось издавна, вот и все. Порой Невский даже раздражался, нетерпеливо переспрашивал чуть помедлившего с ответом. Все услышанное он подробно записывал, стараясь ничего не упустить.

Впоследствии Н. А. Невский совершил еще не одну поездку в северо-восточные провинции5. Во время своих поездок он собрал материал, послуживший основой для статей «Песни при исполнении танца сисимаи», «Магические фигуры из Тоно»6 и др.

«С наступлением весны в деревню проникают различные болезни, от которых страдают деревенские жители. Это серьезная помеха сельскохозяйственным работам во время важного весеннего сезона.

Крестьяне ищут способов избавиться от болезней и применяют различные уловки, чтобы болезни не проникли в деревню.

В префектуре Ибараки каждая деревня и каждая слобода делают следующее: между двух стволов зеленого бамбука протягивают веревку так, чтобы середина ее провисала как кисть. К ней привязывают подношение. Называется это „симэкири". Изготовив такой

5 Так, например, в августе 1917* г. вместе с Янагита Кунио и группой исследователей, интересующихся деревенской архитектурой Японии, Н. А. Невский посетил префектуры Гумма, Иватэ и др.

6 Эти работы вошли в книгу Н. А. Невского «Луна и бессмертие».

нехитрый заслон, успокаиваются и принимаются за сельскохозяйственные работы».

Когда рисовые поля начинают покрываться нежной зеленью, возникает угроза посевам от множества насекомых, которые роятся над посевами. В Тоно, чтобы избавиться от этой опасности, принято устраивать так называемый «муси мацури».

«В назначенный день в каждом крестьянском дворе пелают соломенную куклу величиной около двух сяку7. Ей приделывают лицо, нарисованное на бумаге. В руки вкладывают небольшой деревянный нож. С куклами собираются в центре деревни, отсюда с барабанным боем отправляются на рисовые поля и по межам обходят их. К барабанному бою присоединяется пение, крестьяне с громкими воплями изгоняют вредителей. Оставив кукол воткнутыми на меже, возвращаются домой».

На случай, если в деревню задумает проникнуть вор, «на границе деревни ставят прикрепленную к шесту соломенную куклу величиной около двух сяку. Руки у нее связаны, ноги прибиты гвоздями». Такая мера означала, что вор под

воздействием магической силы окажется как бы пригвожденным к месту и не сможет совершить задуманное воровство, или будет схвачен, или почувствует себя плохо и вообще не сможет двигаться. Говорили даже, что кукла при этом принимает обличье вора.

Особое внимание обращает Н. А. Невский на обряды и обычаи, связанные с похоронами. И вот почему:

«С вступлением Японии на сцену мировой истории, или, вернее, общемировой, общегосударственной жизни после Реставрации 1867 года, в этой до того замкнутой Стране Восходящего Солнца замечается явное стремление объевропеизироваться, которое с каждым днем становится все заметнее и заметнее. Первоначальное лишь подражание всему европейскому мало-помалу всасывается в кровь нации, чуждый маскарадный костюм становится понемногу насущной потребностью; одним словом, насильно прививаемая чужая культура влечет за собою и культуру духовную. И это объевропеизирование не ограничивается лишь высшей интеллигенцией, но на-

Сяку — мера длины, равная 30,3 см.

«

кладывает свою печать и на жизнь японского крестьянина, на жизнь японской деревни.

Масса исконных национальных или квазинациональных устоев уже канула в вечность, масса древних, как плохих, так и хороших, обычаев под влиянием нивелирующей руки квазиевропейского воспитания и образования выглаживается из памяти народной; их место занимают или новые, или в большинстве случаев те же, но до неузнаваемости реформированные на новый лад.

Только в глухой деревне, где-нибудь в горах, еще можно, пожалуй, найти нетронутую или почти нетронутую японскую жизнь, но и туда уже проникает всесильная рука новой цивилизации, как некогда туда уже проникали цивилизации буддийская и китайская.

Однако, хотя умы нации и преобразовываются на новый манер, исконные обычаи, в особенности связанные с важнейшими факторами человеческой жизни, как-то: рождением нового индивидуума, браком и смертью, а также религиозный ритуал пока сохраняют много пережитков старины, уживаясь со всесокрушающей силой заморской культуры. Таким образом, в японской деревне даже недалеко от Токио мы можем подобрать еще много фольклорных данных, живо рисующих нам уже

отжившие или отживающие свой век взгляды и верования дореформенного японца.

Из всех обычаев, наименее подвергшихся изменениям, как говорит мой уважаемый друг господин К. Янагита, авторитет в области японского фольклора и этнографии являются обычаи и обряды, связанные с похоронами. Причина этого, по его словам, вполне объясняется психологически. А именно: в противовес всем остальным случаям повседневной жизни, позволяющим их предвидеть, обдумывать и делать различные приготовления, что дает в каждом отдельном случае возможность прибегать к новым способам их ликвидации или приведения к желаемому результату, — в противовес всем им похороны сопровождают собою великое явление смерти, наступающее более или менее внезапно, неизбежное, вселяющее человеку и обществу ужас и тем самым отстраняющее их от всяких попыток делать какие-либо приготовления.

С другой стороны, явление смерти ассоциируется в большинстве случаев в мозгу человека со старостью и

дряхлостью, требующими к себе старого, установленного традицией отношения. Таким образом, и внезапность наступления смерти, и старость, являющаяся ее главной жертвой и сторонящаяся всяких новшеств, заставляют семью или общество хвататься за первый имеющийся под руками способ похорон, идущий, по традиции, из глубины веков и обусловленный всеми прецедентами, имевшими место в данной деревне или селении» 8.

То, мимо чего взгляд иного путешественника скользнул бы с безразличием, привлекает внимание молодого ученого, дает ему пищу для размышлений. «Япония в настоящие дни поражает каждого иностранца своим обилием зелени. Почти беспрерывные горы, покрытые густой растительностью, бросаются в глаза каждому, хотя бы любовавшемуся ими из окна вагона, — записывает Невский в одной из своих рабочих тетрадей. — Такое обилие лесов не могло не повлиять на религиозное мышление и воображение древнего японца. Темные чащи лесов были, по представлению японца, излюбленными местами, куда нисходили боги, и тем самым эти места внушали страх и трепет. И теперь еще сказки и предания населяют леса всякими духами и оборотнями.

Каждый, живший в Японии, вероятно, обратил внимание на то, что большинство как буддийских, так и синтоистских храмов расположены в парке или в роще… Бродя по провинциальным дорогам, невольно обращаешь внимание на зеленеющие клочки

леса, так называемые „мори", большею частью из криптомерии. Стоит завернуть в любую из таких рощ, чтобы убедиться, что здесь чествуется какой-то бог с поставленным в его честь храмиком…»

Вспоминались наставления Штернберга: «Когда Вы сталкиваетесь с каким-нибудь явлением в жизни народа, необходимо знать все, что хоть как-нибудь отдаленно напоминает это явление у других народов».

Возвращаясь к рабочему столу, Н. А. Невский перелистывал «Золотую ветвь», и не было случая, чтобы Фрэзер подвел. Так и на этот раз: «…у многих арийских народов слова для обозначения храма, как уже установлено в европейской науке, в корне своем идентичны со словами, обозначающими рощу».

• Архив Тэнри (в Японии).

За эту приверженность к Фрэзеру, которая явственно ощущалась в том, как Невский трактовал явления японской жизни, его упрекнет в письме В. М. Алексеев: «Увлекаетесь, милый, „Золотой ветвью"».

Срок стажировки Розенберга и Конрада истек. Невский остается в Японии один, ему надлежит пробыть там до середины 1917 года. В России Февральская революция, о ней доходят самые противоречивые слухи. Понимая это, Конрад пишет Невскому из Петрограда: «Вы в Японии, не только Вы лично, но и все без исключения там долго живущие, ничего не понимаете, что делается с Россией и ее жителями. Что газеты! Их нужно читать все, чтобы знать хоть приблизительно, чем мы живем. — И как далеки от понимания России японцы. Воображаю, что пишет наша „Асахи", какую чушь и ерунду» 9.

Невский к этому времени уже прижился в Японии, налажен быт и регулярные занятия. И вдруг как гром средь ясного неба — болезнь. Врач считает, что похоже на туберкулез, поговаривает об операции. В последствии выясняется: все это ложная тревога. Но тогда Невский был крайне встревожен, и Конраду, ближайшему другу, летят телеграммы, одно письмо за другим. Конрад реагировал на известие о болезни Невского чрезвычайно остро: «Начать с того, что я ничего не понял из Вашей телеграммы — слово „туберкулез" было искажено до неузнаваемости — и я понял, что речь идет о какой-то операции, но что это за штука, не имел понятия. На другой день пришло Ваше письмо. Господи, я не желал бы никому пережить то, что пережил я, вернее, что я начал переживать с того момента вплоть до получения Вашего второго письма. Это был такой удар, от которого еще долго придется оправляться… Телеграфируйте о результатах операции.

Будьте мужественны, и если нужно — призовите меня, я сейчас же приеду, несмотря ни на что».

Невский и Конрад жили теперь в разных мирах. Если жизнь Невского на Хаяси-тё продолжала идти заведенным порядком, то Конрад не просто географически переменил место жительства, он оказался в иной среде и

9 Письма Н. И. Конрада опубликованы в журнале «Biblia. Bulletin of Tenri Central Library>, № &o, март H974.

под влиянием социальных катаклизмов должен был заново определять свои позиции в обществе, осмыслять процессы, непредвиденность которых для него была особенно резкой после трехлетнего японского затишья. Он писал Невскому с чувством некоторого превосходства. Впрочем, это никак не соотносилось с личностью самого Конрада, он всячески старался подчеркнуть то обстоятельство, что умудренность и менторская интонация продиктованы именно ситуацией, в которой он оказался: «Из Вашего письма, дорогой мой, усматриваю, что Вы — в курсе Ваших прежних интересов. Благо Вам, но все же я, находясь здесь, я, знающий даже, как живут российские граждане в Японии, несмотря на все это, удивляюсь, как Вы можете жить нераздельно этими интересами осирасама, сиси-одори и т. д. Я не увлекаюсь, не бойтесь, и по-прежнему готов подписаться под своим заявлением: „Мне гораздо важнее вопрос о даосском влиянии на японское нэнго, чем экономическая будущность России и Японии". Да, я готов утверждать это и теперь, но все же я не могу не утверждать и по логическим соображениям, и как очевидный факт, что мы живем в стадии творчества, творчества не только государственной жизни, но и личного, индивидуального бытия, поскольку оно теснейшим образом связано с государством. И вот в этом творческом процессе необходимо участвовать, если не активно, то мыслью, ибо в конце концов только она одна творит действенное для всего существа… Но довольно об этом: это помешает Вам читать новую рукопись г-на Яманака или крестьянина из Тоно. Вы ведь в конце концов правы: Вы ведете определенную линию, равняетесь по Вашему личному фронту, и Вы, повторяю, бесконечно правы и счастливы».

Но и Н. И. Конраду было совсем непросто разобраться в происходящем в России. Тем не менее со свойственным ему глубоким проникновением в сущность явлений он сумел понять ту сложную ситуацию, которая была в России к лету 1917 года. В начале июля он писал Невскому: «Дорогой Николай Александрович, если Вы волнуетесь еще не одними только индивидуальными процессами, а процессами

надъиндивидуальны-ми, — верьте в Россию. Я всегда верил в чудо, верю и теперь, оно спасет нас. Слушайте, я уже успокоился за месяц своего пребывания в столице, в этом пекле и кот

ле, Всего, что делается 6 Мйрё, — я сумел отделаться от той психологии „испуганных" интеллигентов, которые наполняют у нас улицы, трамваи и т. д. и которые являются самым пакостным, самым ужасным, самым печальным из всего того, что имеется у нас сейчас в России, ужаснее удушья провокации и шпионства, ужаснее наступающих германских полчищ».

Такие письма вносили смятение в душу Невского. Он никак не мог понять, что же так изменило Николая Иосифовича, который в бытность свою в Японии был безраздельно предан одной только науке.

Сам Невский по-прежнему регулярно посещал библиотеки, бродил по городу, теперь уже чаще всего в одиночестве. Он уже хорошо ориентировался в Токио. Знал небольшие художественные магазины, где торговали игрушками, изготовленными в различных провинциях Японии. Часто бывал в лавочке на улице Даигод-зака и в магазине «Фудзики», который недалеко от Мацуэдзуми-тё. Полки в них буквально ломились от красочных, занятных товаров. Глиняные дудки в виде совы, деревянные куколки — кокэси, соломенные, бамбуковые, бумажные игрушки… Невский выбрал игрушку «такарами» — «сокровище-веяло». Это был набор сельскохозяйственных орудий из бамбука. Миниатюрный серп, которым жнут рис, крошечные грабли, мотыга, веяло для отделения зерна от шелухи. Игрушки давали полное представление о настоящих орудиях крестьянского труда. Там же он купил маленькую куколку, состоящую из одной головы, насаженной на бамбуковую спицу. Такую куколку прихожане приносят с собой в храм, чтобы оставить ее в дар.

За небольшую лепту священнослужители буддийских и синтоистских храмов раздавали амулеты. В синтоистском храме Янагимоти дзиндзя в Янагивара Невский получил две глиняные фигурки барсуков, большую и маленькую, а в буддийском храме Сибамата — две фигурки обезьян. Вернувшись домой, подробно записывал, где и когда купил или получил в дар амулеты и игрушки, зарисовывал их. Приводил все известные ему толкования этих предметов. Под рисунком, изображающим сидящую обезьянку, записал: «Вообще обезьяны считаются в народе посланницами бога, почему и небольшие глиняные изображения, покупаемые паломниками,

называются „Тайсякусама-но цукаихимэ", т. е. „принцесса —

посланница господина Тайсяку"».

Невский любил пестрые кварталы токийской окраины, но все же лучшие свои часы он проводил в Уэнос-ской библиотеке. Уже сам парк Уэно, через который проходил Невский, постепенно настраивал на размышления. Он шел мимо заросшего огромными цветами лотоса пруда, который так много раз описан в японской литературе, мимо молчаливых, погруженных в размышления людей, сидящих на скамейках возле воды. И с трудом верилось, что в двух шагах от этого тихого места бурлит город, пыльный, суетливый.

Н. А. Невский входил в читальный зал, заказывал комплект «Дзинруйгаку дзасси» («Этнографический журнал»), или «Тоса коку гунсё руйдзю» («Классифицированный сборник книг о провинции Тоса»), или сочинение Иха Фую «Корюкю» («Рюкюские острова в древности»). Переводил, делал выписки, набрасывал черновики будущих работ. Доклад Янагита Кунио в обществе «Тэйюринрикай» — «Мысли по поводу синто» переведен полностью. В толстую тетрадь в матерчатом переплете убористым почерком переписано сочинение Кавамура Едзю «Исследование японского шаманства», содержащее разделы: «Слово „мико"», «Лица, изрекающие волю богов», «Оракулы и праздники» и др. Перевод занял почти полтораста страниц. Другая тетрадь озаглавлена «Материалы для истории шаманства в Японии» — в ней выдержки из книг и статей. Еще одна — «О религиозных обрядах и культовых игрушках». Японские авторы описывали народные обычаи, обрядность, культы досконально, не оставляя без внимания ни одной мелочи. Особенно часто встречалось Невскому имя божества Осира: «С давних пор, — записывал Невский, — в Осю существует особая вера, это обычай чествовать так называемого бога Осираками. Это не просто культ представителя чего-нибудь великого: успехи и неудачи, счастье и несчастье человеческой жизни — все это целиком зависит от силы данного божества, изменение неудачи на успех тоже совершается по его милости. Поэтому верующие в него соединяют в себе благочестие, любовь к нему и боязнь, страх; с одной стороны, он признается как бог сострадания, человеколюбия, добра и красоты, вроде римской Венеры, а

с другой стороны — как бог убивающий, казнящий, карающий и строгий, вроде Купидона. Только отличие его от так называемых богов религий заключается в том, что он совершенно не ведает будущим, а только настоящим…».

С богом Осира Невскому еще предстояло встретиться. Но что же все-таки происходит дома, в России? Когда можно будет

вернуться на родину? Одиночество после отъезда друзей давало себя знать. Не хватало дружеского тепла, совета, помощи. Иногда просто не хватало знаний. Невский обращается к своему учителю, Василию Михайловичу Алексееву. Невский всегда помнил о нем, а тут еще восторженное письмо Конрада: у В. М. Алексеева «громадные возможности, и дай бог нам, дай бог всей синологии дождаться от него того, что он — верю — в силах дать. И какой он хороший, милый, свежий человек! Я ему очень благодарен за его огромное радушие».

В письме В. М. Алексеева к Н. А. Невскому наряду с деловыми советами, которые просил Николай Александрович, теплые, из глубины души идущие слова. В них — прозорливое понимание значения Невского для науки. Эту гордость учителя своим талантливым учеником Василий Михайлович сохранил на всю жизнь. Тогда же, в 1917 году (2 ноября), он писал: «Как я рад был получить Ваше письмо от 8 октября! Вы себе не можете представить! Подумайте — ведь я в Вас вижу все самое лучшее, Вы — лучший из моих учеников… В Вас горит энтузиазм и свет науки. Вам принадлежит будущее. Со способностями Вы соединили редкую любовь к труду и знанию, окрашенную в идеальный колорит, бескорыстный, честный, молодой и яркий. Когда мне Елисеев 10 говорит, сколь высокого мнения о Вас японские ученые, то я верю и не удивляюсь. Еще бы! Разве можно не восхищаться Вами? Кстати, о своих работах спишитесь с Борисом Леонидовичем Богаев-ским, проф. Пермского университета, упомянув меня и прося выслать Вам его работы по земледельческой религии Афин и прочие, библиографически, во всяком случае, великолепно оборудованные. Он милейший человек… Вы оба увлекаетесь одним и тем же, а это ред-

10 Елисеев Сергей Григорьевич (1889–1975) — известный японист, профессор Гарвардского университета в США,

ко и приятно. Статья моя „Бессмертные двойники и даос с золотою жабой в свите духа богатства" лежит в сверстанном виде, но, Аллах ведает, получу ли я ее до моей смерти…

Как жаль, что Вы не китаист и не можете воспользоваться трудами моей жизни. А все же попробуйте или других научите. Скажите им, другим, что я желаю им, как родным, добра. Да воссияет в них, как в Вас, моя любовь к знанию и сообщению его другим…

Если больше не увидимся, обнимаю Вас крепко, от души, и желаю Вашей жизни большего смысла и большего успеха, чем то, что выпало на долю мне, но я счастлив был и остаюсь тем, что Вы были моим учеником. В качестве лучшего пожелания скажу: да

будет и у Вас такой же! Опыт подсказывает мне, что это больше разу может и не быть» п.

В отдалении от Н. А. Невского и Н. И. Конрад с большой остротой ощутил огромный научный потенциал своего друга, и не раз в его письмах мелькают слова: «Вы — надежда факультета»; «Берегите себя, Вы наша надежда и спасение». И узы связывавшей их дружбы тоже стали ощутимее на расстоянии: «Действительно только теперь я почувствовал, что за время нашего совместного житья мы перестали быть чужими друг другу. По крайней мере я, прочитав Ваше письмо, ясно это понял — и увидел то же и из Вашего письма».

«Как Вы живете, друг мой? Не поленитесь описать мне все детали, все мелочи, которые мне, Вы знаете, дороги как воспоминания, в отдалении ставшие еще ближе сердцу, чем тогда, когда это все было перед глазами. Опишите мне Ваше внешнее времяпрепровождение и Ваши работы, занятия и умозаключения…»

Срок стажировки Н. А. Невского истек. Чтобы иметь средства к существованию, Н. А. Невский поступил на службу. В Японии появилось много эмигрантов из России. Время от времени он получал самые противоречивые сообщения из дому. Очень трудно было что-нибудь понять, находясь за тридевять земель от родины. Началась гражданская война, и Невский понял, что с возвращением придется повременить. Еще почти два года он прожил в японской столице.

11 Архив Н. А. Невского в библиотеке Тэнри.

Отару

Осенью 1919 года с Токио было покончено. Собственно, против Токио Невский ничего не имел, несносной оказалась работа в коммерческом предприятии, куда пришлось устроиться после того, как университет прекратил выплату стажерского содержания. Служба отнимала много сил и времени, не оставляя досуга для научных занятий.

С июля 1919 года он состоял на должности преподавателя русского языка Высшего коммерческого училища в г. Отару на о-ве Хоккайдо.

По сравнению со столицей Отару был настоящим захолустьем. Население его едва достигало ста тысяч. Порт Отару служил для вывоза продуктов земледелия и рыболовства, леса, каменного угля. Торговля велась и с Внутренней Японией, и с заграницей. После присоединения к Японии Южного Сахалина торговля оживилась, усилился приток новоселов, открылось Коммерческое училище.

Училище разместилось довольно высоко в предгорьях, окаймлявших бухту. Вокруг — густые заросли леса. С площадки, где расположились корпуса училища, хорошо видна вся бухта и город, подковой лежащий на склонах гор. Неширокие немощеные улицы карабкаются вверх, по обе их стороны — одноэтажные домишки с огородами на задних дворах. Чистый звенящий деревенский воздух, голубая вода бухты, бесконечные леса сразу же за городской чертой.

Он чувствовал себя в Отару превосходно. Студентов на двух курсах оказалось всего восемь человек, и занят он был лишь семь часов в неделю. Японцы встре

тили русского коллегу радушно. Подружился Н. А. Невский и с преподавателями-европейцами. Среди них были два англичанина, два немца и американец. Невский бывал у всех дома и беседовал с каждым из них на его родном языке.

Вначале были кое-какие хлопоты, связанные с размещением на новом месте, но к концу октября он переехал из гостиницы в дом, обзавелся хозяйством и прислугой. Это было его первое самостоятельное хозяйство в жизни. Дом был просторный. «Из окна видно красивое голубое небо и осенне побуревшие горы. Иногда тянет взять посох и отправиться в глубь этих гор и с их вышины петь гимны солнцу». Зима запаздывала, обычно в это время года уже выпадал снег. Дни стояли на редкость солнечные. Все вокруг чем-то напоминало Россию. Может быть, особенной

прозрачностью воздуха, может быть, безлюдным простором в окрестностях города. От всего этого он уже отвык, живя в токийском муравейнике. Настроение было приподнятым. Дышалось легко, он обрел, наконец, какую-то стабильность в жизни. «Ярко печатает меня солнце в моем новеньком чистеньком домике. Лежу на татами 1 возле камелька и подставляю то лицо, то спину веселому печатнику. Тепло! Хорошо!

…Правда, по вечерам здорово холодно, но веселый домик с потрескивающими угольками (хибати2, прорезанный в полу) скрадывает наружную стужу… На днях "ездил в курортную местность Дзодзанкэй (около 5 часов от Отару) и одиноко бродил среди узорчатой парчи гор, умытых золотом и киноварью. Пил утреннюю росу, дышал солнцем и свежей прохладой» 3.

Занятия в училище оказались необременительными. Это так кстати! Почти четырехлетнее пребывание в Японии — и в итоге много «заделов» в разных областях культуры. В его записях есть такие строки: «В настоящий момент штудирую историю японской драмы по имеющимся у меня под рукой японским источникам». В ту же пору была написана статья «Современное по-

1 Татами — соломенный мат для настилки полов, ок. 1,5 м2.

2 Хибати — жаровня, служащая для отопления в японском доме.

3 Письма и статьи Н. А. Невского здесь и далее цитируем по «Biblia..», 1972, октябрь, № 52.

ложение и течения японской Литературы», из которой видно, что Невский был хорошо начитан в этой литературе, обладал художественным вкусом. Некоторые положения и оценки статьи обнаруживают в ее авторе оригинально мыслящего теоретика литературы. Удивительно, до какой степени многие из его мыслей актуальны и сегодня.

«Современная японская литература, — писал Невский, — восприняла волны натуралистического движения конца XIX века на Западе… Державший до того времени в своих руках гегемонию над литературным миром кружок „Кэнъюся" („Друзей по тушечнице") во главе с покойным Одзаки Коё (1867–1903)… совершенно утратил свое влияние. На место фантазии вступил натурализм, бессмертное имя Одзаки Коё стало бессмертным только в истории литературы, никто больше не зачитывается его произведениями, никто больше не пытается ему подражать».

Невский отмечает, что со сцены ушло еще одно течение — беллетристы, продолжавшие «мелодраматическое течение так называемых гэсакуся токугавского периода (XVIII в.)». Провозвестниками нового направления в литературе Невский

называет четырех авторов: Симадзаки Тосон, Таяма Катай, Токуда Сюсэй и Ма-самунэ Хакутё. К этой плеяде он относит и Хасэгава Фтабатэя, находившегося в начальном периоде своего творчества под сильным влиянием русской литературы. Невский считал, что в переводах Фтабатэя, благодаря которым читающая Япония познакомилась с Гаршиным, Тургеневым, Толстым, «довольно верно переданы русские настроения».

Говоря о натуралистическом направлении, Невский характеризует литературную деятельность Хигути Итиё, Идзуми Кёка и Куникида Доппо и делает вывод: «Это натуралистическое течение сделало эпоху в японской литературе; значение его колоссально, оно сильно повлияло и все еще продолжает влиять на японское общество».

Но есть в японской литературе две фигуры, возвышающиеся над остальными. Невский называет Токуто-ми Рока и Нацумэ Сосэки — «крупные личности, которые еще до начала натуралистической реформации заняли совершенно особое положение, встали на совер

шенно иную почву и не сходили с нее до последнего времени».

Отдавая должное натурализму, который «оживил японскую литературу и заставил ее проснуться после долгого сна, взглянуть на мир другими глазами», Николай Александрович Невский утверждает, что увлечение чистым натурализмом было сравнительно кратковременным— с 1907 по 1912 год. Далее положение несколько изменилось.

«Среди жрецов того же натурализма стали возникать различные толки и образовываться новые течения в оппозицию к главенствующему натурализму. Классифицируя современную литературу по направлениям, должно отметить три главных течения: реалистическое, идеалистическое (с подразделениями на гуманистическое и романтическое) и неоромантическое. Представителями первого течения являются нижеследующие писатели: Сига Наоя, Накамура Сэйко, Кикути Хи-роси, Хироцу Кадзуо, Касаи Дзэндзо, Ивано Хомэй, Та-нидзаки Сэйдзи, Кано Сакудзиро и др. Эта реалистическая школа в общем довольно верна идеям натурализма предшествующего периода, но она уделяет гораздо больше внимания человеческой жизни, как таковой, с ее истинными горестями и радостями. Эта школа в настоящее время является центром литературного мира…

В оппозицию реалистическому течению возникла идеалистическая школа. Так как печатным органом этого направления является журнал „Сиракаба" („Береза"), то эту

литературную школу иначе еще называют „школой сиракаба".

Главными представителями идеализма в современной литературе являются Мусякодзи Санэацу, Арисима Такэо, Нагаё Есио и Огава Мимэй… Лидером идеалистического течения является Арисима Такэо, произведения которого проникнуты глубокой силой».

Кроме этих двух направлений Невский называет еще одну школу, по его мнению, пользующуюся «весьма слабым авторитетом». Это сравнительно небольшой круг писателей, которых можно назвать неоромантиками. К ним относятся Танидзаки Дзюнъитиро, Акутага-ва Рюноскэ, Сато Харуо.

Эти три школы и определяли состояние современной

Невскому японской литературы, образуя совместно так называемую эпоху новых людей.

Подводя итоги, Невский дает справедливую оценку японской литературе первых десятилетий XX века: «В период, когда весь мыслящий мир стоит на пороге преломления идей и мировоззрения, стоит на меже крупного интеллектуального переворота, одна только литература остается к этому равнодушной, не отражает внутренней, духовной борьбы общества и продолжает быть легкомысленной. Мыслящую часть общества не удовлетворяет национальная, „родная" литература, и оно с жадностью хватается за все переводы европейских, и в частности русских, авторов. Произведения Толстого, Тургенева, Горького и других импонируют студенческой молодежи и принимаются ею с распростертыми объятиями. В настоящий момент, когда весь мир, и в том числе Японию, обуревают социальные проблемы, и в частности рабочий вопрос, в современной изящной литературе Страны Восходящего Солнца нельзя найти ни одного романа на социальные темы. И в этом-то, как мне думается, и сказывается еще молодость и недоразвитость японской литературы и ее представителей… Но уже недалек тот день, когда и японская литература будет откликаться на текущий момент, на все вопросы и волнения общества…».

В круге чтения Невского были представительные, толстые журналы — «Гэйбун», «Бунсё сэкай», «Тюо корон», «Васэда бунгаку», «Кайдзо», «Синри кэнкю», «Тэйкоку бунгаку», однако он постоянно испытывает «книжный голод». Невский вынашивает планы создания краткой истории японской литературы, но у него нет на рабочем столе необходимых японских изданий, нет даже Бринкли и Флоренца — авторов обзорных работ по японской литературе. Впрочем, ему всегда недоставало книг, где бы он ни жил: в Рыбинске, Петербурге или Токио. И конечно же, он не

может существовать без поэзии. А русская поэзия ему нужна как воздух. С какой же благодарностью приемлет он заботу «милой Евгении Дмитриевны», жены Олега Плетнера4а, при-

4а Плетнер Олег Викторович (1893–1929) — японист, выпускник Петроградского университета (1915), с 1922 г. профессор, преподаватель ряда высших учебных заведений Москвы.

сылающей ему письма с переписанными стихами! «Сегодня я доволен всем и вся! Я хожу взад и вперед по своей темнице и громко скандирую: „Это было у моря"… А мне хорошо с Северяниным, Блоком и Вашей „юной поэтессой"… Сколько старого, забытого и абсолютно нового всколыхнули Ваши стихи. Присылайте еще, еще и еще! И сегодня утром в „учредилке", как называет Ваш beau frere 4 наш весьма симпатичный Институт, я захлебывался от восторга, читая поэмы. „За струйной изгородью лиры" даже скандировал перед студентами второго курса (начинающими) и велел им выучить наизусть. Но что Вы находите в брюсовском стихотворении? Я его не понимаю, а ритм чересчур отсталый…». Но уже в следующем письме Невский меняет гнев на милость и просит прислать именно Брюсова: «Между прочим, пришлите железные стихи Брюсова (не помните ли его „Петербург"?) и светло-солнечные Бальмонта. Не знаете ли чего-нибудь из Анны Ахматовой? Вообще пришлите все Ваше любимое, будь то новый поэт или старый, или иностранный, безразлично. Под руками нет ни одной (буквально) русской книги, и особенно жажду поэзии. Верните мне, если можете, „Петербург" Белого, хочется еще раз вкусить его несравненного стиля. Жду непременно! Буду читать его со своими студентами, хочу показать русские перлы. Из присланных Вами в последний раз стихов больше всего понравилась „Лирическая вуаль" с ее „максимумом гармонии" и блоковская „О, весна без конца и без краю…" с ее легкостильной проникновенностью в суть жизни…»

Отношения со студентами складывались у Невского наилучшим образом, он сумел привить любовь к русской литературе и своим ученикам.

Все, что так или иначе пропагандировало русскую литературу, получало поддержку Невского. «Русский кружок», существовавший в Отару уже несколько лет, малочислен и бездеятелен, это тревожит Невского, он хлопочет о том, чтобы оживить деятельность кружка, раздобывает материал для его работы.

В училище ежегодно устраивался вечер «для показания успехов студентов в иностранных языках». Невский принимал

самое деятельное участие в подготовке

4 Beau frere (фр-) — шурин.

5 Зак.,74

к этому вечеру: «Посмотрите, как мои юноши будут читать Северянина». В поэзии Северянина он улавливал «чудную музыку». Невский писал: «В музыке я профан, „сирото", как скажут японцы. Я никогда не мог верно взять ни одной ноты (в этом моя трагедия); но я могу говорить о музыке стихов, и… я понимаю ее несравнимее глубже, чем масса. За музыку и, главным образом, только за нее я обожаю Северянина».

Как-то, просматривая список служащих высших учебных заведений Японии, Невский обнаружил имя Ямагути, которого знал еще по Петербургу. В университете Ямагути занимался японской поэзией и, так же как и Невский, этнографией. Невский очень обрадовался возможной встрече.

Еще в бытность свою в Петербургском университете, Ямагути выступил с рефератом «Импрессионизм как господствующее направление японской поэзии». Реферат был заслушан на первом общем заседании Русско-японского общества, а в дальнейшем по реферату была подготовлена книга с тем же названием. Книгу эту Невский хорошо знал. Первое заседание Общества состоялось в ноябре 1911 года, а уже через два года в личной библиотеке второкурсника Николая Невского появился небольшой томик, в котором были изложены взгляды Ямагути, зрелые и обоснованные, подтвержденные многочисленными примерами переводов японских стихотворений на русский язык. Сущность концепции Ямагути была оригинальной, давала обильную пищу для размышлений.

«Странность, вернее, своеобразие японской поэзии, которая так поражает европейца с первого взгляда, — писал Ямагути, — имеет своим основанием несколько причин.

Первою из них, мие кажется, являются психологические особенности японской расы: с одной стороны, большая по сравнению с европейцами близость к природе, любовь к ней, что, без сомнения, в свою очередь, является отчасти результатом климатических и вообще географических условий. Тонкая наблюдательность, живость делает японца человеком, легко поддающимся впечатлениям естественной жизни, которому вряд ли нужны острые возбуждения или грандиозные драмы для того, чтобы возбудить в себе поэтическое

чувство. С другой стороны — и это очень важно — отсутствие, или по крайней мере малое развитие, по сравнению с

европейцами склонности к самоуглублению, к синтезу, к абстракции, и наоборот — интерес к деталям. При этом замечательная обостренная наклонность к непосредственному реагированию. Кроме того, картинность воображения, мышление конкретными образами, большая эмоциональная подвижность. А главное — громадная чуткость ко всему красивому!»

Ямагути утверждал, что то направление в искусстве и литературе, которое получило в Европе название импрессионизма, по сути своей является самобытным для Японии. И если Европа пришла к импрессионизму в результате долгого пути развития через смену ряда направлений и школ, то для Японии импрессионизм был ˆявлением, изначально присущим в своих основных чертах ее культуре.

Вот японское стихотворение. Это всегда впечатление. Не картина, а всего несколько мазков кистью. Поэзия намека, где малейший оттенок выражения вызывает; волну ассоциаций. Суггестивность, как отличительная черта японской поэзии, требует подготовленного, одаренного воображением читателя.

Луны нет! И весна непрежняя! Один только я остаюсь все тот же.

(Аривара Нарихира, 825–880)

Настроение тоски, элегически-грустный намек на какие-то дорогие сердцу поэта события прошлого для тонко чувствующего читателя значат, может быть, больше, чем конкретные сведения о том, что автор посетил место, где в прошлую весну встречался со своей любимой.

Я скручу в нитку мои рыдания
и нанижу не нее жемчуг моих слез, —

писала поэтесса Исэ, жившая в конце IX века.

Ямагути подчеркивал, что для особого характера японской поэзии, может быть, «имело значение и то условие исторического характера, что в поэтическом творчестве Японии громадную роль играла женщина, внося присущие ей элементы — любовь к деталям, но вместе с тем изящество и мягкость. Этим можно отчасти объяснить, что хотя поэзия в Японии, как везде

в свое время, расцветала при дворах разных властителей, но она совсем не обращает внимания на военную жизнь; напротив того, военные подвиги являются в ней не иначе как в одеянии бесконечной тоски и печали».

Перелистывая книгу Ямагути, Невский всякий раз поражался тому, как свободно излагает свои мысли по-русски японец. Впрочем, человек необычной судьбы, Ямагути, пожалуй, только

по рождению был японцем.

Родившийся в г. Нагасаки, Ямагути Моити мальчиком был привезен в Россию. Жил он в семье купца Шевелева во Владивостоке, где его мать служила в няньках. С 12 лет воспитывался в г. Троицкосавске. В судьбе Ямагути принял участие потомственный почетный гражданин Троицкосавска Иннокентий Дмитриевич Си-ницын. Он дал возможность 12-летнему Ямагути поступить в Алексеевское реальное училище. Мальчик учился старательно, своего покровителя не посрамил. В аттестате у него были почти сплошь четверки, а успехи его по истории были оценены в пять баллов.

Оставаясь японским подданным и будучи буддийского вероисповедания, Ямагути решил поступить в Санкт-Петербургский университет, о чем и обратился с прошением на высочайшее имя. Разрешение' было дано при условии дополнительного испытания «из латинского языка в объеме гимназического курса». Испытание было произведено, ответы испытуемого «признаны удовлетворительными». Препятствий, казалось, больше нет. Но тут началась русско-японская война и вновь по инстанциям начали циркулировать бумаги.

Ректор университета засомневался: «Высочайшее повеление о разрешении зачислить Ямагути студентом Санкт-Петербургского университета вышло еще до конфликта России с Японией и перевести его в настоящее время без указаний на то высшего начальства я затрудняюсь во избежание могущих произойти недоразумений». Через два месяца министр народного просвещения 23 сентября 1904 года сообщает: «С высочайшего соизволения, я, по соглашению с Министерством иностранных дел, разрешаю ныне же зачислить японского подданного Ямагути в студенты факультета Восточных языков Санкт-Петербургского университета, с тем, однако же, условием, чтобы он не посещал университета до весенних экзаменов». Но это еще не все. Ямагути, что

бы стать студентом китайско-маньчжурско-монгольскогб разряда Восточного факультета, пришлось сделать следующее письменное заявление: «1904 года октября 7-го дня я, нижеподписавшийся, даю сию подписку в том, что во время пребывания в числе студентов или слушателей Императорского Санкт-Петербургского университета обязуюсь не только не принадлежать ни к какому тайному сообществу, но даже без разрешения на то, в каждом отдельном случае, ближайшего начальства не вступать и в дозволенные законом общества…».

В дальнейшем Ямагути перешел на китайско-японский

разряд. Его учение затянулось, он получал длительные отпуска на родину, в Японию, «ввиду неудовлетворительного состояния здоровья». Наконец в сентябре 1911 года он был уволен из университета по собственной просьбе, не окончив курса. К тому времени он уже именовался Михаилом Иннокентьевичем Ямагути-Синицыным.

«Июня 30-го дня 1906 года в Кяхтинской Воскресенской церкви был просвещен святым крещением японский подданный Моити Ямагути». При этом крестивший его протоиерей Милетий Куклин нарек его именем Михаил. Новоиспеченному Михаилу, студенту Петербургского университета, от роду было 24 года. И в Японию Ямагути вернулся, уже будучи православным, женатым на русской женщине Надежде.

Обнаружив случайно адрес Ямагути, Невский без промедления посылает ему письмо. Шутка ли, встретить в Японии однокашника!

Ямагути, как уже было сказано, занимался и этнографией. Невский был рад случаю обменяться с ним новостями и, быть может, рассчитывал на содействие своей работе. Невский писал Ямагути:

«Почти с самого своего приезда в Японию занимался и занимаюсь изучением японского фольклора и всевозможных обычаев (и суеверий), главным образом религиозных или связанных с историей семьи… Если собрали какие-нибудь данные относительно суеверий и обычаев, пожалуйста, поделитесь со мной, буду весьма и весьма обязан. Я лично сейчас собираю материалы по исследованию одного в высшей степени интересного бога — Осирасама, представляющего специфическую черту народных верований Северной Японии (префектур Мия-

Гй, Фукусйма, Ямагйта, Иватэ, Акита И Аоморй). К июлю этого года (1920-го. — Л. Г., Е. К.) собираюсь привести материалы в порядок и издать их на японском языке».

Невский уже неплохо владел японским языком, но все же нуждался в помощнике, который правил бы его рукописи и приводил в порядок собранные материалы. Такого помощника он обрел в лице Мантани Исо, с которой познакомился однажды в доме преподавателя немецкого языка. Исо в то время было девятнадцать. Молодые люди полюбили друг друга.

Исо росла в многодетной семье. Кроме нее у супругов Мантани было пятеро детей — четыре девочки и мальчик. По долгу старшей Исо была помощницей родителям в воспитании малышей. Детство Исо прошло в ее родной деревне Ирика уезда Сякотан, что по-айнски означает «Солнечный поселок». После

окончания школы девушка три года прослужила телефонисткой, а затем переехала в Отару. Она увлекалась литературой и сама сочиняла танка, которые время от времени печатались в журнале «Арараги» и в местной газете «Отару сим-бун».

Любовь Мантани преодолела существовавшее тогда в Японии предубеждение против «Красной страны», выходцем из которой был Невский.

В 1922 году Невский переехал в Осака, а Исо вернулась в отчий дом. Но вскоре и она, получив письмо от Невского, в котором он просил ее приехать к нему, перебралась в Осака. Официально их брак был зарегистрирован 12 июня 1929 года в советском генконсульстве в Кобэ.

Встреча Николая Невского с богом Осира была предопределена. Бог поджидал его в небогатых деревенских храмах префектур Иватэ и Акита, Ямагата и Аомори, фукусйма и Мияги. Бог напоминал о себе устами сказителей и шаманов, он таился в читальных залах токийских библиотек на страницах этнографических журналов. Но бог был хитер и изворотлив, обычное его имя было Осирасама, а он скрывался еще под множеством имен: Окунаисама, Осиммэсама, Осинасама, Оирасама и даже Итакаботокэ. Ему были свойственны разные об

личья — у него могла быть лошадиная, птичья или лисья голова. Иногда голова вовсе скрывалась под ворохом цветных лоскутков, иногда она была круглой и лысой, как бильярдный шар. Осира был не одинок, он существовал всегда в виде парного божества — мужчины и женщины. Тела их были сделаны из веток тутового дерева длиной не более полуметра. Осира обитал не только в храмах, ему оказывали гостеприимство в тех деревенских домах, где из поколения в поколение почитали таинственное божество.

«В старину был один большой крестьянский дом. В этом доме росла единственная дочь и был гнедой жеребенок. Когда девушке исполнилось 16 лет, она вступила в странные отношения с лошадью. Узнав про это, отец очень рассердился, глубокой ночью увел жеребенка в горы и там сжег живьем.

Не видя лошади, девушка стала ее повсюду искать и наконец дошла до места сожжения. Вдруг облако окутало девушку, и она вознеслась на небо. Там они с жеребенком стали мужем и женой. Вскоре девушка спустила с небес своим родителям множество насекомых. Но таких насекомых до сих пор в Поднебесной не видели, поэтому из окрестных деревень каждый день толпами являлись любопытные. Никто не знал, чем кормить этих насекомых. Стали ломать голову, что делать. И вот однажды один

старик пришел с клюкой. Насекомые прямо вцепились в эту палку. А клюка была сделана из тутового дерева. Решили, что насекомые едят тутовое дерево, и стали их кормить.

С тех пор и пошли шелковичные черви. И чтобы не забыть об этом, стали делать из тутового дерева богов и чествовать их».

Так легенда объясняла сходство головки шелкопряда с головой лошади. Теперь понятно, почему Осира связывают с шелководством, и ясно также, почему иероглиф, служащий для обозначения шелкопряда, состоит из элементов «небо» и «насекомое».

В другом варианте легенды изменялось место действия, в события вовлекалась богиня Каннон.

«Это было в то время, когда на месте Токио лежала равнина Мусаси, поросшая травой. В одной деревне там жил самурай. Он жил в достатке, но не было у них с Женой ребеночка. Вот он отправился в Асакуса к Кан

нонсама и молил ее. Вечером 21-го дня Каннонсама явилась ему. С этого времени жена забеременела и в конце концов родила прекрасную, как принцесса, девочку. Они стали воспитывать девочку как дарованную им Каннонсама.

Когда девочке исполнилось 13 лет, родители поручили ей ходить за жеребенком, пока ей не исполнилось 16. Когда ей стукнуло 16, жеребенок и стебля травы не брал иначе как из ее рук. А вскоре девушка вступила с жеребенком в странные отношения. Узнавши это, отец очень рассердился. Ночью тайно увел он жеребенка в горы, там убил его, а шкуру ободрал и принес домой. И вот однажды вечером девушка в эту шкуру обернулась и вознеслась на небо. Во сне она явилась отцу и сказала: „Посади в саду тутовое дерево. Когда ты это сделаешь, я тебе в подарок спущу насекомых. Заботьтесь об этих насекомых, думая обо мне". И как она сказала, множество белых насекомых спустилось. Чтобы не забыть девушку и все это, делают из веток тутового дерева два синтай („тело бога". — Л. Г., Е. К.). Один— Осирасама, девушка, второй — Оконаисама, жеребенок. Их в крестьянских домах почитают».

Невский заинтригован, на множество вопросов не находит ответов. Он прилежно штудирует работы японских коллег. Безусловно содержательными ему показались статьи Ино Каку «О боге Осира, почитаемом в разных провинциях Осю», Минаката Кумакусу «О боге с лошадиной головой» и Сасаки Сигэру «В дополнение к „Тоно моногатари"». Но японская этнография делала свои первые шаги, и почти все, что сообщали японцы, было в общих чертах известно Невскому. Так, Ино ёси-нори

писал: «Имеется так называемый Осираками; что это за бог — неизвестно. Из тутового дерева вырезают двух богов, мужчину и женщину. Во время моления верующих приносят этих деревянных божков и заставляют молящихся подать лоскуток бумажной материи (момэн), которым обертывают синтай. И когда, держа синтай в обеих руках, произносят заклинания, этот бог через мико (храмовых жриц. — Л. Г., Е. К.) вещает о счастье или несчастье, и всегда сбывается, как говорят».

С переездом в тихий, провинциальный Отару у Н. А. Невского появилась уйма времени для занятий. Но кск ему не хватало книг и журналов! И в Токио одно

за другим уходят письма, адресованные верному другу Накаяма Таро с просьбой прислать некоторые номера «Дзинруйгаку дзасси», «из тех, которые, как Вы знаете, я перед тем, как отправиться сюда, оставил в Токио». Накаяма выполняет и более сложные поручения — переписывает из указанных Невским статей все, что касается Осира, уточняет наличие подобных сведений в других сочинениях. Накаяма и сам никогда не задерживается с отправкой литературы, и торопит книжный магазин «Марудзэн», где Невский заказывает книги. Накаяма понятно нетерпение исследователя, лишенного возможности посещать библиотеки, общаться с коллегами. Серьезный ученый, Накаяма понимал и значение Невского для японской науки.

И все же научная литература многое оставляла неясным, не хватало материала для сравнительного изучения проблемы. И Невский вступает в переписку со множеством людей, которые могли бы хоть что-либо сообщить об Осира.

Как обстоит дело в Ниигата? Существует ли связь между культом Осира и шаманками? Каким образом в разных местностях изготавливают синтай? Везде ли Осира связан с шелководством?

«С целью изучения этнографии Японии я собираю материал относительно специфического божества Тохо-ку (северо-восток Японии. — Л. Г., Е. К.) — бога Оси-расама. Прошу Вас помочь мне. В префектурах Иватэ, Аомори имеется божество, парное, мужчина и женщина, из двух веток тутового дерева с вырезанной головой. От головы, а иногда и сверху, во множестве свисают цветные лоскутки. Называется божество Осирасама. У всех итако (шаманок. — Л. Г., Е. К-) он есть. Есть и в старых крестьянских домах. В префектуре Ямагата это божество называется Окунаисама. В Ваших краях тоже есть это божество, называемое Окумэнайсама.

По возможности, если у Вас будет минутка, не могли бы Вы

рассказать мне все, что знаете об этом».

Такой или примерно такой текст содержался в десятках писем, которые Невский рассылал совершенно незнакомым людям — настоятелям деревенских храмов или старостам деревень северо-восточных провинций Японии. Безвестные поселки, глухие уголки Наканомэ, Камэока, Окунимото, Тагава, Курамицу, Такитани, Хи-

Дэя, Сакаяма, гДе, может быть, его ждет самая богатая добыча.

Письма написаны безупречным эпистолярным стилем с соблюдением всех замысловатых формул вежливости. Иероглифическому почерку Невского могут позавидовать иные японцы. Некоторые дни отмечены тем, что из-под пера Невского выходит по пять-шесть длинных писем.

Обширная переписка приносит свои плоды.

С некоторыми из информантов у Невского завязываются дружеские отношения. Не желая остаться в долгу, он то и дело отправляет по разным адресам небольшие посылки с гостинцами — хоккайдоскую кету, «ама» — тянучки местного изготовления.

Нередки досадные «осечки». Из множества информантов лишь немногие доставляют ему именно те сведения, которые необходимы: «Я разослал письма повсюду— в Иватэ, Аомори, Ямагата, Акита, Мияги, Ниигата, но, кроме Вашего, дельного ответа ниоткуда не получил», — пишет он Кикути Катаси в письме от 6 марта 1920 года.

Порой ему случается писать и такое: «Ваше письмо получил, очень благодарен. Я, вероятно, был дезинформирован, полагая, что в Ваших краях существует божество, похожее на Осира».

Но, так или иначе, факты накапливались, возникали гипотезы. Звучание имени Осира буквально напрашивается на предположение о связи этого слова с глаголом «сиру» — «знать». «О», вероятно, гонорифический префикс, а «сира» — «знающий», «ведающий». По имени божества «сира» стали называться и те, кто ему прислуживал. «У всех народов название шаманов было связано со словом „знать"», — пишет Невский Янагита 25 марта.

В научной литературе существовало мнение о тождественности Осира с айнскими божествами. Но Невский считает, что у современных айнов на Хоккайдо похожего божества нет, а вот у сахалинских айнов, насколько ему известно, существует пара богов, называемых «си энситэ», по внешнему виду напоминающих Осира. Вновь и вновь Невский возвращается к вопросу о связи Осира с айнскими божествами. И естественно, высшим авторитетом для него был Киндаити Кёсукэ, крупней

ший японский айновед. Переписка с Киндаити не оставляет сомнений в том, что отношения Невского с маститым ученым были самыми тесными.

Как только позволяет время, Невский навещает своих друзей в Токио. И каждый раз уезжает обогащенным новыми знаниями, связями. Чаще всего — это заслуга его учителя Янагита, Кунио. Их дружба основывалась на беспредельном уважении Невского к Янагита. В свою очередь, основатель японской этнографии высоко ценил Николая Невского, видя в нем серьезного, самостоятельно мыслящего ученого.

«Когда в конце прошлого года (1921.— Л. Г., Е. К.) я навестил в Токио Янагита, он сказал мне: „А не заняться ли Вам вместе с господином Сасаки изучением Осирасама?"» — с таким письмом Невский обращается к Сасаки Кидзэн.

Сасаки, собиратель мифов Тоно, знаток родного края, занимался культом Осира. Переписка Невского и Сасаки была оживленной и деловой. Невский восхищался умениеМ японского ученого кропотливо собирать материал и настойчиво предлагал ему сотрудничество: «Давайте работать вместе? Вдвоем работать гораздо лучше. Как Вы полагаете? Я думаю, что у Вас есть обширный материал по префектуре Иватэ. У меня достаточно материала по Аомори и кое-что по префектуре Фукусйма. Меньше всего — по Акита». В других письмах Невский приводит примеры такого плодотворного сотрудничества: «Известный французский писатель Эрк-ман-Шатриан на самом деле — два человека, Эркман и Шатриан. Мне вспомнился этот пример, потому что такое возможно и в науке. Для писателя слава имеет значение. Для науки слава не имеет никакого значения. Имя ученого неважно. Важна цель — исчерпывающе осветить проблему. Вот поэтому в науке двое лучше, чем один…

Сегодня я посылаю Вам норито, произносимые перед богом Осира, я переписал молитвословия для Вас. В ближайшее время проанализирую материал и сообщу Вам свое мнение. Заказанный Вами материал „Айнский Осира" вскоре соберу и перешлю Вам».

Летнее время Невский, так же как и его японские коллеги, проводил в этнографических поездках. Одно из таких путешествий пришлось на август 1921 года.

Часть отпуска он провел в Токио; предположительно день выезда в Тохоку намечался на 15 августа. Но за три дня до предполагаемого отъезда Невский простудился. Это было совсем неудивительно: давящая духота, от которой он успел уже отвыкнуть в Отару, вынуждала искать сквозняка, тени. Наверное,

причиной простуды было какое-нибудь прохладительное питье со льдом. Так или иначе, у него разболелись зубы. С этим лучше было не откладывать, в Отару он вряд ли мог рассчитывать на хорошего зубного врача. Целую неделю он делал визиты к врачу и смог выехать только 23 августа. Невский прожил в Токио дольше, чем рассчитывал, и деньги подошли к концу. Близилось и время возвращения на Хоккайдо. Задуманное путешествие силой обстоятельств вышло не таким, как хотелось.

«Я сошел с поезда 24-го августа на станции Ецуку-ра и нанял рикшу до горячих источников Тамаяма. До Тамаяма было километров пять-шесть, и по дороге рикша рассказывал мне о Симмэ (модификация Осираса-ма. — Л. Г., Е. К.). По словам рикши, в этой местности время от времени появляется нищенка, которую называют симмэ. Эта женщина держит в обеих руках Сим-мэсама, по одному в каждой руке, и бродит от дома к дому. Крестьяне дают ей один-два сэна или немного рису. В домах, где есть больные, ее просят помолиться. И существует обычай в благодарность давать ей лоскуток ткани для наряда Симмэсама. Эта Симмэ приходит из Михару, где находится главный храм Симмэсама. Храму этому подносят куриц. Удивительно, но рассказывают, что эти курицы вскоре превращаются в петухов. Симмэсама, которыми владеет нищенка, типично японские божества, а именно те, что имеются в храме Аматэрасу Омиками».

На горячих источниках было людно и шумно. Сезон был в разгаре, Невскому многолюдье было в тягость. Ранним утром следующего дня он отправился к своему знакомому из местных жителей, по имени Такаги.

«Такаги сказал мне, что ему не доводилось видеть Симмэ. Мы с ним вдвоем обошли окрестности и зашли к одному старику по имени Мауэ, проживавшему в слободе Мидзусина деревни Кусано. По его словам, дед хозяина соседнего дома лет 30–40 назад ходил пешком по окрестным деревням, прося милостыню. В руках он держал два Симмэ, а с шеи у него свисал ящичек. Ему надоело нищенствовать, поэтому он спрятал синтай. Но хранить дома синтай, не бродя с ним постоянно, — грех, и деду, перед тем как он спрятал синтай, было испытание».

В окрестностях Ецукура Невскому удалось увидеть в одном из маленьких придорожных храмов божество, именуемое в этой местности Осиммэсама.

«Еще раз оглядев храм, я в левом углу заметил ящик, в котором было что-то похожее на Осирасама.

— Это не Симмэсама ли? Позвольте взглянуть! — попросил я.

Молодая женщина подала мне синтай. Это был Осира, нисколько не отличающийся от Осира из Тоно. Это было парное

божество. У мужчины на голове — эбоси (старинный сановный башлык. — Л. Г., Е. К.), у женщины — голова лысая.

— Эти Симмэ прежде чествовались в Ниида, но прислуживавшая им женщина умерла, а ее дочь 'не захотела бродить с богами в руках, поэтому и принесла сюда, — пояснила старуха. И добавила: — Опасно держать дома Симмэ и не поклоняться ему. И вам тоже. Но вы — знающий человек, вам ничего плохого не будет. Я-то каждый день читаю сутру Осиммэсама».

Невский не только посещал храмы, он заходил в дома, о которых было известно, что там чествуют божество. Встречали его неизменно приветливо, охотно сообщали все, чем он интересовался.

Накапливалась информация, но вместе с тем расширялся и круг неизвестного. Было ясно, что божество в народном быту связывают с самыми различными поверьями. По одному поверью, например, поклоняющийся не должен есть мяса животных и птиц, а также куриных яиц, ибо искривится рот, по другому, бог покровительствует лишь больным и увечным, и, если надежды на выздоровление нет, Симмэсама дает об этом знахь — колокольчик, используемый во время молитвы, непременно в этом случае падает на землю и разбивается.

Но каким образом все это связать с «основным занятием» бога — шелководством?

Все вновь увиденное и услышанное Невский подробно излагает в письмах своему учителю Янагита ипред

полагаемому соавтору будущей работы об Осира — Сасаки Кидзэн.

Наступила осень 1921 года. Кое-какие итоги почти двухлетним занятиям можно уже подвести. Оказывается, культ Осира распространен гораздо шире, чем это показалось вначале. Есть обнадеживающие сведения даже с о-вов Рюкю. Судя по рюкюским хроникам, там имеются божества, названия которых в соответствии с законами исторической фонетики могут восходить к «уасира» или «сираку». Это следует проверить. И, как видно, Осира не ограничивается покровительством шелководству. Теперь кажется весьма вероятной и «айнская» версия относительно Осира. И все-таки пока все это — гипотетично. Но Невский уже с большой долей уверенности пишет: «По моему скромному мнению, элемент связи с шелководством — позднейшее привнесение в верования об Осира. Не был ли вначале этот бог покровителем удачной охоты? Я думаю, доказательством может служить то, что Осира фигурирует во время гадания об

удачливости охоты. Используют четки, к которым прикреплены рога и клыки животных, лук, тетивой которого пользуются шаманки…».

Однако материала явно не хватает. Трудно интенсивно работать, сидя в глуши, не имея возможности свободно ездить по стране, бывать регулярно в Токио. Огромный труд затрачен на изучение Осира, а в результате — небольшая публикация в этнографическом журнале.

Но Осира привел Невского к айнам. Таинственный поэтический народ целиком захватил его. Несколько месяцев интенсивнейших занятий — и он полностью окунулся в стихию языка и фольклора айнов. Никогда прежде Невский не встречался с айнами и тем не менее хорошо знал их. Айны были одним из главных научных направлений Л. Я. Штернберга.

Впервые Л. Я. Штернберг столкнулся с этим удивительным народом в сахалинской ссылке. Удивительными айны показались ему и потому, что они резко отличались своим внешним видом от гиляков, и потому, что одевались не так, как остальное местное население, и орнамент, которым они украшали одежду и домашнюю утварь, был оригинальным, непохожим на гиляцкий. Сахалинские айны были большеглазы, в отличие

от монголоидов — волосаты. Густые бороды, волосы на груди и плечах. Летом вместо одежды — только набедренные повязки.

«Чем ближе знакомился Лев Яковлевич с айну, тем большей загадкой они ему казались. Откуда пришли они на Сахалин и Японские острова? Следы какого прошлого хранит их культура? Льва Яковлевича охватило чувство охотника, идущего по запутанному следу. Первое впечатление от этих нагих людей, от их камышовых жилищ, от ткацкого станка наводило его на мысль о южном происхождении айну. Язык их по своему строю очень отличался от всех местных языков. Лишь отдельные слова, например обозначающие собаку, упряжь, сани, зимнюю одежду, были схожи с гиляцкими. Много общего было в сходном обычае Медвежьего праздника и в культе инау. Кто же от кого и что позаимствовал? Штернберг понимал, что сумеет в этом разобраться, лишь располагая сравнительным материалом» 5.

Уехав с Сахалина и став сотрудником Музея антропологии и этнографии, Л. Я. Штернберг не изменил своей увлеченности айнами. У музея появилась возможность выделить средства на командировку к айнам Южного Сахалина и о-ва Хоккайдо. Всего айнское население земного шара тогда не превышало 20 тысяч человек. Сахалинские айны насчитывали не более трех тысяч от этого числа, большая часть древнего народа жила на японской

территории, на о-ве Хоккайдо. В командировку были отправлены сотрудники музея Б. Пилсудский и В. Серошевский, в свое время бывшие, так же как и Штернберг, политическими ссыльными. Несколько месяцев они провели в командировке в Японии, собирая материал для музея, занимаясь наблюдениями над айнами по методике Штернберга — внутри племени, без посредника. В музей начали поступать ящики с коллекциями, письма с фотографиями.

В ящиках — айнские халаты из рыбьей кожи и полотна, вытканные из волокон крапивы, плетеные циновки. Почти на всех вещах — своеобразный стилизованный спиралевидный узор-орнамент. Пришла целая кол

5Н. И. Гаген-Торн. Лев Яковлевич Штернберг, М., 1975, с. 89–90.

лекция инау. Инау… Рассматривая застружеиные палочки, Штернберг вспоминал, как впервые столкнулся с инау — этим характерным элементом айнской культуры.

«Нахлынули сахалинские воспоминания: гигантская растительность южносахалинской тайги; быстрая речка Поронай, по которой он спускался в лодке; старшина айнского селения Мауко Ниседус, с которым вел длинные разговоры… Когда Штернберг пришел к нему, старик ставил у очага длинную заструженную палку.

— Что это такое? Зачем вы их всюду ставите? — спросил Лев Яковлевич.

— Итаку-айну, — объяснил старик, — мы говорим ему, что нужно, он говорит „камую".

„Итаку" означает „посланец", „оратор"; „камуй" — „хозяин", „бог", „дух". Это Штернберг уже знал.

Значит, инау — посланец, передающий духу пожелания людей.

Примитивные племена необычайно ценят искусство красноречия, поэтому инау — олицетворение красноречия. Стружки изображают длинные гибкие языки» 6.

Штернберг продолжал увлеченно работать над айнской проблемой и 13 мая 1905 года сделал предварительное сообщение о результатах своих исследований на заседании Русского антропологического общества.

«Айну — маленькое угасающее племя, некогда занимавшее весь Японский архипелаг, — представляет одну из самых таинственных и интересных этнических индивидуальностей, какие только знает этнография», — говорит Штернберг. Он говорил и о неразработанности вопроса об айнском языке, о

недостаточном знании истории этого народа. «Но, быть может, самое интересное в культуре айну представляют их верования и религиозные обряды». Штернберг отмечал, что вся жизнь народа айну заполнена инау — предметами культа, бесчисленными и разнообразными по формам и размерам.

Больше четверти века Штернберг отдал айнской проблеме. Последняя из его работ по айнам увидела свет уже после смерти ее автора. В 1929 году в «Сборнике Музея антропологии и этнографии» (т. VIII) была напечатана итоговая статья «Айнская проблема». В ней,

0 Там же, с. 184.

используя почти четвертьвековой опыт исследования, Штернберг решал одну из самых важных сторон проблемы — вопрос о происхождении айнов, о положении их антропологического типа в расовой систематике. Штернберг явился основоположником так называемой «южной» теории происхождения айнов. Его вывод сводился к следующему: «И географически, и по всему их habitus'y, культурному и физическому, айну необходимо отнести к кругу австронезийских народов… В Австроне-зии, и именно в западной ее части, судя по их бородатое™, была их первоначальная родина, и отсюда начались их долгие странствия и столкновения с другими расами и культурами» 1.

В предварительном своем виде «южная» теория была аргументирована Штернбергом еще в начале века. Излагая свою гипотезу слушателям «приватиссиме», Штернберг еще и еще раз проверял сделанные предположения, подыскивал им все более убедительные доказательства. Но один вопрос оставался безусловно открытым, он касался путей, по которым айны странствовали и сталкивались с другими расами и культурами, прежде чем осели на северных территориях. Даже в наше время, в 70-е годы, ученые считают, что эта проблема остается «белым пятном» в науке о человече-"стве.

«Вопрос о путях распространения предков айнов на Японские острова не может быть решен в настоящее время с полной достоверностью — слишком фрагментарны пока материалы по археологии Филиппинских островов, Тайваня, островов Рюкю» 8. Но науке известны антропологические факты, которые говорят о том, что уроженцы Рюкю обладают по сравнению с японцами других районов страны значительным усилением айно-идных черт. А это означает: предположение о том, что «острова Рюкю входили в маршрут этих древних переселений», вполне реально.

Конечно, нельзя с полной определенностью утверждать, что

все остальное Л. Я. Штернбергу было абсолютно ясно: «Их язык стоит совершенно изолированно среди сонмов языков Азии, — писал Штернберг. — Са-

7 Цит. по кн.: М. Г. Левин. Этническая антропология Японии. М„1971, с. 197.

8 Там же.

6 Зак. 474

мая разработка этого языка ждет еще своего научного мастера».

Многое, очень многое ждало своего «научного мастера». Несомненно, длительная командировка Б. Пилсуд-ского и В. Серошевского в 1903 году дала значительный материал для изучения вопроса, но как было бы хорошо иметь возможность создать свою постоянную этнографическую агентуру среди японских айнов, живущих на Хоккайдо! К сожалению, скудный бюджет музея не позволял всерьез думать о решении подобной задачи. Оставалось надеяться на случайные поездки командируемых в страну востоковедов. Штернберг снабжал этих командируемых специальной программой, в которой излагал требования, необходимые к выполнению при сборе этнографического материала.

Когда Николай Невский в 1915 году отправился на двухгодичную стажировку в Японию, он не преминул перед самым отъездом встретиться с Л. Я. Штернбергом, чтобы получить у него последние наставления. Они пришлись очень кстати, когда Невский, может быть неожиданно и для него самого, вошел в тесный контакт с аборигенами Хоккайдо — айнами. Все, что он слышал от своего учителя об этом народе, очень пригодилось ему. Волею судьбы оказавшийся в непосредственной близости к айнам, Невский морально был готов к тому, чтобы заняться языком, этнографией, фольклором этого народа. Айны составили одну из ярчайших страниц в научном творчестве Николая Александровича Невского.

* * *

Хоккайдо, самый северный из японских островов, айны считали своей исконной землей, своей древней родиной и называли его «айнумосири» — страною айнов. На самом же деле они были на Хоккайдо пришельцами, которых на протяжении многих столетий японцы теснили с юга, ведя с айнами кровопролитные войны. Сведениями об этой борьбе японцев с

айнами изобилует древняя история Японии.

К тому времени, когда Невский в октябре 1919 года поселился на Хоккайдо, айноведение находилось на ранней стадии своего развития. Ученых, посвятивших себя изучению айнов, как в самой Японии, так и за ее пределами были считанные единицы.

Один из самых загадочных народов на земле подчас описывали в причудливо-обывательском тоне:

«Айны — самое волосатое племя на свете. Роскошно-густые черные бороды и косматые бедра странно противоречат гладким плешам их господ и повелителей (японцев. — Л. Г., Е. К.). Это — народ дюжий, но отличающийся каким-то сплющиванием некоторых костей рук и ног, какого не видим ни у кого, кроме известных пережитков пещерников Европы. Женщины татуируют себе усы на верхней губе и геометрические фигуры — на руках. Оба пола отличаются мягким, любезным нравом, но страшно преданы пьянству. Они грязны: мытье совсем незнакомо им.

До последнего времени айны жили добычей от охоты и морского рыболовства; но с заселением острова японцами оба эти источника существования начали иссякать. Несмотря на отеческую заботливость правительства, они, кажется, осуждены на вымирание, хотя, правду сказать, в последние пятнадцать лет их количество держится на 17 тысячах. Их религия — простое почитание природы. Солнце, ветер, океан, медведь и прочее — все это у них камуи, т. е. «боги», в их честь втыкаются точеные палочки. Медведь хотя и обоготворяется, но его приносят в жертву и едят с торжествами, составляющими самую своеобразную и живописную черту жизни айнов. Перед всякой едой читается молитва… Этот жалкий народ дорожит даже кучей волшебных предметов или фетишей — перьев, раковин, улиток, черепов животных или птиц и т. д. И голова его переполнена верой во всякого рода волшебства и чародейства.

У айнов есть милые сказки. В большинстве они стараются объяснить какое-нибудь явление природы…

Язык айнов прост и благозвучен… Счет крайне мудрен… Немудрено, что у многих айнов более простой японский счет заменил эту невозможную систему. И вообще их юное поколение, кажется, совсем отказывается от родного языка впользу японского. Айны до сих пор не знают грамоты: сказки… да грубые песни, устно передаваемые из поколения в поколение, — вот вся их литература» 9.

Невский, воспитанный в гуманных традициях пере

«Чемберлен. Вся Япония. СПб., [1908?], с. 9—10.

довой русской этнографической науки, не мог воспринимать айнов как «дикарей», для которых японское правительство в лице сахалинской администрации было «отечески заботливым». Невский осознавал и тот вклад в общечеловеческую культуру, который, несомненно, внесли айны, и то значение для науки о человечестве, которое имеет разгадка происхождения и миграции этого народа. Бесписьменные айны хранили сведения о своем прошлом в устном творчестве, фольклоре. Именно к фольклору айнов и обратился Николай Александрович. Одним из виднейших, если не самым видным, айноведов был Киндаити Кёсукэ, учитель и друг Н. А. Невского.

Невский переехал на Хоккайдо в октябре 1919 года, а уже в феврале 1920-го он справляется в письме к Киндаити, нет ли связи между Осира и айнским божеством Сираткикамуи.

Первый текст Н. А. Невскому продиктовала в 1921 году 65-летняя айнка по имени Копоану, родом из провинции Хидака. «Копоану — чистокровная айнка из деревни Сюмункоци (в японском произношении — Сиункоцу), уезда Сару в провинции Хидака, на о-ве Хоккайдо. У нее не заметно каких-либо антропологических особенностей, указывающих на влияние японской крови; она знает массу образцов своего родного фольклора и исполняет его безукоризненным языком» 10.

Айны на Хоккайдо жили главным образом в долине р. Сарапет, где селились вперемежку с японскими крестьянами.

Копоану была типичной айнкой в том смысле, что хранила в памяти множество фольклорных сказаний и песен. Айны обладали оригинальным фольклором. Фольклорные жанры айнов были разнообразны: похоронные плачи и лирические любовные песни, загадки и сказки, молитвы, чрезвычайно развитый своеобразный животный эпос. В сказаниях отражалась жизнь народа.

Верный наставлениям Л. Я. Штернберга, Невский решил обойтись без переводчика. Занятия с Киндаити уже в какой-то мере подготовили его к непосредственному общению с носителями языка, кроме того, почти

10 Н. А. Невский. Айнский фольклор. М., 1972, с, 43. Цитируем здесь и далее по этому изданию.

рее айны говорили по-японски. Записанные сказания Невский довольно успешно переводил сам, в редких случаях прибегая к помощи Киндаити.; Первое упоминание о записи текста от Копоану относится к февралю 1921 года, но уже через полторы

недели Невский записывает очередное сказание. Он отмечает: «Диктовала Копоану», текст в 1690 пятистрочных строф! Этот текст, «меноко-юкара», он прихватил с собой в Токио, куда отправился по случаю Нового года. Долгие праздничные досуги Невскому в тягость, 30 декабря он записывает в дневник: «Разбирал меноко-юкара…» То же самое— 1 и 2 января наступившего 1922 года: «Разбирал меноко-юкара. Пока дело подвигается слабо, не могу еще как следует анализировать текст. Придется в новом году прослушать лекции две у Киндаити…».

С февраля дело явно «пошло». Записи от Копоану чередуются теперь с текстами, записанными от Таннэ-санно, 49-летней айнки из деревни Момпецу (Момбэ-цу — яп.). Десять дней подряд начиная с 11 февраля Невский записывает от обеих сказительниц меноко-юкара, камуи-юкара, упаськума и другие образцы фольклорных жанров.

По наблюдениям Н. А. Невского, айны особо почитали предков. Они любили в долгие зимние вечера, когда были завершены сезонные полевые или рыболовные работы, беседовать с молодежью о старине. Старики рассказывали сказки, предания о происхождении разных обычаев, исполняли сказы про богов и героев. «Увлекшись рассказом, и рассказчик, и слушатели забывают время; часто такая беседа длится всю ночь напролет, пока наступающее утро не склонит головы утомившегося сказителя и его слушателей.

Эти беседы у очага играют для подрастающего поколения роль школы, где оно черпает все основные знания, необходимые для полноправного члена коллектива».

Айны любят петь. Поводом для песенной импровизации может служить и радость, и горе, пение помогает им в работе. Пение чаще всего бессловесно, «это лишь замысловатые голосовые модуляции, производимые в глубине горла, с некоторым участием губ».

У айнов много молитвословий, в айнских молитвах часто звучит фраза: «Богов, что мы молим, хотя имно

го…» Богов у айнов действительно много. Небесные светила, горы и реки, животные и растения — все это боги. Боги — и те предметы, которые окружают человека в повседневной жизни, например крюки над очагом, котелки, сам очаг: «Продолговатый очаг, вырезанный в полу, почитается как парное божество — растянувшийся муж, растянувшаяся жена». Все они — подданные самой главной айнской богини, «богини-бабушки», персонифицированного огня.

«Молитвы айнов бывают обращены к божеству воды, божеству

охоты и прочим. Даже при обычных встречах взаимные приветствия, так называемые уверанкарап, выражаются при помощи ритмической речи; что же касается вождей разных селений, в особенности после долгой разлуки, то приветственные слова, произносимые при этом торжественным ритмическим языком с массой архаизмов и намеков на те или иные предания, вместе с молитвами, несомненно должны быть отнесены к тому виду поэзии, из которого впоследствии сложился религиозный эпос. К тому же типу поэзии надо отнести причитания над покойником и всевозможные обращения к нему во время погребальных церемоний».

Одним из самых популярных видов фольклора являются увепекер. К ним относятся рассказы б воинских подвигах предков, о доблестных походах, а также сказки. Увепекер исполняются в манере напевной прозы, нечто среднее между пением и обычной речью. Они не так насыщены архаизмами, язык их прост, близок к разговорному, понятен даже детям. Такова, например, «Сказка о женщине, родившей мышат».

У меня было два старших брата и сестрица, тоже старше меня. Жили мы вместе. Столь богатых людей, как братья мои, столь зажиточных никогда и нигде не бывало. Жили мы припеваючи, ни в чем не нуждаясь, ничего не желая.

Но вот сестра моя вдруг оказалась с большим животом, а потом принесла и ребенка; хорошенького, прехорошенького мальчонку она родила. Все мы любили его, нянчились с ним и играли. И так он мне полюбился, что однажды, обратившись к сестре, я сказала: «Что такое ты сделала, что у тебя появился ребенок? Научи и меня это делать, мне бы тоже хотелось иметь». Сестра, покатившись со смеху, сказала: «Я смела в кучу сор, и, в нем полежавши, зачала я ребенка». Услышавши это, я тотчас набрала кучу сору и, зарывшись в него, в нем лежала. И что же? Действительно, скоро оказалась и я с животом. Ах, как я была этому рада! Так шли дни. Наконец наступило мне время родить, и я родила

Шесть мышат, а напоследок еще йдного золотого мышонка. К нашей семье, таким образом, прибавилось новых семь членов,

Как бы там ни было, но эти мышата были моими детьми, а потому их я любила, нянчила и баловала. Когда же они подросли, у братьев моих поигравши, убегали с ножами для деланья стрел (из кости медвежьей) и другими вещами. Братья тогда на меня напускались и ругом ругали, отчего ударялась я в слезы. Так дни проходили за днями. Мало-помалу все большие мышата пропали: «Должно быть, убили их братья мои» — так я решила. Было мне

горько, и плакала я. Что бы там ни было, все эти мышки были моими детьми — как-никак все же жалко. В плаче по ним проводила я дни.

Самый лишь маленький золотой мой мышонок никуда-никуда не ходил. С ним вдоем мы дни коротали.

Однажды братья мои, снаряжаясь в дорогу — в заморскую землю на торг, как я узнала, — на корабли погружали товары. Мой мышонок, увязавшись за братьями, пробрался на борт лодки меньшого, и корабли отправились в путь. Ну, думаю я, увезли далеко мое детище, теперь его, наверное, прикончат. От дум таких мрачных я невольно все плакала. Но вот по прошествии долгого времени братья мои вернулись обратно, привезя роскошных подарков во много раз больше, чем прежде. И мой малый мышонок живехонек с ними вернулся. Всяких кулей в наш дом натаскавши изрядно, братья пришли и оказали, что все эти подарки лишь по милости маленькой мыши.

• Когда же наутро я встала, мой мышонок — нет, уже не мышонок, так как мышонок был богом, то мальчик красивый, как бог, сладко спал на постельке. Я зарыдала от радости и восхищения.

Что же было потом? А потом было то, что мне дали в мужья господина почтенного, от которого много детей я имею. А за то, что сестра моя скверная надо мной поглумилась, меня прозывают женщиной, родившей мышат.

Для увепекер характерно повествование от первого лица, только в конце иногда добавляется «так рассказал такой-то». В качестве рассказчика не обязательно выступает человек, им может быть и животное, бог, демон.

Рассказы о происхождении богов, тех или иных верований и обрядов, носящие моральный или поучительный характер, известны под именем упаськума, т. е. «поучения». Они исполняются речитативом, имеют ритм, полны архаизмов и облекаются в форму пятислоговых строф с параллелизмом и повторами.

Некоторые сказания увепекер, передающие тот или иной эпизод из жизни богов, преимущественно тех или иных животных, стали исполняться не речитативом, а посредством пения. Таким образом сложился громадный цикл эпических песен, известных под именем камуи-юкара, т. е. «божественных песен». Короткие состоят из

20—30 строф, длинные — из нескольких cot, причем каждая строфа, как правило, состоит из пяти слогов. Повествование ведется в первом лице, и только в самом конце обычно

присовокупляется, что сказал это такой-то бог. Исполнительницами этого цикла сказаний обычно бывают женщины, причем напев в большинстве случаев за такой «божьей песней» не закреплен и каждая исполнительница поет ее на свой лад. Характерной особенностью камуи-юкар является припев, который либо предшествует каждой строфе, либо сопровождает ее. В большинстве случаев это набор звуков, являющихся звукоподражаниями крику того или иного животного.

Если песня ведется от лица ворона, то припевом служит подражание карканью (ка-канкау-канкау), если скворца, то подражание его пению (ханрут-рутрут-хан-рут то руру-ханрут), если медведя, то его ворчанию (веве), если цикады, то ее крику (яки), и так далее. Такого рода камуи-юкар, по-видимому, считаются такими же песнями богов, как и песни людей.

Вернувшись на родину, Невский опубликовал некоторые из своих айнских материалов, но большая часть их осталась в рукописном виде в его архиве. Они увидели свет лишь в 1972 году — издание «Айнского фольклора» было приурочено к 80-летию со дня рождения Н. А. Невского.

В Японии Невскому посчастливилось еще раз встретиться со Штернбергом, когда в 1926 году Лев Яковлевич был делегатом Третьего Всетихоокеанского научного конгресса в Токио.

«Я лично с чрезвычайной признательностью вспоминаю свои беседы с… профессором Янагита и русским японистом, давно живущим в стране, профессором Невским…»— вспоминал Штернберг.

Среди двухсот участников конгресса делегация СССР в составе десяти человек привлекла к себе особое внимание.

«Среди японцев особенной популярностью пользовался доклад Л. Я. Штернберга об айнах, а именно его теория происхождения айнов, а с ними и японцев, с юга, с островов Тихого океана», — писал один из членов нашей делегации, Б. Н. Пентегов.

По общему мнению, конгресс был организован великолепно. Обстановка для работы была создана самая

благоприятная. Заседания проходили в здании парламента, жили делегаты в комфортабельном и современном отеле «Империал»», им был предоставлен бесплатный проезд не только внутри города, но и по всем железным дорогам Японии в вагонах первого класса. Были организованы в течение недели перед открытием конгресса экскурсии на Хоккайдо, в Никко, Хаконэ — красивейшие уголки Японии. После закрытия конгресса делегаты побывали в Киото, Нара, Осака, Симоносэки, Кобэ. Но Штернберг

отмечал и серьезные, по его мнению, просчеты конгресса.

«Среди докладов, например, совершенно отсутствовали доклады по культуре, так как программа конгресса выдвинула лишь антропологию и междурасовые вопросы… Благодаря утилитарной тенденции конгресса, до сих пор вся обширная область гуманитарных наук, связанных со странами Тихого океана, — такие дисциплины, как языки, религии, искусство, культура Востока в обширном смысле слова, — остались совершенно вне поля зрения инициаторов конгресса. Этнография, таким образом, осталась в блестящем одиночестве, для нее даже не было создано особой секции, и она фигурировала на конгрессе как подсекция отдела биологии».

Штернберг с особой теплотой вспоминал встречи и беседы во время работы конгресса с Янагита и Невским, энтузиастами и единомышленниками самого ˆШтернберга: «Для меня сообщенное ими было настоящим откровением. В литературе, в том числе и японской, их материалы еще не опубликованы».

Однако из воспоминаний Л. Я. Штернберга ясно, что Невский говорил только о своих исследованиях по японской этнографии. Очевидно, он из скромности умолчал об айнских материалах, считая их недостойными упоминания в беседе с таким серьезным исследователем айнов, каким был Штернберг.

Осака

В 1922 году Н. А. Невский перевелся во вновь открывшийся в Осака Институт иностранных языков, где в качестве иностранного профессора состоял на службе вплоть до возвращения на родину в 1929 году.

Переезд в Осака означал новый этап в жизни. Второй город Японии встретил его невероятной сутолокой и шумом, от которых он совершенно отвык за три года, проведенных в Отару.

Осака, расположенный в устье реки ёдо при впадении ее в Осакский залив, изрезан каналами, речными протоками. Так же, как и Петербург, он привольно раскинулся на многочисленных островах. Но как непохожа эта «Восточная Венеция» на строгие каменные громады российской столицы! Собственно, «каменных громад» и вовсе не сыщешь в Осака, разве что два здания мэрии, расположенные симметрично по обе стороны центральной улицы Мидосудзи. Это памятники архитектуры еще послемэйдзийских времен, когда вся Япония спешно перекраивалась на американо-европейский лад.

Осака куда старше новой столицы — Токио. Этот важнейший порт стал воротами, через которые в Японию проник буддизм. Храм Ситэннодзи, построенный еще в VI веке, был первым буддийским храмом на территории Японии. Осака издавна держал в своих руках всю зарубежную торговлю. Осакские купцы давали взаймы деньги утонченным, но, увы, поиздержавшимся придворным. Однако не только финансовая мощь делала Осака знаменитым, этот город дал 1иру трех гениев японской литературы. Здесь родились.

О

И Творили замечательный драматург Тикамацу Мондзаэ-мон, «японский Боккаччо» — Ихара Сайкаку, непревзойденный поэт Мацуо Басё. Невский, отлично начитанный в старой литературе, предвкушал встречу с великими тенями. Все они были певцами городского населения, созданные два столетия назад типы существовали и поныне. Нужно было только уметь распознать в осакской толпе этих хитроглазых проныр, медоречивых донжуанов, этих жеманных скромниц в изящных кимоно с затейливыми прическами, которым посвятили свое творчество драматург, прозаик и поэт.

С Н. А. Невским был заключен контракт на три года, он получал место профессора во вновь открытом Институте иностранных языков на очень выгодных условиях. Публикации в японских журналах, известность в, научных кругах привели к

тому, что Невский был приглашен читать лекции по айнскому языку в Киотоский университет, где он преподавал раз в неделю и русский (от Осака до Киото — час, полтора езды).

В Осака жил Орест Плетнер 1 с семьей — снова возник дружеский круг. Только Невскому очень не хватало Исо. Но вскоре приехала и она.

Невские поселились вместе с Плетнерами в большом доме, вокруг которого был сад с площадками, выложенными плоскими камнями, и прудом с декоративными рыбками.

Невский перебрался в Осака в ту пору, когда он интенсивно занимался айнским фольклором, но теперь, оказавшись вдали от Хоккайдо, вдали от носителей языка, занятия застопорились. Чтобы продолжить начатое дело, он по рекомендации друзей приглашает в качестве служанки айнскую девушку по имени Юки и записывает услышанные от нее сказания и легенды. Через полгода Юки возвращается на родину, а вместо нее в семью Невского приезжает младшая сестра его жены — Миса. Миса прожила вместе с Невскими до конца 1925 года. Над неправильным выговором этой провинциальной девушки добродушно подсмеивался Орест Плетнер, сам безукоризненно говоривший на японском. Нев-

1 Плетнер Орест Викторович (1892–1970) — японист, выпускник Петроградского университета. С 1924 г. преподаватель русского языка в высших учебных заведениях Осака, Киото, Тэнри.

Ский же терпеливо поправлял неправильности в речи Мисы, объяснял ей смысл трудных слов.

Н. А. Невскому к тому времени исполнилось уже тридцать лет. И по характеру, и по научным интересам он был вполне сложившимся человеком. Он не утратил своей любви к поэзии. Но стал более сдержан в проявлении восторгов по поводу понравившихся стихов. Его можно было назвать молчаливым, даже замкнутым, впрочем, иногда он выходил за рамки своей обычной сдержанности, становился оживленным, остроумным. А близко знавшие его люди говорят, что Невский бывал и вспыльчив. Исследование составляло смысл его жизни, все остальное было подчинено ритму научных занятий. Но никто бы не мог назвать его односторонним. Н. А. Невский был неравнодушен к животным — в доме одновременно жили кошка, собака и обезьяна. Сначала купили было большую обезьяну, но она не поладила с Миса, и тогда в доме появилась маленькая, купленная за 45 иен. Это были большие деньги. Невский мог позволить себе такую трату только потому, что, работая в

нескольких местах, зарабатывал до тысячи иен в месяц. Обезьянку окрестили именем Масико. В жарком Осака она страдала от холода и чтобы обезьянка не простудилась, надевали на нее жилетку. Во время трапезы Масико занимала место на плече хозяина и таскала кусочки из его тарелки. Ей все прощалось — она была любимицей Невского. Спала Масико вместе с кошкой и собакой, но явно отдавала предпочтение собаке, улучив момент дергала кошку за усы. Бывало, что собака, играя, брала Масико в пасть, и тогда оттуда торчала только голова обезьянки. Когда в отсутствие хозяина Масико досаждала Миса своими шалостями, девушка запирала ее в шкаф и выпускала лишь к моменту возвращения хозяина. Невский брал зверька на руки, приговаривая: «Опять тебя сегодня держали взаперти?» — и обезьянка горестно кивала2.

Вскоре случилось несчастье — дом ограбили. После этого Невский и Плетнер поселились врозь. Невский пе

2 Об этом периоде жизни Невского подробно рассказано в книге Като Кюдзо «Небесная змея. Жизнь Николая Невского» (Токио, 1976), за которую автор удостоен литературной премии Осараги Дзиро.

реехал в дом неподалеку, арендная плата составляла 80 иен в месяц, вдвое больше, чем прежде. Дом был неплохой, но место, где он расположился, не подходило для научных занятий, здесь было шумновато, кроме того, на окраине раскинулись заливные рисовые поля и вокруг водилось множество змей. После летних дождей десятки их заползали в сад и грелись на солнышке. Невский любил наблюдать за ними, не боялся змей и со смехом поговаривал, что, мол, их присутствие возле дома — хорошая примета.

Н. А. Невский не был сухим человеком, он любил жизнь во всех ее проявлениях.

Когда появилась возможность получать уроки у специалистов — музыкантов и художников, Невский вместе с женой занялся японской живописью, стал посещать преподавателя гидаю Исо была очень музыкальна, играла на многих инструментах — тикудзен бива, сямисэ-не, скрипке, мандолине. Но на пианино она отказывалась учиться играть, смеясь, говорила, что для этого инструмента у нее коротки пальцы. Она продолжала быть верной помощницей Невского, переписывала набело кистью его рукописи.

Ведение хозяйства почти целиком взяла на себя Миса. Она вставала на заре — в пять утра была уже на йогах. Открывала ставни, грела воду для умывания. Невский поднимался обычно в

половине восьмого. И день начинал с того, что, выходя на веранду, несколько минут глубоко дышал. Так любимые им прогулки на природу в условиях такого города, как Осака, стали почти нереальными. На завтрак Миса подавала ему чашку кофе и булочку. Обедал он чаще всего дома, вечером, после работы, дома ходил в кимоно, ел уже ставшую привычной японскую пищу. Когда приходили гости, угощал их европейской кухней, сам научил жену готовить некоторые блюда. В быту Невский был мягок, по мнению его жены-японки и ее сестры, «даже слишком мягким для мужчины». Правда, и ему иногда случалось проявлять мужскую власть в семье. Он, например, не разрешил Миса посещать кинематограф. Тогда в Осака только начали появляться первые кинотеатры, и у молодежи была велика тяга к этой новинке. Невский

Гидаю — вид драматического искусства японского театра.

называл кино «глупостью». Зато несколько раз ё году он посещал театр Кабуки и непременно брал с собой не только жену, но и свояченицу. Миса вспоминает, что Николай Александрович был вообще человеком внимательным, любил делать подарки. Однажды из поездки на Рюкю он привез Миса и Исо отрезы тканей на кимоно, изготовленных на о-ве Осима по его собственному рисунку. В другой раз он привез Миса большую морскую раковину, купленную на Мияко.

Режим его занятий был таков, что почти ежедневно он засиживался за полночь. Как только заканчивалась работа в институте, он приходил домой и немедленно садился за рабочий стол. Теперь в круг его интересов вошли диалекты и фольклор о-вов Мияко. Первое путешествие туда он совершил летом 1922 года.

ж * *

Между собственно Японией и о-вами Мияко лежало не просто несколько сот морских миль, их разделяли столетия. Когда Япония уже миновала период расцвета средневековой культуры в эпоху Хэйан (VIII–XI), ознаменовавшуюся созданием шедевров, составивших золотой вклад Японии в мировую науку, островитяне жили еще в стадии неолита.

Воображению ученого доступны любые картины. Но все же в пределах такой небольшой страны, как Япония, подобные контрасты были удивительны. Удивительны, но объяснимы. Острова лежали среди бурного моря — это был район зарождения тайфунов, в условиях примитивной техники мореплавания они были практически недоступны. Никто не приезжал на Мияко, никто с Мияко не уезжал. Все, что происходило в мире, шло

стороной. Сама природа создала здесь лабораторию, инкубатор, в котором культура островитян, их язык развивались практически безо всякого влияния извне.

«Изолированное положение группы островов (Мияко. — Л. Г., Е. К.) и отсутствие регулярных сношений с посторонним миром замедлили прогресс языка, вернее, сделали этот процесс внутренним, как бы брожением смеси внутри закрытого со всех сторон сосуда», — писал Н. А. Невский. Результаты этого были очевидны — когда в XIV веке, судя по рюкюским хроникам, жители Мияко впервые явились с данью на Окинава, они

не понимали рюкюского языка, и им пришлось оставить на острове 20 человек «на предмет изучения государственного языка».

«Вековая изолированность островов сохранила от праязыка в говорах массу архаичного, как в фонетическом, так и в лексическом отношении… В настоящее время, благодаря понастроенным всюду японским школам, японский койнэ начинает понемногу ассимилировать местные говоры, официальным языком считается японский, и, кроме глубоких стариков и старух, почти все если не говорят, то по крайней мере понимают по-японски».

Невский заинтересовался островами задолго до того, как представился случай побывать там. В доме Янагита в Токио он познакомился с уроженцами о-вов Мияко. Одним из первых его информаторов стал студент Уиунтин Кэнгфу родом из деревни Хирара (Псара) на о-ве Мияко. Со слов Уиунтина Невский записывает сказки, своеобразные, но безусловно имеющие отдаленное сходство с некоторыми из фольклорных материалов, собранных Фрэзером. Живя в Отару, Невский переписывается с неким Хигасионно, который тоже увлечен этнографией и охотно делится со своим русским коллегой наблюдениями над обычаями островитян.

Научный потенциал Н. А. Невского, его разнообразные интересы привели к тому, что, занявшись этнографией, он не прошел мимо фольклора, а столкнувшись с устным народным творчеством, неизбежно должен был заинтересоваться диалектами. Он был лингвистом по призванию, и то, что он сравнительно поздно вплотную подошел к этой отрасли знания, ставшей впоследствии ведущей в его научном творчестве, продиктовано было обстоятельствами.

Записав сказку на диалекте Мияко, Невский тут же понял, что сведений, полученных от Уиунтина, ему недостаточно, дабы вывести какие-нибудь фонетические или морфологические

закономерности. Встреча с Уиунти-ном состоялась в самом конце 1921 года, а уже следующим летом он отправляется на о-ва Мияко для сбора материала.

Дорога была неблизкой. Сначала почти полсуток в сидячем вагоне от Осака до Симоносеки. Затем на пароме через Симоносекский пролив на о-в Кюсю. Теперь,

спустя полвека, суперэкспресс домчит вас из Осака до Симоносеки за несколько часов, подводный тоннель промелькнет за окнами вагона так быстро, что просто не хватит времени полностью осознать, что поезд пре-: одолевает пространство под морским дном. Тогда же, в 20-е годы, на Кюсю переправлялись на неспешном пароме. Затем предстояло пересечь с севера на юг весь остров до крайней южной точки — г. Кагосима. От Кагосима — двухдневный морской переход до о-ва Окинава. И это еще не все. От Окинава до Мияко около двухсот миль. На о-в Мияко из Наха, главного порта и административного центра Окинава, по расписанию летнего времени ходят два небольших пароходика — «Яэяма-мару» и «Мияко-мару». Но это по расписанию. А оно часто нарушается, регулярным рейсам препятствуют нередкие штормы. Большая часть из них приходится на период летне-осенний — с мая по октябрь. Всего в год бывает до 45 разрушительных тайфунов.

В группе вместе с Мияко восемь островов: Ирабу, Си-модзи, Тарама, Минна, Курима, Оками, Икима. Некоторые из них, как, например, отдаленный от других Тарама, лишены всякой связи с внешним миром по месяцу и больше, потому что утлые катера, служащие для связи островов между собой, не выходят из гавани даже при небольшом волнении моря.

Н. А. Невский побывал на Мияко трижды: в 1922, 1926 и в 1928 году. Во время поездки летом 1926 года он вел дневник. Одновременно это была и рабочая тетрадь для полевых записей фольклорного материала. Вначале дневник заполнялся прилежно, день за днем, аккуратным почерком. Потом все более наспех, короче становились записи, почерк — небрежнее. Тем не менее и сама поездка, и методика работы Невского, его времяпрепровождение на Мияко описаны ярко и дают полное представление об экспедиции.

«28 июля. Собрался ехать на Рюкю. Остановился на экстра-экспрессе, отходящем из Осака в 8.20 вечера. В десять минут восьмого с Исоко и Коити вышел из дому. В трамвае от Фусэ до Уэроку взглянул на часы— до отхода поезда 19 минут. Решил свезти на вокзал чемодан и сдать на хранение, а самому ехать на следующий день. Наняли автомобиль и прибыли на станцию

Умэда в 8.21 — поезд только что ушел. Сдавши чемодан, в осведомительном бюро спросил, когда самый

удобный поезд на Кагосима, получил ответ, что в 9.26 утра. Купил билет до Кагосима…»

Кагосима расположен в удобной бухте. Во всем чувствуется юг — ив пышных цветах на улицах — особенно хороши олеандры, и в знойном ветре, и в обилии праздных, нарядных людей: Кагосима пользуется популярностью у туристов. На одной стороне бухты — город, на другой — вулкан Сакурадзима. Над его кратером все время курится облачко плотного дыма. Когда ветер дует в сторону города, он приносит с собой вулканический пепел. Темные твердые частицы пепла скорее похожи на песчинки. Пепел покрывает тротуары, крыши, забивается во все щели, попадает в глаза, в рот…

Остановился Н. А. Невский в гостинице «Сассюкан», в которой «останавливался еще в 1922 году».

«31 июля. Проснулся в девять часов. Позавтракавши, пошел на пристань, где купил билет второго класса до Наха…» Билет стоил 16 иен. Пароход «Ампин-мару» отправлялся лишь 1 августа вечером, поэтому у Невского было время побродить по городу. Он узнавал кварталы, магазины. Почти ничего не изменилось за те четыре года, что он здесь не был. Его внимание привлекла вывеска «Русская булочная» — «Росия панья».

«Внутри темно и грязновато, в третьем этаже устроен клуб для турниров в го (японские шашки. — Л. Г., Е. К-). Заказал кофе холодного и пирожных. Подошла намазанная девочка Тамако в европейской одежде. Принесли не кофе, а какую-то кофейно-молочную бурду с мелконаструганным льдом и пару пирожных, которые сделаны, видимо, по меньшей мере месяц тому назад. Украшением „булочной" служили большой нечищеный медный самовар и на стене громадная картина масляными красками в духе Шишкина. Под картиной русская подпись, издалека не рассмотрел».

На пароходе Невский был за час до отхода. «Ам-пин-мару» водоизмещением около 1200 тонн имел довольно обшарпанный вид. Для второго класса — одна большая общая каюта. Пароходный бой разостлал коричневые войлочные одеяла с подушками, за пользование которыми полагалось платить 30 сэн 2.

2 С э н — мелкая монета. Сотая часть иены, в настоящее время в обращении не имеется.

На следующий день все пассажиры перезнакомились и, узнав о цели поездки Невского, охотно рассказывали ему о языке, обрядах, обычаях тех мест, откуда были родом. Невский без устали записывал все в толстую линованную тетрадь, а кое-что даже рисовал с помощью рассказчиков. Записал некоторые слова диалекта о-ва Осима. Вскоре предстояла стоянка в Надзэ — главном городе и единственном крупном центре этого острова.

Привычка Невского подробно записывать все мало-мальски важное и интересное дает нам теперь возможность воссоздать реальную картину его жизни. Некоторые периоды восстановимы с точностью до дня, часа.

Около половины второго пароход прибыл в Надзэ. Большинство пассажиров сошло на берег, но некоторые, как потом выяснилось, просто ездили погулять и вскоре вернулись. Тем временем на пароход явились продавцы шелковой материи «кумуги», изготовлением которой издавна славится остров. Это самые дорогие ткани в Японии, их изготавливают ручным способом, и каждый отрез — уникален. Запросили дорого — 60 иен за кусок на одно кимоно, но довольно легко уступили почти вдвое.

Снова в путь, и снова Невский беседует с каким-то пассажиром. На этот раз — рюкюсец, едущий в Куси. В толстой тетради, уже изрядно исписанной, появляется новая запись: «Когда отправляются на похороны, то мать обычно сажей с низу плошки ставит пальцем пятно на лбу ребенка, которого берет с собой». Попутно Невский отмечает на полях особенности речи рассказчиков.

На следующий день пароход шел уже вдоль берегов о-ва Окинава.

Но вернемся ко времени первой поездки, к 1922 году. На о-вах Мияко Невский сразу же почувствовал всю остроту «транспортной проблемы». Связь между островами поддерживалась лишь морским путем. Когда море было спокойным, небольшая пассажирская катерная лодка перевозила жителей из одной деревни в другую.

«Пятого августа с утра дул сильный ветер и море было неспокойным. Даже у берегов бешеные валы кидались на обрывы с остервенением голодных волков и лизали их жадными языками со струящейся белой

сЛЮной, а вдаЛи на горизонте видны были белые стоЛбы вздымающихся кверху волн. Все море выглядит черным, и на этом черном лице еще более ярко вырисовываются белые гребни крупных валов, бегущих один за другим, играющих и как бы

смеющихся над слабостью человека. С утра ни одной рыбачьей лодки не вышло в море…»

Невский досадовал: забраться на край света, а теперь сидеть буквально «ждать у моря погоды»!

Н. А. Невский дважды посылал мальчика из гостиницы на пристань узнать, не пойдет ли катер, но оба раза посланец возвращался ни с чем. При этом он держался несколько снисходительно, своим видом давая понять, что заранее предвидел ответ и исключительно правила хорошего тона заставили его ходить на пристань с глупым вопросом: всякому было ясно, что при таком море никто не отважится ехать. Невский совсем было смирился со своей участью, тем более что к нему "привели старика, знатока песен. Невский уже приготовился записывать, как вдруг явился человек из Ирабу И предложил сопровождать туда Невского.

— Сегодня я возвращаюсь обратно, поедемте вместе! Вы не боитесь непогоды? — спросил он.

Невский решил, что речь идет о поездке по морю на сабани.

Сабани — это «тонкая изящная лодка, весьма низкая, выдолбленная из целого дерева. Такая лодка — главное и необходимейшее средство всякого рыболовства, начиная от о-ва Осима и кончая архипелагом Яэяма. При попутном ветре она летит на парусах, как стрела. Это самое „безопасное" средство для передвижения по морю. „Да разве не перевернется лодка?" — спрашивал я у жителей Мияко и всегда получал один ответ: „Ну, что же, выкупаетесь немного, но зато не потонете. Лодка перевернется, ее снова наладим и дальше в путь". Рыбаки же из Мияко на этих сабани ухитряются ездить в Наха, а окинавские рыбаки постоянно ездят на работы в Осима и даже ухитряются бегать в Японию, в Кагосима. Правда, при таких дальних пробегах обычно связываются две или даже три сабани вместе, в ряд, однако некоторые смельчаки катят на одноколке. Меня всегда поражала их быстрота при поднимании и спуске паруса, при поворотах. Эти

повороты так быстры и круты, что не уступят любому автомобилю. Подплывают к берегу, сняв парус и гребя порожними веслами».

На этот раз сабани оказалась ни при чем. Рейсовый катер, который мотало у пристани на бурных волнах, отважился выйти в путь, и около него уже собралась кучка пассажиров. Но в моторе случилась какая-то поломка и до отправления прошло еще не менее двух часов. Катер отчалил, ведя на буксире большую

парусную лодку. Ход его был замедлен — бурное море и буксируемая лодка мешали быстрому движению. Через полчаса лодку отвязали, и она своим ходом под парусами отправилась в затон.

Еще через полчаса миновали две голые скалы, разделенные проливом. «Эти скалы носят название „Фта-сибанари" („Двое — врозь". — Л. Г., Е. К.) и в поэзии жителей острова Ирабу постоянно являются символом бездетных супругов, одиноко и скучно влачащих свое существование. После Фтасибанари море стало страшно бурно, особенно когда моторная лодка начала поворачивать в Ирабу. На берегу то там, то тут появляются полосы белого песка, омываемого свирепыми волнами. Вдали видна роскошная песчаная ослепительная отмель— преддверие деревни Ирабу. Наконец вошли в узкий пролив между островами Ирабу и безлюдным Симодзи. Этот мелкий пролив нельзя даже назвать рекой, как мы, русские, понимаем это слово. Это скорее мелкий ручей, разделяющий два острова, который можно свободно перейти вброд. На острове Симодзи нет человеческого жилья, и в настоящее время там находятся только поля и огороды жителей пяти слобод волости Ирабу».

Одно и то же название — Ирабу носили и остров и деревня, точнее, волость, объединявшая, как об этом писал Невский, пять слобод.

По преданию, ныне безлюдный о-в Симодзи в старину был заселен. На южном побережье его имеются два глубоких с соленой водой пруда, расположенных очень близко друг к другу. Их называли «сообщающимися прудами». Берега их обрывисты, отвесны, сорвешься в воду — не выберешься. С этими прудами связана мрачная легенда.

«Говорят, в старину на этом месте находилось име-

ние одного богача из деревни Кидумари. Однажды богач в порыве самохвальства и гордости решил отведать кушанья из рыбы — посланницы морского бога. И, когда он уже потрошил рыбу, бог, разгневавшись, наслал наводнение, смывшее без остатка не только имение, но и всю деревню Кидумари. Уцелела лишь одна женщина с двумя детьми — своим ребенком и пасынком, которых в то время не было в деревне. Вернувшись, она не нашла ни дома, ни деревни и решила, отделавшись от пасынка, перебраться со своим ребенком в другую деревню. Она уложила пасынка на каменное возвышение на краю пруда, а сама, обняв своего ребенка, легла поодаль, поджидая, когда заснет пасынок, чтобы столкнуть его в воду. Но она задремала первой. Тогда ее ребенок подобрался к старшему брату и поменялся с ним

местами. Ночью мать проснулась и, не подозревая обмана, столкнула родного сына. Наутро, обнаружив свою ошибку, она бросилась в тот же пруд.

В южном пруду находится скала, выступающая из воды, называемая „Ложем пасынка". Есть будто бы и другая скала — „Ложе родного сына"».

Моторная лодка вошла в пролив, разделяющий Ирабу и Симодзи. Некоторое время она продвигалась с помощью шестов, но вскоре стало так мелко, что лодка заскребла днищем по песку и остановилась.

«Бросили мостки-доски, но они не достигали берега, и пассажиры, поднимая подолы, шагали по воде. Я уже было собрался снимать ботинки, как один из лодочников предложил донести меня на закорках до берега, на что я охотно согласился. Весь берег покрыт тонким белым песком, какого не увидишь в Хирара, и там и сям можно наблюдать круглые отверстия в песке, уходящие вглубь. Это жилища красивого быстроногого краба, с которым любят играть дети, доставая его из норки — краб прячется приблизительно на расстоянии длины руки взрослого человека».

Ведомый своим провожатым, Невский отправился в Ирабу. Волость населяло около 4500 человек. Все пять поселений, входивших в волость, расположились вдоль дороги, «прекрасной во всех отношениях», по выражению Н. А. Невского. В одной из деревень, в которой находилось волостное правление, Невский остановился на ночлег в начальной школе, где ему приготовили no-

lo 1

стель (составленные вместе столы, покрытые циновкой). Его радушно встретил школьный служитель. После угощения — вареный рис и тофу, творог из перебродивших бобов, появились и первые гости — представители местной администрации и деревенской интеллигенции, среди них был и старшина Кунинака Канто, понемногу занимавшийся сбором интересных этнографических фактов. После взаимных приветствий Невский представился. Сдержанность не позволила его собеседникам выразить свое восхищение познаниями гостя, но они были потрясены. И, как это бывало уже не раз, Невский очень скоро обрел верных и надежных помощников, старавшихся сделать для него все возможное.

А у него, естественно, уже были наготове вопросы. Еще в Хирара, дожидаясь катера, он услышал многократно повторяемое слово «мунаи».

«Прождавши катера безрезультатно два-три дня, я уже начал

терять терпение и всем и каждому изливать свою досаду. Но досада моя была никому не понятна. Все, с кем бы я ни заговаривал, выслушивали меня спокойно и еще более спокойно отвечали, что тут ничем не поможешь, что это мунаи-кадзи — ветер-мунаи.

Первый раз слыша слово „мунаи-кадзи", повторяемое каждым, с кем я ни разговаривал, я, наконец, спросил, что же это за ветер такой, когда и откуда он обычно дует. Задавая такой вопрос, я был уверен, что мунаи — не более как название ветра, дующего в определенный сезон и в определенном направлении, вроде пассатов или муссонов, или вроде японских „хаэ" (южный ветер), „коти" (восточный ветер) и пр. Но тот, кого я спросил, видимо несколько озадаченный таким вопросом, подумал немного и ответил, что мунаи-кадзи совершенно не связан ни с сезоном, ни с направлением. Он возникает неожиданно в любое время года и может дуть в разных направлениях. Видимо, на моем лице была написана неудовлетворенность таким ответом, потому что мой собеседник, указывая пальцем на сливающееся с небом очертание острова Ирабу, прибавил: „Теперь этот ветер дует вон оттуда, со стороны деревни Сарахама. Дело в том, что несколько дней назад один из рыбаков этой деревни, отправившись в морена рыбную ловлю, случайно утонул, поэтому-то и „делается мунаи", потому-то и поднялся мунаи-кадзи".

Из этого ответа я понял, что мое предположение, будто мунаи-кадзи — название ветра определенного направления, — ошибочно, что слово „мунаи" вполне самостоятельно и не обязательно связано с ветром, и что, наконец, существует даже глагол „мунаи-си" — „делать мунаи", „мунаить", как я бы сказал, облекая его в русскую форму.

Из этого, пока единственного примера с ветром, я заключил, что предполагается какое-то взаимоотношение, какая-то связь между смертью рыбака и разбушевавшимся вскоре после этого морем и, это-то взаимоотношение, эту-то связь и называют „мунаи"».

Оказавшись в Сарахама, в той самой деревне, из которой был утонувший рыбак, Невский намеревался расспросить обо всем поподробнее, как вдруг совершенно неожиданный разговор опять зашел о «мунаи», но уже в другой связи.

«Разговор само собой коснулся и обычаев, связанных с беременностью и родами. Один из жителей села, г. Маэдомари Кинкити, рассказывая мне про обычаи данной деревни, сказал между прочим, что во время беременности не только сама

женщина должна быть весьма осторожна и осмотрительна во всех своих действиях, но и ее муж, дабы не вызвать мунаи, которое может отразиться на ребенке. Колоть, скажем, свиней и других животных весьма опасно в это время. Беременной не дают, например, козлятины, потому что может родиться ребенок, у которого местами будут „красные волосы", как у коз, которые на островах Мияко белые с бурыми пятнами.

Когда жена г. Маэдомари, по его рассказу, была беременна, он как-то колол дрова и рассек себе наискось левую ногу; рана была неглубока и скоро зажила, но, когда родился ребенок, у последнего на левой руке оказался косой шрам точно такой же формы, как рана отца.

То обстоятельство, что отец поранил себе ногу, не имеющее для нас никакого отношения к последовавшим затем родам, с точки зрения жителя Сарахама, отразилось на ребенке, „сделалось мунаи", как он сам выразился. Кто-то из присутствовавших во время этого рассказа глубокомысленно заметил, что если бы жена Г, Маэдомари, узнавши про случай с мужем, тоже по

резала себе ногу, то это, вероятно, не отразилось бы на ребенке, и большинство моих собеседников молчаливо кивнули в знак согласия».

Не только в Сарахама, но и в Хирара довелось Невскому услышать нечто подобное. Рассказывали, что у одного деревенского дурачка «на груди громадное красное пятно от рождения; когда он был еще в утробе матери, его отец поехал на Формозу, где вскоре был убит дикарями и найден лежащим в луже крови, это и „сделало мунаи" в сыне».

Оказалось, что мунаи следует опасаться на каждом шагу. В особенности это касалось, что совершенно естественно, беременных женщин.

«Если беременная увидит похороны, то это тоже „делает мунаи", потому что тогда родится ребенок с синим пигментным пятном на ягодицах; поэтому-то на всех островах Мияко беременные устраняются от похорон». Но последнее поверье не было специфическим для Мияко: «По всей Японии малообразованные классы верят, что похороны и пожар, увиденные беременной, вызывают где-нибудь на теле ребенка синее или красное пигментное пятно и, чтобы предупредить это, существуют определенные противочародейства, вроде ношения при себе зеркала и пр.».

По всем островам и селениям группы Мияко распространено поверье, что убиение животных в период беременности любым из

супругов обязательно «делает мунаи» в ребенке, в Ирабу же, кроме того, верят, что ребенок родится с заячьей губой, если беременная или ее муж «режут межи» на поле.

Одной из «наиболее желанных», согласно программе Л. Я. Штернберга, областей для этнографа является система семейно-родственных отношений, в том числе институт и обрядность брака. С этой точки зрения о-ва Мияко давали исключительно интересный материал. Невскому удалось зафиксировать несколько видов брачных обрядов.

«В селении Сарахама острова Ирабу брак свободный, т. е. заключается по взаимному соглашению молодых людей без всякого участия, вернее, вмешательства со стороны родителей. Роль свата, или, выражаясь более научно, могущественного посредника полового подбора исполняют хороводные танцы. Танцы устрзивают-

Ся Почтя ежедневно после окончания всех полевых и домашних работ и начинаются обычно с 9, 9.30 вечера Я затягиваются часов до двенадцати, а то и до часу ночи. Только в дождливую темную ночь танцев не бывает. Танцы устраиваются где-нибудь на открытой площадке или перед домом, причем участниками являются исключительно девушки. Девушки располагаются кругом и с песнями двигаются; к концу песни движения по кругу становятся все более оживленными, девушки кружатся, взмахивая вверх руками. Молодые парни со всей деревни собираются посмотреть на танцы и все время вставляют свои замечания, критикуют девушек, критикуют и смеются то над одной, то над другой исполнительницей. Здесь же парни заговаривают с девушками 'и наконец останавливают выбор на той или иной. Ежедневные разговоры, ухаживание парня мало-помалу сближают молодых людей и в один прекрасный день "парень спрашивает девушку, где сегодня ее „тунгарая".

Здесь я должен сказать несколько слов об этом обычае. Молодые люди обоих полов с наступлением половой зрелости, т. е. с 14–15 лет, обычно образуют группу в три-четыре человека „друзей" и „подруг" — тунга-,ра. Каждый пол отдельно. В Хирара „тунгара" означает только „подругу", а для понятия „друг" употребляется слово „агу". Эти друзья по вечерам сходятся вместе, а так как. возвращаться домой и спать одному очень скучно, отправляются в дом одного из „друзей", где и проводят ночь вместе; девушки приносят с собой работу и за работой беседуют на разные темы, парни же покупают себе немного водки и тоже, попивая вино или чай, беседуют. Проспавши несколько дней у одного товарища или подруги переходят к другому, и т. д.

Такие-то дома и называются „тунгарая" — „домами друзей".

Когда парень спросит у девушки, где ее тунгарая, то последняя, если питает расположение к молодому человеку, тихонько, стыдясь, сообщает ему, в чьем доме она сегодня будет спать (в противном случае не говорит). После этого молодой человек отправляется в свой тунгарая и сообщает своим друзьям, что сегодня он идет спать с такой-то девушкой. Поздно ночью, когда деревня погрузится в сон, он приходит к указанному тунгарая и, обойдя дом с задней стороны к ураса — „задней комнате", где на всех островах Мияко спят не-

Замужние девушки, тихонько стучит, Называя себя и прося впустить. Часто девушки еще не спят, тогда молодой человек вступает с ними в разговоры. Наконец, все ложатся спать, и молодой человек, не стесняясь нисколько присутствием подруг, ложится спать со своей возлюбленной. Наутро он возвращается чем свет в свой тунгарая, а его друзья оповещают все селение о случившемся; такое оповещение носит название „араида-си" — „новое вынесение", „разнесение новости".

Вскоре после этого молодой человек покупает вина около одного сё 3 и относит его родителям девушки, прося официально руки их дочери. Так как просьба совершается всегда постфактум, то родители соглашаются и относятся к молодому человеку, как к сыну. Отказ родителей ни в коем случае не мог бы расторгнуть брака; это сможет привести только к недружелюбным отношениям родителей невесты и молодого человека. Тотчас же приглашаются некоторые родственники невесты и устраивается угощение, которое длится недолго и которое нельзя совсем назвать свадебным пиром.

Затем обращаются к специалисту или специалистке в распознавании счастливых и несчастных дней для всякого рода дел, касающихся данного человека, или к какому-нибудь старику или старухе, опытных в выборе дней с просьбой выбора счастливого дня, в который невеста может явиться в дом жениха. Специалисты за совет денег не берут. В выбранный день молодуха чем свет отправляется за водой.

Между прочим, отмечу здесь, что в Сарахама совершенно нет ни реки, ни колодца; обычно копят дождевую воду или ходят на колодец, отстоящий на две версты от селения; вода в колодце соленая.

Поставив ушат, или, как теперь делают, жестянку из-под газолина на голову — обычный способ перенесения женщинами грузов на всех Рюкюских островах, — раным рано является в дом жениха, где сразу же принимается за привычную домашнюю

работу. Это явление невесты в дом жениха носит название „первое приведение", „начало сопровождения". В тот же день, или в один из ближайших дней, собираются родители и родственники и угощаются; но угощение производится

3 С ё — мера емкости, 1,8 л.

весьма скромное. Через несколько дней молодуха приносит свое имущество, и на этом все кончается.

Вследствие полюбовного соглашения сторон разводов почти не бывает — разводы навлекают насмешки на мужа и считаются постыдными. Замечу также, что „первое приведение" имеет место только в том случае, если молодой человек — единственный или старший сын своих родителей. Следующие сыновья никогда не „приводят" жен в свой дом, а ходят спать с ними или в тунгарая, или в дом ее родителей. В последнем случае, если у жены родится ребенок или даже два, то и тогда молодой человек не берет жену в дом, а дети воспитываются при матери, в доме ее родителей. Когда молодой человек подзаработает денег, он просит своих родителей выделить ему часть хозяйства и строит себе дом и впервые приводит в него жену».

Подобный обычай свободного брака «весьма поразителен», по выражению Невского, и характерен далеко не для всех поселений о-вов Мияко. Любопытно, что в зону распространения этого обычая (имевшего, по всей очевидности, тенденцию роста) входят о-в Икима и селения Нисибару и Симодзи главного острова, не считая уже названного Сарахама. Чем же обусловлена такая «выборочность»? Оказывается, тем, что и Сарахама, и Нисибару основаны переселенцами с Икима. Что же касается Симодзи, то, хотя «язык и обычаи его и отличаются от Икима (язык и обычаи весьма близки к самому северному селению главного острова — Карима-та, где брак несвободный), тем не менее постоянные сношения с Икима, с одной стороны, и близость Нисибару — с другой, видимо, заставили перенять этот обычай».

Н. А. Невский теперь специально интересовался видами брака на Мияко. Выяснялись любопытнейшие вещи.

«Интересный обычай свободного брака существует в селении Бура на главном острове. Этот брак я называю „пробным браком". Когда молодой человек подрастет и придет время жениться, родители его или сами намечают ему невесту, или спрашивают сына, какая девушка деревни понравилась ему так, что он не прочь бы на ней жениться. Затем отец молодого человека (один, или вместе с матерью) отправляется к родителям девушки и излагает им свое желание. Если последние находят пару подходящей, то они дают им такой ответ: пусть молодой человек

походит к девушке, если они друг другу понравятся, то мы не будем против. После этого молодой человек начинает каждую ночь посещать ураса, где спит девушка. Если действительно они понравятся друг другу, или девушка забеременеет, то выбирается счастливый день, в который девушка перебирается в дом мужа, если же молодые люди характерами не сходятся, то прекращаются посещения, родители сватают другую девушку, а к первой тоже начинает ходить другой. И в таком разводе не видят ничего страшного. Если же молодой человек решает на девушке жениться и приводит в свой дом, а через некоторое время совместной жизни разводится с ней, отпустив ее обратно к родителям, то это считается большим позором для мужчины, и когда он захочет вновь жениться, то должен будет уйти куда-нибудь на сторону, так как он подвергается насмешкам со стороны товарищей и ни одна порядочная семья не позволит ему ходить к их дочери».

На разведенную жену позора не падает, и она снова может выйти замуж.

Своеобразные брачные обычаи существовали на всех островах Рюкюского архипелага. На главном острове — Окинава, по свидетельству Сакима Кёэй, автора этнографической книжки «Сима-но ханаси»4, ограничения для женщин были довольно существенными. Сакима употреблял для обозначения деревенской общины слово «сима», что «более всего подходило по значению к русскому „мир" в смысле „община"».

О своей родной деревне Арагуску, находившейся в нескольких километрах от г. Наха, Сакима писал: «Мужчины сима обычно женились на женщинах из своей сима, но немало бывало и браков между мужчинами и женщинами разных сима. В таких случаях мужчина был свободен, а женщина должна была выплатить своей сима определенную сумму. Это обычно называлось „мма-тима", или „мма-дзаки" — „гробовые издержки", „гробовое вино". Словом „мма" („лошадь") назывались носилки для переноски гроба и поэтому „гробовые издерж

«Сима-но ханаси» — «Рассказы об островах».

ки" и „гробовое вино" были не чем иным, как заместилищем по похоронным издержкам, которые должна нести женщина, но по своему характеру они были, видимо, тоже своего рода компенсацией за незаконное поведение».

Во время путешествия на пароходе в 1926 году один из попутчиков Н. А. Невского, студент по имени Тайра, который направлялся из Киото домой на каникулы, рассказал, что на о-ве Токуносима до сих пор при совершении брака придерживаются

старинных правил. Родители юноши или сваты несут родителям невесты горшок с вином. Если после соответствующей беседы стороны приходят к согласию, то родители невесты переливают вино в свой сосуд, а пустой горшок возвращают. Если же согласие не достигнуто, то горшок возвращают не-опорожненным. Бывает, однако, что вино оставляют у себя с просьбой наведаться через какое-то время. Обычай этот называется «сакимури».

На островах Невский столкнулся с интереснейшими фактами народной медицины. Нечего и говорить о том, что на Мияко, особенно в глухих деревнях, почти не было врачей, да и тем, которые были, жители не особенно доверяли, предпочитая дедовские способы лечения болезней.

«Весьма могущественным средством от всякого рода заболеваний, особенно при полной слабости и истощении организма, служит свежая козья кровь. Питье ее производится весьма варварским способом, а именно: козу подвешивают куда-нибудь к балке и наносят удар ножом в шейную артерию; затем в рану вставляют бамбуковую трубку и через нее больной пьет горячую кровь».

Некоторые болезни на Мияко врачевались так же, как и в других районах Японии. Как всегда, Невский тщательно прослеживал все известные ему параллели и аналогии.

«Корь считается заразной болезнью, которую должен перенести каждый. Поэтому, когда в каком-нибудь доме ребенок заболевает корью, соседи нарочно посылают своих детей в такой дом поиграть, чтобы и их дети поскорее заразились этой болезнью, так как в зрелом возрасте она может быть опасна. Больному ребенку родители отводят тихую комнату в задней части дома;

в качестве внутреннего дают отвар из растений, и не дают ничего жирного и масляного. Для развлечения больного поют и играют на музыкальных инструментах. Абсолютно тот же обычай скорейшего заражения детей корью наблюдается во многих местах Японии, например в уезде Сякотан на Хоккайдо, где прежде так же смотрели и на натуральную оспу».

Лучшим лекарством от куриной слепоты служило снадобье из больших тараканов. Таракана жарят либо с козьим мясом, либо без него. Можно вылечиться и просто сваренным тараканом. Но тараканы являлись не только лекарством, их употребляли и в пищу. Съедобными считались и цикады — большие и среднего размера. Ели личинок красных ос; пекли, как картошку на костре, осиные гнезда. Все это нашло отражение в фольклоре.

«В одном доме было двое детей, сын и дочь. Последняя

вышла замуж и ушла из дому, а сын женился и взял жену в дом. Мать жениха была уже старая женщина и слепая. Невестка невзлюбила свекровь и всячески хотела ее извести. Однажды она приготовила какое-то кушанье и подала свекрови, сказав, что это ката — кузнечики. Свекрови кушанье очень понравилось, и она припрятала немного для своей любимой дочери, жившей неподалеку. Когда дочь пришла, мать подала ей это кушанье и сказала, что это очень вкусные кузнечики. Дочь посмотрела на кушанье, увидела каких-то длинных, страшного вида несъедобных насекомых и сказала, что этого есть нельзя. Невестка, увидя, что ее козни обнаружились, превратилась в мышь и пустилась наутек; в этот момент в свекрови вспыхнула ненависть к невестке и она, превратившись в кошку, пустилась ее догонять. С того времени кошка постоянно ловит мышей».

В некоторых местах роженицу принято кормить козлятиной. В народной медицине Мияко мясо козы используется как слабительное, поэтому считается, что козлятина и при родах помогает «легко и безболезненно вывести ребенка на свет божий, как они наблюдают это над пищевыми продуктами». Но при этом важно, чтобы роженица во все время беременности воздерживалась от козлятины, ибо в случае нарушения этого правила ребенок родится беспечным, как коза.

ПО

Важное место в лечении болезней отводилось заговорам.

«По рассказу жителя Сарахама, один из его приятелей три года лечился от какой-то болезни у японского врача в городе Кагосима, но, не видя никакой пользы и не будучи в состоянии работать вследствие болезни, вернулся в родную деревню и обратился к знахарке; последняя только произнесла какое-то заклинание с соответствующими магическими действиями, и через короткое время болезнь как рукой сняло».

В Сарахама Невский пробыл очень недолго, поэтому ему не удалось записать заклинания непосредственно от знахарей. Но если на это просто не хватило времени, то общение с шаманками ему было недоступно. Для них он был чужеземец, не виданный доселе «оранда» — голландец. Так на о-вах Рюкю повсеместно называют европейцев. Шаманки же находились вне закона и строго преследовались полицией «за поддержание и распространение в народе суеверий». Поэтому они упорно отрицают причастность к своему ремеслу и занимаются им тайно. Да и как не заниматься этим, когда то и дело приходится по просьбе жителей низводить на себя духов и изрекать оракул, чтобы узнать причину болезни:

«Большей частью, — пишет Н. А. Невский, — такой причиной

оказывается tatal (яп. „татари" — „возмездие") того или иного божества или животного, вызванное нерадением к божеству, убийством, увечьем, побоями, причиненными какому-либо живому существу, и т. д. Из оракула шаманок больной узнает, когда ему суждено поправиться».

Божеств, к которым можно невзначай оказаться непочтительным, вокруг хоть отбавляй. Почти каждое фольклорное сказание повествует о каком-нибудь божестве.

«В старину у одного придирчивого хозяина жила прислуга. Каждый день ходила она на поля и луга, разыскивая пищу. Когда мало приносила, ей попадало от хозяина. Однажды она отправилась в поле, но почти ничего не могла найти. Боясь гнева хозяина, решила переночевать под деревом. Ночью был страшный гром, и слышно было, как бог ходит по полю и разит все на своем пути. Девице стало жутко. Когда рассвело, ни

какого следа бури не оказалось. Девица пошла искать коренья, а за ней полетела красная птичка, которая от нее не отставала ни на минуту. Девица набрала массу корней и, довольная, отправилась к хозяину. На следующий день, когда она пошла в поле, за ней опять увязалась красная птичка, и девица снова с большой добычей вернулась домой. Однажды, когда девица была в поле, она почувствовала, что ей захотелось помочиться. Она пошла под дерево, чтобы справить нужду, но вместо этого родила двенадцать яиц. Чтобы люди не узнали про это, она, завернув в листья, закопала их рядом с полем.

Когда девица вновь пришла на это место, к ней навстречу выбежало двенадцать ребятишек, которые называли ее мамой. Тогда девица поняла, что это не люди, а боги, и решила больше не возвращаться к хозяину, выстроить здесь лачугу, чтобы как-нибудь воспитать своих детей. Она стала строить дом, а весь материал спускался к ней с неба. Выстроив домик, в нем она стала воспитывать богоданных детей, и каждый день с неба спускались прекрасные кушанья. Дети сделались богами.

Когда дети подросли, с неба спустился крюк, который захватил женщину и унес на небо. Старший из ее детей, глава всех остальных, сделался богом, властвующим над жизнью; чествуется он в храме на о-ве Икима.

Остальные дети тоже стали богами и чествуются в разных храмах на о-вах Мияко».

На о-ве Ирабу при входе в деревню мужчины снимали шляпы и головные повязки. Когда Н. А. Невский впервые оказался в этом месте и еще не знал о таком обычае, его провожатый предложил и ему снять шляпу, сказав, что это святилище, храм, где почитается

богиня Тамамига, спасающая на воде. Впоследствии Невскому удалось записать легенду о богине Тамамига.

«Храм этот из всех храмов острова самый почитаемый рыбаками и всеми путешественниками. Как и все храмы главного острова, он расположен в роще, огороженной низкой каменной оградой. Внутри площадка, выложенная камнями, и забор — несколько выше колен. Против входа с противоположной стороны площадки в ограде сделана выемка, над которой положен большой

камень, так, что получается нечто йродё массивных ворот. В этой выемке стоит выдолбленный камень для курения фимиамов, по бокам которого стоят два маленьких кувшинчика для цветов или веток деревьев. Это и есть священное место, где возжигают фимиам и возносят моления божеству, преимущественно при посредстве жрицы.

Относительно происхождения этого храма существует следующее предание. В старину в эпоху богов у старика со старухой родилась красавица дочь, которую звали Тамамига. Когда ей исполнилось 16 лет, родители отправили ее за водой, но она не вернулась. Как ни искали ее родители, как ни горевали, не могли наитии следов. Но вот месяца через три она как бы в тумане показалась и постояла около леса Нусияма. Родители увидели ее, и радости их не было предела. Они кинулись ее обнимать и впопыхах оторвали один рукав. Девушка со словами: „Я сделалась хранительницей этого острова" — улетела в глубь рощи и скрылась из глаз. Родители стали горько плакать. И рукав от одежды девушки — единственное, что у них осталось, — они похоронили на горе и стали чествовать как бога. Богиня Тамамига спасает на водах, а потому все жители острова с благодарностью смотрят на богиню, проходя же мимо ее храма, снимают с головы платки и прочее и, кланяясь, воздают ей почести».

Иногда «заклинания» произносят либо сами пострадавшие, либо их близкие. В Симодзи ребятишки хором поют песенку-заклинание, если у кого-нибудь из них заболит живот. Из песенки ясно, какого рода средства используются в этих случаях в качестве «лекарств».

Ой-ой-ой! Живот болит!

Перцу поел, — Еще больше заболел. А потом съел яйцо — И все прошло. Скверный животишко!

Действительно, после того как больному вначале дают кайенского перцу, боли усиливаются, а затем, после куриных яиц, будто бы прекращаются.

В Хирара человек, подавившийся рыбной костью, сложив ладонь горстью, трижды дует в нее, а затем, по-

глаживая горло, произносит заклинание. «Относительно „надышания" при этом заговоре замечу, что нады-шание и оплевывание в народном суеверии всех стран и народов является могущественным средством против болезней и всяких козней злых духов», — записывал Николай Александрович. По аналогии вспомнился еще один вид гадания, безусловно очень похожий на то, что существует и у других народов, — «ночное гадание».

«Во время болезни кого-нибудь из членов семьи, равно как перед браком или каким-нибудь важным предприятием, жители Мияко молятся своим предкам перед „божницей", возжигают курительные свечи и просят указать, каков будет исход болезни или предприятия. После этого вечером отправляются из дому квартала за два и по обрывкам речей, уловленных из разговоров встречных, гадают о будущем, считая это знамением, указанным предками».

То же самое известно было Невскому в отношении провинции Исэ в древности, только там ходили слушать, о чем говорят молодые жрицы, возвращающиеся из храма. Невскому вспоминались пушкинские строки:

Чу… снег хрустит… прохожий; дева К нему на цыпочках летит, И голосок ее звучит Нежней свирельного напева: «Как ваше имя?» Смотрит он И отвечает: «Агафон».

Сопоставления и сравнения на широком этнографическом материале делали научный поиск Н. А. Невского целенаправленным, помогали ему и классифицировать факт, явление в свете единства человеческого духа, наблюдаемого в самых разных уголках земного шара. Это единство, подтверждавшееся множеством доказательств, как собранных самим Невским, так и другими учеными-этнографами, представлялось бесспорным.

Во все времена человек обращал свой взор к луне. Находя на поверхности ночного светила причудливые пятна, пытался объяснить их происхождение.

«Многие народы видят в этих пятнах изображение человека. И интересно, что в таких интерпретациях часто этого человека так или иначе связывают с водой.

Айны, например, говорят, что это ленивый сын, который терпеть не мог ходить за водой, так что боги в

конце концов разгневались, изъяли его из человеческого

общества и поместили на луну в назидание людям.

Жители Рантума говорят, что это великан, который льет воду на землю, что является причиной приливов и отливов. Во время приливов он стоит согнувшись, так как набирает воду, а во время отлива — выпрямляется, отдыхая от работы.

Современные шведские крестьяне говорят, что пятна на луне изображают мальчика и девочку, несущих на шесте ведро с водой. Такое представление покоится на древнем скандинавском мифе, по которому мальчик и девочка, несшие воду, были украдены луною и помещены на небо, откуда их можно было бы видеть с земли».

И на о-ве Окинава пятна на луне вызывают представление о человеке, несущем на коромысле два ведра с водой.

На о-ве Тарама существовало предание: «В глубокой древности свет жены-луны был гораздо сильнее и ярче, чем свет мужа-солнца. Завидуя жене, он много раз просил ее уступить ему немного света под тем предлогом, что ей, ходящей ночью, такой ослепительный свет не нужен. Однако жена не внимала его просьбам. Тогда муж, улучив минуту, когда жена выходила из дому, незаметно подкрался к ней сзади и спихнул ее вниз, на землю. Луна в своем роскошном блестящем наряде упала в грязь и вся измаралась. В это время проходил крестьянин, неся на коромысле два ушата с водой. Увидев луну, барахтающуюся в грязи, он помог ей выбраться и обмыл водой из ушатов, вслед за чем луна снова поднялась на небесную твердь, чтобы озарять мир, но с того дня она потеряла свой яркий блеск. В благодарность же за услугу луна взяла крестьянина к себе, где он находится и по сей час. В такие ночи, когда светит полная луна, ясно можно видеть на луне этого крестьянина, несущего на плечах коромысло с двумя ушатами».

С луной, с ее ежемесячным исчезновением на несколько дней, а затем возрождением связана идея воскресения мертвых, идея бессмертия. В Японии — на луне видят зайца, который в ступе толчет лекарство бессмертия. Но, по мнению Невского, «такое объяснение мы не можем считать чисто японским: оно пришло в Японию

из Китая вместе с китайскими книгами (Китай, возможно, заимствовал подобное толкование из Индии), но привилось здесь, вероятно, потому, что совпадало до некоторой степени с уже существовавшими прежде поверьями».

В заметках Невского, сделанных на островах, встречаются имена людей, с которыми у него завязалась дружба, — Симодзи

Соти, Токуяма Сэйтэй, Симодзи Канро, Танака и многие другие. Невский никогда не расставался с заветной тетрадью, иногда две-три строчки делал наспех, чуть ли не на ходу, боялся забыть только что услышанное. Предания, легенды, песни — «аяго» и «тогани» — записывал тщательно, с многочисленными комментариями. Народных примет и верований, связанных с луной и звездами, существовало множество.

Белая туманность вокруг луны — признак скорого дождя. Красное сияние — предвестник пожара или засухи. Когда супруги — солнце и луна — ложатся спать и муж закидывает ногу на тело жены, то наступает лунное затмение, ибо свет луны меркнет. А когда жена подобным же образом ласкается к супругу, происходит солнечное затмение.

На островах много было диковинного. Произрастали растения, о каких Невский прежде не имел ни малейшего представления, а некоторые, ему известные, до такой степени оказывались не похожими на самих себя, что он принимал их за неведомые. Выяснилось, например, что дерево «гадзымаги», необыкновенной толщины, с массой воздушных корней, самое старое, как сказали Невскому, из всех растущих на о-вах Рюкюского архипелага, — это фикус, гигантский фикус, а не тот привычный с детства домашний, какой доводилось ему видеть и в Рыбинске, и в Петербурге. Как-то Невского пригласили на выставку местных диковин, даров моря и земли, служивших жителям Мияко пищей, украшениями, лекарствами. Выставка была организована в волостной управе. Невский купил там на память несколько больших и очень красивых морских раковин.

Погода стояла хорошая. Вообще острова были землей обетованной — зеленое море, ослепительные песчаные отмели, пышная растительность. Правда, однажды ночью случилось землетрясение, толчок был весьма ощу

тимым, но наутро ночные страхи исчезли как роса под лучами солнца.

Невский чувствовал себя на островах превосходно. К нему быстро привыкли, и простые крестьяне, и местная интеллигенция принимали его радушно, охотно помогали ему в работе — он записал от них огромное количество фольклорного материала. Материалы эти частично были опубликованы Невским в японских этнографических журналах. Одна из статей называлась «Луна и идея бессмертия» — она обращала на себя внимание полнотой собранного материала и оригинальной его интерпретацией.

«Когда я был студентом и только что познакомился с китайской и японской поэзией, меня поразило почти полное

отсутствие жизнерадостных, солнечных мотивов, являющихся одной из характерных черт русской поэзии. В Китае и Японии весьма привычны лунные мотивы с их аксессуарами — минорными тонами, меланхолией и сентиментальностью.

Славянскому духу с его культом Яра, этого бога живительной энергии, бога-оплодотворителя и возро-дителя холодной и скучной природы, по душе солнце с его яркими теплыми лучами, единственной радостью и утехой среди суровой и однообразной природы, и чужд холодный блеск луны, делающей еще более жалким и без того уже жалкое существование.

Китай и Япония, в особенности последняя, с прекрасной природой, страдающие от избытка солнца летом, переносят все свое внимание на луну с ее чистым белым зраком, так гармонирующим со всеми окружающими холмами, рощами, синтоистскими и буддийскими храмами и вечерним звоном в них.

Тихий, бледный свет луны отвлекает жителей таких стран от дневной солнечности, сообщающей жителям характер беспечности и самодовольства, и заставляет задуматься над чем-то отличным от веселой действительности и, наконец, поверить, что не все в мире только веселье и радость, что рано или поздно придет им конец.

В противоположность солнцу с его жгучими лучами, этому неограниченному источителю живительной энергии, луна в ее монотонном холодном сиянии стала рассматриваться как наиболее яркий выразитель диамет

рально противоположной силы, силы смерти. Инстинктивный ужас перед смертью вообще, влияние луны на приливы и отливы, несомненно давно уже подмеченное жителями приморских селений, влияние ее на регулярные очищения у женщин, мистическое влияние на лунатиков и, наконец, регулярность фаз луны, положившая начало измерению времени, — все это вместе с красотою луны, так гармонирующей с красотами ночной природы, превратило луну в мистическое божество, которое некоторыми народами рассматривается даже как создатель мира и человека».

На о-вах Мияко от Киёмура Гонин Н. А. Невский записал «Предание об Акаряззагама». Киёмура был корреспондентом газеты «Окинава симбун» и сам занимался фольклором островов. Ему принадлежали два труда — «Сборник народных песен Мияко» и «Мифы Мияко».

В предании шла речь о том, как Верховное божество — Луна — пожелала сообщить людям секрет вечной жизни, но по

оплошности Акаряззагама, бывшего посланником Луны, секрет этот похитила змея.

«Кончив свой рассказ, г. Киёмура прибавил по-японски: несмотря на то что благое желание Луны дать людям бессмертие окончилось столь плачевно для человека, божество, жалея последнего, решило хоть как-нибудь скрасить его существование и дать ему если не вечную жизнь, то по крайней мере возможность немного помолодеть; и с того времени ежегодно в ночь на праздник „сицы" посылает с неба „молодую воду". Поэтому-то до сих пор существует обычай в первый день праздника на рассвете приносить из колодца воду, называемую „молодой водой", и окачиваться ею всей семьей».

Считалось, что «омолаживание» людей происходит путем сбрасывания с себя кожи, подобно тому как это делают змеи.

«Объяснение тайны бессмертия сбрасыванием шкуры, наблюдаемым у змей, крабов и некоторых других животных, судя по фольклору, собранному Фрэзером, находим главным образом у народов Тихого океана… Сбрасывание шкуры змеями, ящерицами, раками и крабами, рассматривавшееся как способ к достижению вечной жизни, превратило этих животных в фольклоре мно

гих народов в символы долгоденствия, употребляемые ё качестве счастливых пожеланий при рождении человека и других радостных событиях».

Среди обычаев архипелага Рюкю существует и такой: по новорожденному пускают ползать крабов. А на Мияко «в день родов обязательно приносят с морского берега двух белых, красивых крабов, называемых там „пялма" и „хяима", норки которых разбросаны там и сям по всему песчаному побережью, заливаемому морской водой в часы прилива. Одного из этих крабов пускают под дом, где произошли роды, а из другого делают суп для роженицы и новорожденного».

В деревне Сарахама на о-ве Ирабу Невский записал песню при посеве проса, обращенную к богу урожая Хайюнуканасы. В песне воссоздан «весь цикл земледельческих работ от посева до жатвы и всеобщего пира с вином, сваренным из нового проса, и, таким образом, эта песня может рассматриваться как магическое заклинание, имеющее целью вызвать в действительности подобный же результат».

В записанной песне выделялись начальные слова, в которых упоминался краб хяима. «Эти строфы, ничего общего не имеющие с последующими словами песни, нужно, мне кажется, рассматривать как поэтическое заклинание, имеющее своей

целью вызвать в данном году, как и в ряду прошлых, возрождение проса, подобно тому, как вечно возрождается краб хяима, этот символ бессмертия и вечной жизни».

После почти трехнедельного пребывания на Мияко Невский возвращался на Окинава в Наха, где встречался с Иха Фую — хранителем префектуральной библиотеки. Известный историк и фольклорист, Иха Фую занимался в основном древним периодом истории архипелага Рюкю. Культурное наследие прошлого он рассматривал как залог духовного возрождения островитян. В наши дни деятельность Иха оценивается очень высоко. В сентябре 1976 года общественность Рюкю широко отмечала столетие со дня рождения ученого, к этой дате было приурочено издание трехтомного собрания сочинений Иха Фую. Невский встретился с Иха Фую в доме Янагита в Токио. Потом, живя в Отару, переписывался. Приезжая на Окинава, Невский не упускал случая повидаться с Иха, это общение помогало

ему восполнить пробелы в изучении фольклора Мияко. Да и просто повидаться со старым другом было отрадно.

Н. А. Невский посетил острова, ставшие его творческой лабораторией, как уже было сказано, трижды. Результаты этих поездок были отражены в трех небольших публикациях в журнале «Миндзоку» за 1926–1927 годы. Работы эти отличались глубиной исследования, а песни Мияко на японский литературный язык Невский перевел совершенно самостоятельно.

На русском языке ни одной работы по Мияко в те годы напечатано не было.

* * *

Тот период, когда Невский жил в Осака, был для Японии временем нарастания революционного движения. Центром демократического движения был Токио, но революционная буря задевала и другие крупные промышленные города, например Осака.

Н. А. Невский, иностранный профессор, человек по складу характера склонный к углубленным занятиям наукой, не имел непосредственного отношения к событиям, которые потрясали Японию. Но как он оценивал эти события, нам помогают выяснить немногие сохранившиеся свидетельства людей, общавшихся с Невским в те годы. В книге известного японского ученого Исида Эйитиро «Мать Момотаро. Опыт исторического исследования одной культуры»5, на титуле которой написано: «Моему учителю Николаю Невскому», есть ценные для биографов Невского сведения.

«Имя Николая Невского, которому посвящена эта книга, начинает постепенно забываться в японских научных кругах, поэтому я бы хотел прежде всего представить его здесь, призвав на помощь мои личные воспоминания из далекого прошлого. Тому минуло уже тридцать лет.

В течение двух лет после Кантоского землетрясения в 1923 году я жил в Киото. Дни были полны тревог и разочарований, этот древний город не оставил у меня

5 Исида Эйитиро. Момотаро-но хаха. Ару бунка ситэки кэнкю. Токио, 1971 (на яп. яз.).

каких-нибудь ярких воспоминаний. Только одно было подобно отдохновенному оазису — занятия русским языком на филологическом факультете Киотоского университета, которые происходили по четвергам в послеполуденные часы. Эти занятия проводились в атмосфере дружелюбия и обаяния. Причиной тому были человеческие качества и научный потенциал нашего преподавателя, молодого профессора из Осакского института иностранных языков Николая Невского. Многочисленные беседы с ним по-японски, на языке, который он усвоил в совершенстве, были для меня наполнены освежающим ароматом».

Ученики Н. А. Невского овладевали основами фонетики и грамматики, читали Гоголя и Чехова. Исида Эйитиро пишет о том, что появление у него интереса к филологии, к фонетике было, «безусловно, заслугой Невского». Учился Исида Эйитиро на

экономическом факультете, и занятия русским языком у него были фа' культативными.

«Я не очень-то хорошо разбирался в существе дела, — пишет японский ученый, — но постепенно мне стало ясно, что Невский не только филолог, что его интересы распространяются и на японскую этнографию и он обладает широчайшей научной эрудицией. У него имелись дружеские связи во всех слоях научных кругов Японии. От него, иностранца, я впервые услышал имена Янагита, Оригути, от него узнал о существовании работ Фрэзера, которые тогда входили в списки книг, запрещенных ко ввозу в Японию. И, если вдуматься, мой сегодняшний интерес к этнографии и антропологии был разбужен уже в те годы этим иностранным ученым».

Исида Эйитиро был участником студенческого революционного движения, но, не зная, какую идейную позицию занимает Н. А. Невский, покинувший родину еще до Октябрьской революции, даже в самых интимных беседах с преподавателем избегал этой темы. Однако вскоре между Обществом по изучению социологии, в которое входил Исида Эйитиро, и политической полицией отношения очень осложнились. «Дошло даже до обысков на квартирах членов общества и арестов». Исида Эйитиро был привлечен к суду по обвинению в «непочтительном отношении к императорской особе». Поводом к обвинению послужила запись в дневнике студента: «Нелепо в день рождения императора кланяться его портрету». Об этом инциденте писали в газетах, по мнению Исида Эйитиро, Невский должен был о нем узнать из печати.

В связи с этими событиями Исида Эйитиро почти год не посещал занятия русским языком. И вот он вновь отправился к Невскому в Институт иностранных языков на улице Уваки-мати. Но шел он с нелегким сердцем: «Я думал, не был ли он „белым", и как воспримет меня…». Встреча с Невским в просторной преподавательской мгновенно развеяла все сомнения Исида. В том, как приветствовал его Невский, Исида Эйитиро ощутил «тепло, идущее от сердца». Беседуя со студентом, Невский вспоминал о том, как и Петербургский университет был объектом пристального внимания полиции: «Когда мы учились в Университете, то чуть ли не под конвоем полиции посещали занятия…».

* * *

Летом 1927 года Н. А. Невский предпринял поездку на о-в

Тайвань, тогдашнюю японскую колонию Формоза, к полудиким племенам цоу, аборигенам острова. Что влекло его туда? Стремление зафиксировать фольклор и язык вымирающего, уходящего со сцены под натиском цивилизации племени? А может быть, он ставил себе и более широкие задачи: связать воедино в своих иссследованиях всю цепь тихоокеанской островной гряды, начиная с Хоккайдо вплоть до максимально доступных ему южных островов? Ведь еще в 1916 году Н. А. Невский писал, что конечной целью своей работы полагал бы «найти исходные пункты зарождения мифов, иначе — мифологические центры внутри страны, и таким образом определить ход территориального развития мифов». Это, возможно, позволило бы ему сделать научные обобщения: «Найденные центры, рассматриваемые в связи с историей сношений Японии с иностранными государствами, помогут, может быть, найти вообще места зарождения данных мифов и тем самым прольют некоторый свет на происхождение самой японской нации, или по крайней мере — осветят древнюю историю народа».

Обращает на себя внимание и четкая последовательность в эволюции научных интересов Н. А, Невского в

японский период жизни: Хоккайдо, Рюкюский архипелаг, Тайвань. Как раз тот путь, которым, как предполагал Л. Я. Штернберг, шли долгие странствия аборигенов Японских островов айнов, их столкновения с другими расами и культурами. Можно ли считать это простым совпадением? В письме к Штернбергу от 4 июля 1927 года он сообщал: «14-го числа собираюсь поехать на Формозу, где думаю посетить племя цоу». Экспедиция, как обычно, снаряжалась им самим. Но на этот раз Невский ехал не один, а вместе со своим другом и коллегой по осакскому Институту иностранных языков проф. Асаи Эрин.

Путешественникам понадобилось меньше недели, чтобы попасть из XX века в эпоху первобытной дикости. «Сев на пароход в г. Кобэ, на четвертый день мы благополучно прибыли в гавань Килун, а оттуда в столицу Тайвана, Тайхоку. Переночевав здесь одну ночь [и заручившись разрешением генерал-губернатора, без [Которого невозможно попасть в зону, обитаемую туземцами, мы вечером сели на поезд и двинулись в путь»6. Но совместное путешествие скоро закончилось. Асаи, целью которого было обследование племени сэдэк, сошел с поезда на полустанке после станции Тайтю, и Невский продолжал путь в одиночестве.

Н. А. Невскому предстояла теперь поездка по железной дороге. На обратной стороне железнодорожного билета, пишет

Невский, было сказано, какому риску подвергается пассажир, отважившийся на такой путь: «Данная узкоколейная дорога предназначена исключительно для перевозки леса, и если компания берет немного пассажиров, то последние должны быть ей благодарны за такую милость и не жаловаться, если из-за аварии или по каким-нибудь другим причинам они окажутся на лоне природы, т. е. среди глухого тропического леса, населенного медведями, пантерами и кишащего ядовитыми змеями. Одним словом, компания заявляет, что она снимает с себя всякую ответственность за жизнь и имущество пассажиров» 1.

Несмотря на столь мрачную перспективу, Н. А. Невский вполне благополучно доехал до нужной ему стан-

6 Н. А. Невский. Материалы по говорам языка цоу. М.—Л., 1936, с. 7.

7 Архив Н. А. Невского в библиотеке Тэнри ((Япония).

дии. Но до селения Тапангы, цели его странствий, предстояло еще идти пешком километров десять. Узенькая тропинка то круто взмывала вверх, то спускалась в долину. Дважды по шаткому висячему мостику пришлось переходить через бурную горную речку. С помощью проводника — мальчика-туземца Невский наконец добрался до Тапангы. Всю дорогу они шли под проливным дождем, и было просто счастьем, что ему сразу же отвели жилье — комнату для гостей в доме японской колониальной администрации.

Уже назавтра Н. А. Невский познакомился со своим будущим наставником в языке цоу, молодым человеком по имени Вонгы Ятауюнгана. Приветливый, с приятным открытым лицом, Вонгы понравился Невскому. Юноша носил студенческую форму, он учился в учительской семинарии в Тайнане, а летом в каникулы приезжал домой в Тапангы, где помогал преподавателю начальной школы, которую сам недавно окончил. «Вонгы — уроженец селения Тфуя, очень сообразительный молодой человек лет 18–20, прекрасно говорящий по-японски, чем он разительно отличается от всех прочих цоу, с которыми мне приходилось иметь дело. Японскому языку он обучался в школе, организованной японскими полицейскими чинами в селении Тапангы, где обучение не является обязательным и преподавание ведется этими последними» 8.

В этой школе Вонгы, единственный в то время, прошел полный курс японской начальной школы, за что и получил от преподавателя японское имя Ята Иссэй, где Ята является сокращением его собственной фамилии, а Иссэй должно пониматься как «первый ученик».

Почти целый месяц «под непрестанный шум дождя сырого горного сезона» Н. А. Невский записывал от Вонгы предания племени цоу. Из-за дождя нельзя было побродить по окрестностям, но Невский даже радовался вынужденному затворничеству, он мог, не отрываясь, работать. И как много он успел за этот месяц! Предания, которые поведал ему Вонгы, отражают решительно все стороны жизни племени. В них рассказывается о светилах, о пантеоне богов, о способах рыбной ловли и обработке земли, об обычае охоты за голова

Н. А. Невский. Материалы по говорам языка цоу, с. 51.

ми… Есть даже местный вариант мифа о непорочном зачатии. День за днем Невскому все больше открывалась жизнь племени, которое лежало далеко от торных дорог цивилизации, племени, где все происходило по тем же неписаным законам, по каким жили многие поколения предков.

Мужчины ходили на охоту с луком и стрелами. Шкуры убитых животных служили одеждой. Когда охотники отсутствовали, никто из оставшихся дома не смел прикасаться к огню, брать в руки пряжу или пеньку, заниматься ткачеством, поскольку все это могло повредить охотникам — завести их в ловушку или запутать следы преследуемых животных.

Чтобы получить разрешение на брак, следовало показать себя смелым и удачливым, доказательством чего теперь служили охотничьи трофеи, а всего несколько десятилетий назад самым почетным трофеем считалась голова врага.

8 деревне существовал своеобразный клуб — Дом собраний.

«Обычно это довольно большое здание, построенное на сваях, с четырехскатной крышей, крытой соломой, и не имеющее стен. Посередине пола устроен очаг. Дом служит местом совещания „мужей" селения по всем важным вопросам, а также местом хранения вражеских черепов. По ночам дом является тем приютом, где находит себе ночлег холостая мужская молодежь. Женщинам вход строго воспрещен, и даже женские вещи вносить туда не разрешается» 9.

Вообще жизнь цоу регламентировалась многочисленными запретами. Ни женщинам, ни мужчинам не разрешалось посещать священные рощи — обиталище душ умерших. Обычай запрещал оставлять в живых обоих новорожденных близнецов. Одного из них надлежало убить, считалось, что если оба останутся живы, то умрет кто-нибудь из членов семьи. Причина этой жестокости коренилась в самих условиях существования горцев. Основой их жизни было земледелие, которым занимались по преимуществу женщины. Но горные склоны представляли очень мало пригодной

для обработки земли, а мотыга, основное сельскохозяйственное орудие, отличалась от мотыги каменного века только тем,

9 Там же, с. 68.

что вместо камня цоу использовали грубо обработанный кусок железа. Отсюда — крайне скудная экономическая база семьи. И когда в семье рождалась двойня, то матери не под силу было выкормить одновременно двух младенцев.

Еще не был забыт и способ добывания огня трением, правда, теперь он большей частью носил ритуальный характер. В быту цоу пользовались деревянной долбленой посудой. Но и к этим племенам, затерянным под облаками, постепенно проникала цивилизация. Впрочем, она не пошла дальше устройства меняльных лавок, в которых продукты охоты и отчасти земледелия обменивались на мануфактуру, сельскохозяйственные орудия, украшения и домашнюю утварь.

Невский отмечал: «Вчера еще независимые сыны природы широко эксплуатируются при прокладке новых путей сообщения, на заготовках строевого материала, гонке камфары, оплачиваемых жалкими грошами, но обеспечивающих завоевателям огромные колониальные сверхприбыли» 10.

Племя цоу делилось на восемь кланов. Четыре из них жили в верхних районах гор Алишань, четыре — в нижних. Невский занимался высокогорными цоу, которых еще называли северными цоу. Общая численность северных цоу составляла всего 1755 человек. Жили они в четырех больших и четырнадцати малых селениях. «Такая малочисленность племени, по-видимому, явление вполне „нормальное" для подобного рода полудиких племен, обитающих в разных концах земного шара, вымирающих и вырождающихся под прямым и непосредственным влиянием капиталистической цивилизации» и, — писал Невский.

Цоу были одним из семи племен аборигенов острова, общая численность которых составляла около 160 тысяч человек. Все эти племена объединялись общим названием «гаошань» — горцы. Гаошань составляли примерно три процента населения острова.

С 1894 года остров стал японской колонией. До этого момента аборигены почти не имели дела с китайским населением, жизнь племен проходила без какого-либо влияния извне.

10 Там же, с. 6–7.

11 Там же, с. 4.

Изучение языка, материальной культуры, фольклора, системы социальных отношений аборигенов Формозы сулило

богатейший материал для сравнительного анализа.

Н. А. Невскому уже были известны айны с их неразгаданной судьбой, он глубоко исследовал диалект и культуру островитян Мияко, своеобразного этнического заповедника, созданного самой природой. Поездка к цоу была не случайной. Невский помнил слова Штернберга о том, как важно изучить язык, богатейший фольклор, этнографию народов Индонезии, Филиппин, Формозы. Штернберг справедливо полагал, что такое изучение должно пролить свет на прошлое всех народов Океании, и в первую очередь — на происхождение айнов. Неуклонность, с какой Невский следовал наставлениям Штернберга, привела его к цоу.

Собираясь в поездку, Н. А. Невский писал в Ленинград: «Постараюсь приобрести каких-нибудь вещей для музея». Это не было пустой фразой. Невский отовсюду старался отправить вещи для коллекции музея, от него уже были получены «объекты культа с островов Рюкю». И с Тайваня в музей также поступила объемистая коллекция из тридцати предметов, отражающая все стороны материальной культуры цоу — от одежды и украшений до оружия и музыкальных инструментов.

К тому времени, когда Николай Александрович утвердился в намерении совершить поездку на Формозу, уже существовали попытки изучения туземных племен острова. Одними из первых, кто описал обычаи и язык цоу, были японские исследователи Кодзима и Сая-ма. Если в отношении обычаев и фольклора усилия этих авторов заслуживали одобрения, то их наблюдения над языком нуждались в значительных уточнениях. Основным недостатком работы этих ученых были многочисленные ошибки в воспроизведении звуков языка цоу. «В книге Кодзима, — отмечал Н. А. Невский, — все слова цоу транскрибированы японской слоговой азбукой, которой никак нельзя передать точного произношения говоров цоу, несмотря даже на некоторые диакритические знаки, использованные автором». Кроме того, «Кодзима, как истинный сын своего отечества, не в состоянии, по его собственным словам, уловить на слух разницу между b и v, с одной стороны, и 1 и г (sic!) —

с другой; первые две фонемы передаются через японское Ь, а вторые — через японское г». Впрочем, сам автор, сознаваясь в допускаемой им неточности, добавляет: «впоследствии придется исправить». Что же касается другого исследователя, Саяма, то он «уделяет несколько последних страниц книги отдельным словам и небольшому количеству простейших фраз, собранных в шести селениях разных племен, объединяемых японцами под именем

цоу. За этим материалом приложена сравнительная таблица 52 слов семи селений» 12. При этом Саяма, так же как и Кодзима, транскрибировал весь материал японской азбукой.

Сочинения своих немногочисленных предшественников Невский внимательно прочитал перед поездкой. И как только он услышал живую речь цоу, ему стало ясно, насколько неточными были сведения японских исследователей. Фонетические особенности языка Невский воспринимал с потрясающей чуткостью. Еще студентом университета он удивлял своих однокашников, студентов-кавказцев, точнейшим образом воспроизводя сложные и непривычные звуки грузинского и армянского языков. С годами он еще больше натренировал свой слух, занимаясь японским, айнским, рюкюскими языками.

Языковой материал, собранный Н. А. Невским, в равной степени обладал фольклорной и этнографической ценностью. Впрочем, как свидетельствует проф. Асаи, фольклор привлекал исследователей не меньше, чем язык: «Мы метили попасть одним камнем в двух птиц» — изучить лингвистические особенности и фольклор племен Тайваня.

Большая часть записанных Н. А. Невским текстов были так называемые «рассказы о былом». Удивительно, но у цоу отсутствовала поэзия. Невский вспоминал айнов и их мир поэзии, их привычку к поэтической импровизации по каждому поводу, их эпические сказания и недоумевал: «Как ни странно, но у цоу, по-видимому, нет своих песен».

Почти все «рассказы о былом» были записаны от Вонгы и только два текста — от его старшего брата Пасуя.

12 Там же, с. 11–13.

В середине августа Николай Александрович вернулся в Осака. В результате поездки он собрал огромный уникальный материал. Невский решил сделать сообщение о своих наблюдениях. Его доклад вызвал большой интерес японских ученых, протокольная запись доклада была напечатана в «Журнале Общества Ван Го-вэя» (Цзинь-аня). Н. А. Невский писал С. Ф. Ольденбургу в Ленинград: «В одном из небольших научных кружков Осака мною был прочтен доклад об языке цоу, в котором я постарался доказать, что это язык индонезийской группы». Асаи Эрин также отчитался о своей поездке, впоследствии он опубликовал свое сообщение в статье «Some Observations on the Sedik language of Formosa. Philologia Orientalis» (Osaka, 1934).

Н. А. Невский завершил обработку формозских материалов, лишь вернувшись на родину, в 1935 году.

В этом же году увидела свет его книга «Материалы по

говорам языка цоу». В ней Николай Александрович обобщил результаты своей поездки на Тайвань летом 1927 года. Книга получила высокую оценку научной общественности. С. Г. Елисеев писал в 1936 году из Америки: «Она (работа. — Л. Г., Е. К.) может служить образцом, как писать книги о говорах аборигенов. Переводы текстов могут служить прекрасным материалом для социологов и этнологов, которым не всегда доступны малоизвестные языки». Восторженно отзывался о Невском японский ученый Исихама Дзюнтаро: «Его работы по языку Формозы требуют внимания со стороны ученых, изучающих Индонезию… Его научный метод дал много мыслей филологическому миру формозистов… Несомненно, что опубликование материалов и работ Невского возглавит всю формозистскую филологию».

К моменту выхода книги Н. А. Невского изучение Тайваня уже имело свою историю.

Некогда обширные территории Юго-Восточной Азии были населены протоиндонезийцами. Потомки их сохранились на Тайване. Какими путями, куда и откуда шла миграция протоиндонезийцев? Какова была последовательность этапов этой миграции? На эти вопросы ученые отвечали по-разному. Очевидным казалось лишь то, что проникновение протоиндонезийцев на Тайвань было длительным процессом, который предположительно завершился в основном к середине VIII века. Затем

население Тайваня пополнялось полинезийцами и микронезийцами, проникавшими туда морем. Ясно было, что Тайвань сыграл существенную роль в генезисе малай-ско-полинезийских народов, рюкюсцев, японцев.

До 40-х годов XIX века европейцы почти не проникали на Тайвань, поэтому все сведения о жителях острова до того времени можно обнаружить лишь в китайских источниках. В архиве Н. А. Невского сохранился список работ китайских авторов по этнографии и истории Тайваня, и надо думать, что он был хорошо знаком с этим материалом. Однако китайцы почти не касались вопроса о языке тайваньцев, кроме того, работы их были написаны с позиций превосходства китайской культуры над «варварами» и такая предвзятость снижала научную значимость этих трудов.

В 70-х годах XIX века начался рост экспансии европейских держав, США и Японии на Дальнем Востоке. Возник повышенный интерес к Тайваню. Появились труды французских, немецких,

английских, голландских, американских ученых. Некоторые из книг и до сих пор не утратили своего научного значения.

В России внимание Тайваню уделял акад. Г. Ю. Кла-прот.

В 1874 году на Тайване побывал первый русский, офицер корвета «Аскольд» П. И. Ибис. Он составил небольшой словарь языков племен, но языка цоу Ибис не знал.

Большой интерес к Тайваню проявляли современники Н. А. Невского востоковеды Д. М. Позднеев и Н. В. Кюнер. Существенный вклад в развитие отечественной тайванистики сделал Н. В. Кюнер.

Из всех предшественников Н. А. Невского больше всех преуспели в изучении Тайваня японцы. После аннексии Тайваня в 1895 году Японией туда были посланы специалисты-этнографы, лингвисты, историки. Они должны были на месте ознакомиться с жизнью горцев, дабы помочь колониальной администрации выработать методы наиболее эффективного управления. В г. Тайхоку был создан университет, сотрудники которого организовали ряд комплексных экспедиций, — в результате появились труды о различных сторонах жизни племен.

Непосредственными предшественниками Н. А. Нев

ского В изучении фольклора и языка цоу были уже упоминавшиеся Саяма Юкити и Кодзима Юма, но они не создали фундаментального исследования языка племени цоу, подобного работе русского исследователя.

«Материалы» Н. А. Невского включают в себя тексты на языке цоу, записанные, переведенные и прокомментированные ученым, описательную фонетику и материалы по сравнительной фонетике. В предисловии автор обещает: «В дальнейшем мною намечено написать грамматику». Но грамматика написана не была.

«Материалы по говорам языка цоу» в равной мере можно считать и собранием фольклора, так как второй раздел книги составляют записанные Н. А. Невским тексты. Всего их пятнадцать. Между тем в декабре 1927 года Невский писал из Японии к акад. С. Ф. Оль-денбургу: «записал до тридцати текстов». Где же остальные пятнадцать? В Архиве востоковедов их нет. Единственное место, где их можно искать, — это японский архив Невского, хранящийся в библиотеке университета Тэнри. Журнал «Библиа», орган библиотеки, систематически публикует материалы этого архива. В 1971 году в Японии вышла книга «Луна и бессмертие», приуроченная к 80-летию со дня рождения Невского. Составитель Ока Масао и биограф Невского проф. Като Кюдзо включили в книгу статьи Невского на японском языке,

собранные из различных журналов, рукописные фрагменты, письма из хранилища Тэнри, биобиблиографические материалы. Тем самым японские коллеги предоставили нам ценный материал, позволивший восполнить многие лакуны в нашем представлении о научном творчестве Невского. Но материалов по цоу не было и там. Кроме упомянутой протокольной записи в «Журнале Общества Ван Го-вэя», никаких публикаций по цоу на японском языке мы не знаем.

Несмотря на то что японские исследователи исключительно добросовестно учли все, что может иметь ценность для науки, оставалось предположение: часть архива осталась неразобранной. Судя по нашим архивным материалам, полевые записи Невского почти невозможно прочитать. Чаще всего Невский при записи пользовался всеми доступными ему языками, главным образом свое

образной смесью из русского и японского языков, вставляя многочисленные слова и выражения на исследуемом диалекте. Такая сложная система записи требует от архивного работника или исследователя не только знания русского и японского языков, но и детальной осведомленности в разносторонней научной деятельности Невского. Вполне возможно, материалы по цоу, если они есть в Тэнри, лежат до поры до времени нетронутыми.

Предположение это удалось проверить в июне 1973 года. Благодаря любезности проф. Каваи Таданобу Л. Л. Громковская смогла ознакомиться с архивом Невского в Тэнри. Текстов на языке цоу не оказалось и там 13.

По всей вероятности, слова Н. А. Невского, написанные в предисловии: «Намечено написать грамматику языка на основе как публикуемых ныне текстов, так и всех прочих мелких примеров, которые остались еще не использованными», — следует толковать в том смысле, что он действительно опубликовал все тексты. Что же касается числа 30, то, вероятно, в последующей работе над материалом Невский укрупнил тексты, соединив некоторые, близкие по характеру.

В осакский период жизни Н. А. Невский заявил о себе и как тангутовед. Тангутика стала тем направлением его творчества, в котором ему суждено было свершить свой главный научный подвиг.

Для того чтобы понять роль Н. А. Невского в изучении тангутского языка и памятников тангутской письменности, значение той работы, за которую он удостоился посмертно высокой награды — Ленинской премии, нужно вкратце рассказать

о возникновении в науке самой тангутской проблемы и о путях ее решения до Невского и после него.

Тангутское государство, известное из китайских источников как Си Ся, или Западное Ся (982—1227), не

13 Л. Л. Громковская побывала в Тэнри еще в Д974 г. В дальнейшем материалы хранилища Тэнри были предоставлены для ознакомления и Е. И. Кычанову во время его пребывания в Японии в 1975 г.

привлекало к себе до конца XIX века большого внимания европейских востоковедов. Именно европейских, потому что в Китае XVIII–XIX веков был написан целый ряд интересных книг по истории тангутского государства. В русской науке XIX века прошлое тангутов Ся было хорошо известно благодаря знаменитому труду видного русского китаеведа первой половины XIX века Н. Я. Бичурина (в монашестве отца Иакинфа) — «История Тибета и Хухунора» и, а в западной — подробному очерку Х. Х. Хоуорса — «Северные границы Китая, ч. 6, Ся, или Тангут» 15. Во второй половине XIX века европейской науке стало известно о существовании тангутского письма. Молодой английский китаевед Александр Уайли, получивший место управляющего бюро печати Лондонского миссионерского общества в Шанхае, заинтересовался забытыми языками и письменностями народов Китая. Его внимание привлекла шестиязычная надпись на воротах в местечке Цзюйюн-гуань, неподалеку от Пекина.

Е. И. Кычанову довелось видеть горный проход Цзюйюнгуань в 1964 году. Серые, почти лишенные растительности горы. Непогода еще больше подчеркивала их унылость. Горы прорезаны неширокой долиной с речкой. Обычный северокитайский поселок, фанзы, пирамидальные тополя, пыль на улицах, прибитая дождем. А как много бывает ее в сухие дни! К одному из краев ущелья прибилось шоссе, и чуть ниже, у его обочины, там, где дорога проходила шестьсот лет назад, — каменные сводчатые ворота, как Триумфальная арка, монументальные, с пышным орнаментом и барельефами, прочные и совершенно целые, будто и не пронеслись по ущелью эти шестьсот лет. В 1345 году на внутренних стенах ворот на шести языках были вырезаны священные буддийские тексты. Когда эти ворота увидел А. Уайли, письмена пяти надписей оказались ему известными, а вот шестая надпись была совершенно непонятна. Однако, так как часть высеченного на воротах текста представляла собой дхарани — набор буддийских заклинательных формул, древнеиндийское звучание ко-

14 Н. Я. Бичурин |(Иакинф). История Тибета и Хухунора с 2282 года до Р. Х. до,1227 г. по Р. Х. СПб. И883.

15 H. H. Ho worth. The northern frontagers of China, pt. VI, Hsia or Tangut. JRAS, vol. XV, 1833.

тлп «у на всех языках передавалось приблизительно Одинаково, можно было с полным основанием предположить что и знаки неизвестного письма передают Чтение этого же самого, хорошо известного текста.

Александр Уайли вместе с молодым французским китаеведом Эдуардом Шаванном принялись за расшифровку неизвестных письмен. Было установлено, что каждый знак таинственного письма передавал один слог санскритского слова. В результате исследователи определили приблизительное звучание нескольких десятков загадочных знаков 16.

Не ясно было одно. Какому языку принадлежало это письмо? А. Уайли предположил, что это так называемое малое чжурчжэньское письмо, о создании которого в XII веке упоминалось в историях предков маньчжуров — чжурчжэней. Мнение Уайли, обнародованное в 1870 году, не оспаривалось никем из востоковедов.

Однако минуло всего двенадцать лет, и в 1882 году молодой французский синолог Габриэль Девериа нашел в Яньтай стелу, текст которой был, бесспорно, написан малым чжурчжэньским письмом. Но это письмо совершенно не походило на неизвестное письмо в надписи на воротах Цзюйюнгуань. Кому же тогда все-таки принадлежало загадочное письмо из Цзюйюнгуань?

Неукротимая любознательность Г. Девериа помогла ему ответить на этот вопрос. В одном из китайских сочинений по нумизматике он нашел рисунок монеты, легенда которой была написана тем же письмом, встретившимся А. Уайли в надписи на воротах Цзюйюнгуань. В описании монеты сообщалось, что она найдена в г. Лян-чжоу (ныне г. Увэй) провинции Ганьсу и надпись на ней сделана на языке Си Ся. Обратившись к историческим сочинениям, Девериа выяснил, что Лянчжоу более двух веков входил в состав государства, именуемого в китайских источниках Си Ся, или Западным Ся, государства, созданного народом, известным в древних китайских хрониках как дансян, а в монгольских как тан-гуты. Через монголов под этим же именем тот народ стал известен и в Европе.

Итак, загадочное письмо было тангутским. Откры-

19 A. W y 1 i e. On an ancient buddhist inscription at Keu-young-kwan. JiRAS, n. s., vol. 1.11870, c.:M 44.

тия в науке — а в специальной области гуманитарных знаний, востоковедении, это было открытием! — нередко делаются параллельно. Проблема, если ею даже интересуются два-три человека, как бы вызревает изнутри, по своим, имманентным для науки законам. Описание А. Уайли и Э. Шаванном шестиязычной надписи из Цзюйюнгуань заинтересовало не только Г. Деверия, но и английского ученого С. В. Бушеля. Бушелю повезло даже больше. Работая почти одновременно с Деверия, он в нумизматической коллекции Британского музея нашел монету с тангутской надписью, точнее, с надписью тем же письмом, которое оставалось неизвестным в надписи на воротах Цзюйюнгуань. Оба ученых искали дальнейших подтверждений, и взоры обоих оказались обращены к другому памятнику, уже известному в Китае, — двуязычной стеле из Лянчжоу, текст которой был написан на языке Си Ся (тангутской) и китайском. Деверия узнал о стеле из той же китайской книги, в которой обнаружил рисунок тангутской монеты. 26 января 1896 года он срочно пишет письмо французскому посланнику в Китае Жерару с просьбой достать ему эстампаж надписи и через семь месяцев получает его. Бушелю стоило лишь порыться в собственных хранилищах— у запасливых англичан копия надписи оказалась дома, в Лондоне. Реальность существования тангутского письма была подтверждена.

Подтверждена, ибо из китайских источников еще в начале XIX века европейским ученым было известно, что в государстве Си Ся в 1036 году была введена в употребление собственная письменность. Но что она собой представляла? В Европе на эту тему спорили. Одни полагали, что тангутское письмо было тибетской письменностью. В русских отчетах о Сибири и Монголии за XVIII век нередко можно встретить упоминания о «тан-гутских книгах». Однако в данных случаях речь идет о книгах тибетских только потому, что монголы называли родственных тангутам Ся тибетцев тоже тангутами. Другие полагали, что тангутское письмо — это письмо староуйгурское. Просто в первой половине XIX века психологически не очень верилось, что не в отдаленную эпоху, где-то до Рождества Христова, а пятьсот лет назад был народ и не стало его, народа, пользовался он своим письмом — и оно тоже исчезло. Теперь же, после

появления работ С. Бушеля «Династия тангутов Си Ся, ее монеты и особенное письмо» (1896) и Г. Деверия «Письмо государства Си Ся, или Тангута», в существовании собственно тангутского письма никто не сомневался, более того, стало

абсолютно ясно, как оно выглядело.

Не будем пока увлекаться. Оба ученых читали текст Лянчжоуекой стелы, но не по-тангутски. Оба читали его китайскую параллель, кстати неидентичную оригиналу и сохранившуюся хуже. С. Бушель дал в своей статье сжатый очерк истории тангутов на основании китайских источников, а Г. Деверия — перевод китайского текста стелы из Лянчжоу. Что же в ней говорилось?

Ныне мы можем обратиться к тексту оригинала, тем более что он еще никогда не публиковался по-русски.

Итак, начало 1094 года. В том районе Центральной Азии, где находилось тангутское государство, ограниченном с севера пустыней Гоби, с юга — горами Нань-шань, с востока — излучиной р. Хуанхэ, Ордосом, а с запада — песками Шачжоу у Дуньхуанского оазиса, было неспокойно. Недавно отполыхала война с Китаем 1081–1086 годов, во время которой правившая в Китае династия Сун, заручившись союзом восточных тибетцев, сделала все, чтобы уничтожить государство тангутов. Тангуты выстояли, но, пережив опасность, угрожавшую извне, должны были еще навести порядок в собственном доме. Почти сорок лет на престоле сменяли друг друга три императора, с малолетства попадавшие в руки регентш-императриц и их родственников. Первый стал императором за месяц до рождения, второй, придя к власти в 16 лет, так и не смог стать полноправным правителем. Нынешнему императору, его сыну Цянь-шуню, сейчас, в 1094 году, только 11 лет. Всю власть в стране держат родственники императриц, клана Лян. Императорский род Нгвеми (Вэймин) оттеснен на второй план. Глава клана Лян—'Лян Ибу перестал считаться уже и с императрицей-регентшей. Всем было ясно: он сам готовится занять престол и стать сыном Неба. Но именно в 1094 году представители клана Нгвеми решили поднять оставшиеся им верными войска, напасть на клан Лян, и в том же 1094 году сделали это. Лян Ибу, его семья и многочисленные родственники были казнены, к власти вернулся род императоров

Нгвеми. К началу 1094 года тангутам надо было возблагодарить богов за удачу в войне, Лян Ибу, еще живому, за осуществление его далеко идущих замыслов, Нгвеми — за успех подготовляемого ими дела. Поэтому всем кстати пришлась «Возведенная по императорскому указу стела с памятной надписью у пагоды Благодарения». Предлагаем читателю перевод тангутского оригинала этой надписи:

«Возведенная по императорскому указу стела с памятной надписью у пагоды Благодарения.

Памятная надпись у пагоды Благодарения округа Лянчжоу в пределах Белого высокого Великого государства.

Поясняющий в стихах: человеколюбивый наставник, глава отдела в Управлении обрядов, заместитель главы отдела Управления достойных и заслуженных 1[по делам религий], надзирающий за воздаянием хвалы богам, талантливый проповедник, преданный и преисполненный веры…

Поясняющий в стихах: человеколюбивый наставник, передающий приказы и императорский посланец;[в управлении] внутренних, спальных покоев императора, глава отдела военно-полицейского управления, учитель и проповедник… Киве…

Хотя по природе своей изначальной вода неподвижна,

Под порывами ветра волны, одна за другой набегая,

колышут ее непрестанно,

И хоть подлинно сущего корни {всегда] неизменны,

Грязью запятнано под воздействием кармы оно и не в силах остановить погруженье свое в несчастья и беды.

Примирятся истина и заблуждения,

Шесть путей, превращений прошедший имя Бодисатва получит, Правление священномудрого с прахом земным соединится, И три мира прошедший Обладающего знанием рожденье

приобретет,

В мир высший величайшего блаженства

Продвигаются по одному, и мало тех, кто его достигает,

В ад на тягчайшие муки

Миллионы спешат, и туда попадающих много. Страданья исчезают и возникают вновь, и нет способа

избавиться от этих страданий, И потому-то все Будды появились в мире для того,

чтобы спасти [от страданий] людей. Форм созидалось и форм исчезало немало, И вот в государстве Магадха на алмазном престоле

прозрение истины свершилось, Золотые уста словом единым поведали истинное ученье, Всякий, кто понял его, как бы жаждой томим, заблужденья

оставив, на путь истинный переходил и становился Наставником. Тела, через многие превращенья пройдя, злых демонов

одолевали,

И мира Закона достигнув, становились отцами и матерями,

заботящимися о тех, кто погряз в заблужденьях.

Переходы |[,из одного состояния в другое] и нахождения

|[в них] не беспричинны. Бели шесть переплыть морей — приобретено самое большое

искусство и знанье. Понимание 1[учения] неправильные] поступки —

благоприятные предзнаменования тому, что За одну жизнь приобретешь полностью плоды, накапливаемые

много калп 17.

Не имеющий себе равных проницательностью своей за сутки

Обрел покой и достиг нирваны.

Надежда на счастье у простых людей не исчезает,

Пока есть на земле истинные мощи Будды!

Лянчжоуской пагоде достались мощи короля Ашоки 1[Аю вана], А всего на небесах и под небесами хранится

восемьдесят четыре тысячи мощей. И хотя говорят, что эта пагода поистине одна из тех,

где хранятся мощи глаза [Ашоки],— она обветшала.

Когда императором стал Чжан Гуй, тут был возведен дворец и это место было названо Лянчжоу-Увэйцзюнь. После того, как трон Чжан Гуя получил Чжан Тянь-си,

дворец был снесен,

Пригласили мастера Бань Шу и тот построил

семиярусную пагоду. После этого Лянчжоу стало принадлежать народу Ми

|[тангутам] и ([мастера] время от времени высылались производить ее ремонт, Возносились моления с просьбами о даровании счастья

и счастливые предзнаменования появились. Это место — основание и опора территории Государства!

Восемьсот двадцать лет прошло с того момента, когда пагода была построена, и до настоящего времени — до пятого года дерева-собаки девиза царствования Тянь-ю-минь-ань ([11094]. Во втором году девиза царствования Да-ань i[1077] опорные балки пагоды рухнули. Вдовствующая императрица Цзэ-цзинь 1[Киуˆсе] и император Мянь Гоу-чэн |[Ни-кхва-ве, Бин-чан] послали интендантов и мастеров, но как только те собрались начать ремонтные работы, ночью поднялся большой ветер и на вершине пагоды появился волшебный свет. К рассвету он исчез, и пагода оказалась такой же, какой она была прежде. Затем, в восьмом году девиза царствования Да-ань [1083], на востоке государство Хань [Китай], тщательно подготовившись, выступило против нас с большой армией, а, чтобы окружить нас, тибетская армия вторглась в. Ляичжоу. Но в этот момент поднялся черный ветер и все погрузилось в такую тьму, что нельзя стало даже различить друг друга тем, кто держался за руки. Затем яркие лучи света

засверкали вокруг пагоды. Обе вражеские армии потерпели поражение и с того момента уже не могли больше продвигаться вперед. Потом власть в стране перешла к императрице Дэ-шэн 1[Чхиа-ве] и императору Жэнь-цзин [Ндзинсе, Цянь-шунь]. Во втором году девиза царствования Тянь-ань-ли-дин![1087] часто возжигались курения, непрерывно подно

17 К а л п а — способ исчисления времени у буддистов.

сились жертвоприношения и часто подавались бумаги с пожеланиями. Из числа китайцев два человека поочередно несли дежурство. Когда вдовствующая императрица лично выехала верхом на коне [во главе войск], яркий свет среди ночи сопровождал ее в пути, то появляясь, то исчезая. Свет этот был подобен сиянию полуденного солнца и, проникнув на китайскую территорию, произвел там большие разрушения. Обо всех тех благоприятных предзнаменованиях, которые в большом числе появлялись до и после, невозможно здесь и рассказать. Благие знамения неоднократно заранее предвещали людям счастье, и в сотворении таких щедрых и великих заслуг и доблести проходили дни и годы этой золотой Лян-чжоуской пагоды. Ее украшения обдувались ветрами и омывались дождями, а в прошлом году случилось сильное землетрясение. Видя, что деревянные части ее разрушились, а опорные столбы перекосились, вдовствующая императрица Дэ-шэн и император Жэнь-цзин, наверху желая приобрести счастье, милости и заслуги, а внизу желая иметь простор и поступая в соответствии с семью причинами и шестью парамитами, действуя в пожелании глубокого и великого счастья, послали смотрителя за святыми местами собрать разных мастеров. К работам приступили в двенадцатый день шестого месяца четвертого года воды-птицы девиза царствования Тянь-юминь-ань ||[8 июля ДОЭЗ], работы были закончены в пятнадцатый день первого месяца следующего года.

Семь ярусов прелестной пагоды, как семь просветлений, Прелестные карнизы с четырех сторон ниспадают,

как четыре реки,

Окраска деревянных балок и черепицы пестра,

как оперение птиц,

Золотом и яшмой украшены колонны и установлены надежно. Семь прекрасных колоколов блестящи и ярки, Многочисленные разноцветные вышивки и украшения

гармонируют друг с другом, Укрытое в таком окружении прозрение истины излучает

прекрасное и величественное сияние, Окруженный этими стенами Бодисатва… издает

мелодичное звучание. Все храмовые постройки окутаны голубой дымкой, Семь ступеней драгоценной пагоды… внушают любовь. Новенькие, изящные флаги реют, как распустившиеся цветы, Мерцает множество огоньков — возложены курения

ˆблагих знамений,

Собраны и расставлены самые разные предметы, относящиеся к служению Закону,

Один за другим до краев наполнены все сосуды

для жертвоприношений.

Выделены Будде: постоянно пребывающее [при храме имущество]— пятнадцать лан желтого золота, пятьдесят лан белого серебра, шестьдесят кусков шелка для одежд, семьдесят пар разных парчовых знамен, тысяча связок монет.

Выделены сангхе: постоянно живущие [прикрепленные к храму] четыре семьи землепашцев и |[мастеров по изготовлению] стрел, тысяча связок монет, тысяча ху 18 зерна.

18 Х у — мера объема, равная 5*1,8 л

В пятнадцатый день [первого месяца] этого года были посланы Глава Главного Императорского Секретариата по управлению гражданскими делами Лу {Лян] Нджи-шиа-ку и Глава Управления Императорской столицей Во Кви-ке, были пропеты хвалебные песни, проведено большое молитвенное собрание и объявлен пост, прочитана сутра „Фо шо хуэй чан дао чан ань ли цзан цзин", тридцати восьми чиновникам, которые могли быть приговорены к смертной казни, была дарована жизнь. Пятьдесят восемь человек пожертвовали различные ароматические курения, пища и чистая вода были розданы каждому без недостатка. Старшим и младшим начальникам и различным ремесленникам были каждому по его заслугам в достаточном числе даны низкие и высокие ранги. Пятицветные облака благих намерений Утром окутывают пагоду, как птицы, испускающие

лучи золотого света,

Все Будды трех миров,

Когда на пагоду опускается ночь, зажигают

священные светильники,

Поднимешься на один ярус,

Прежние земные пути постигнешь и сердцем возликуешь, Все семь ярусов осмотришь,

Святость и мудрость приобретя, обители Будды достигнешь. Черноголовые в Поднебесной Способны добиться удачи и в радости, и в горе, Краснолицые на земле — опора [[государства] и в {дни его]

мощи, и в![дни его] слабости.
Томящиеся в восемнадцати адах
Живые твари, совершившие греховные деяния,
освобождение получат,
Идущие по сорока девяти путям
Любви достигнут у Сострадательного и Дающего покой
и счастье.
Три мира погружены во тьму,
Но вознесенный светильник мудрости все их взору открывает.
Море любви ко всем живущим —
Вот тот построенный мост Мудрости, по которому
все смогут переправиться {на другой берег]. Завершено возведение Дворца святости — Великие доблесть и заслуга, не имеющие себе равных
в прошлом,
Ремонт драгоценной пагоды окончен,
Доведенное до неизмеримых высот искусство — [заслуги],
до краев наполняющие прошлую карму. Человеческое тело непрочно, Как пузыри на воде, как восточный бамбук, Жизнь человеческая невечна,
Как ясность осени, как летние цветы, ласкающие взор.
Но если подношения щедры,
Смысл трех колес и пустоты постигнешь,
Если намерения тверды,
Двух берегов не придерживаясь, другого берега достигнешь! Желаем, чтобы:
На троне прочно сидящий царствовал так же вечно,
как вечно произрастает восточный бамбук!

Священномудрые помыслы процветали так же вечно, как вечно накатываются на белые берега волны золотого моря, А в каждодневных поступках только чистыми помыслами и правильными действиями добьешься для себя блага, Соразмерного совершенствования кармы только молениями
Буддам и молениями Закону добьешься. Пусть ветры дуют и дожди проливаются своевременно, Драгоценные хлеба вызревают вечно, На границах установится мир, А народ благоденствует! Смысл Закона глубок и обширен, А природа разума невелика {ограниченна],
Поэтому пусть талантливые люди проповедуют безошибочно, А мудрецы не знают сомнений!
Добродетель пусть торжествует, а зло искореняется!
И ранее писали на камнях и на могильных курганах делали памятные надписи о геройских подвигах,

Да будут славны доблестные, да будут славны достойные!
Потомки, глядя на {такие надписи], узнают 1[о них],
И рассказы |[об их подвигах] будут вечно передаваться
от поколения к поколению!

Организатор ремонта пагоды и устроитель праздника, столоначальник-надзиратель, глава в Управлении финансов, советник, командующий армией Южного двора Мбей-рие-кей.

Организатор ремонта пагоды и устроитель праздника столоначальник-надзиратель, глава в Управлении финансов и глава в Управлении почтой, воздающий хвалу святым монах-чиновник, чтец сутр и инспектор при пагоде Благодарения Иёсу-ндие-вай.

Младший надзиратель за ремонтом пагоды, передающий приказы в Управлении финансов и Управлении почты, чиновник, обращающийся с просьбой к богам Пхойон Ва!жи.

Инспектор двух: китайской и тибетской общин при пагоде Благодарения, монах-чиновник, носящий красные одежды Ванндон Нджией-нгиу.

Младший надзиратель за ремонтом пагоды, глава общины при монастыре Шэнчунсэнсы {Шэн-пху-нджией-мие], носящий красные одежды чиновник Нгве-кэй Шие-пхон.

Младший надзиратель за мастерами, глава китайской общины при пагоде Благодарения, монах, носящий красные одежды Цзю Чжи-цин.

Младший надзиратель за мастерами, ремонтировавшими пагоду, заместитель главы китайской общины при пагоде Благодарения, носящий красные одежды Бай Чжи-и.

Надзиравший за мастерами, изготовлявшими черепицу для ремонта пагоды Благодарения, старший монах Чжан Фань-нань.

Надзиравший за снабжением мастеров Бай А-шань.

Написавший текст, мастер размещения текста, стремящийся к чистоте {написания] и следования образцам {каллиграфии] чиновник Хуэнь-нгве Шиа-нгиу.

Написавший текст китайской {части] стелы, каллиграф китайской и киданьской письменностей, чиновник Чжан Чжэн-еы.

Младший надзиратель за изготовлением красного и белого [красок?], младший монах Чжи Син,

Младший надзиратель за плотниками, монах Цзю Чжи {…]

Надзиравшие за сверлением и плетением, монахи Лю Хуай […] и|[…] Сунь.

Празднества закончились в пятнадцатый день под циклическими знаками моу-цзы, в первый месяц под циклическими знаками цзя-сюй года дерева-собаки пятого года

девиза царствования Тянь-ю-минь-ань |[2 февраля 11094 года].

Старшие при вырезывании {текста] на камне Вэнь И-цуй, Жэнь Юй-цзы, Цзо Чжи-синь, Кун Гоу-мин, Гасанди, Сунь Кхи-ду, Цзон Ки-жи, Цзон Тон-ливе, Цзон Арие, Ян Чжэнь-инь.

Мастер-декоратор Го Тао, кузнецы![…]» 19.

Кузнецы так и остались безвестными, так как за шестьсот лет молчаливого стояния под ветрами и дождями текст надписи местами разрушился (в нашем переводе это отмечено отточиями). Да, люди всегда и всюду желали одного:

Пусть ветры дуют и дожди проливаются своевременно, Драгоценные хлеба вызревают вечно, На границах установится мир, А народ благоденствует!

С открытием Лянчжоуской стелы и опубликованием статей вокруг этого события завершилась первая фаза тангутоведческих исследований. Научный мир вновь удостоверился в том, что тангутское государство Ся реально существовало, как и в том, что в нем бытовала собственная письменность. Были билингвы — надписи в Цзюйюнгуань и Лянчжоуская стела, их надо было прочесть, чтобы объяснить письмо тангутов, восстановить этот некогда живой, а ныне умерший язык. А. Уайли и Э. Шаванн, сравнивая тексты дхарани, определили санскритские чтения ряда знаков и сделали это правильно. Но тщетно было бы искать те же знаки в Лянчжоуской стеле. Там не было заклинаний-дхарани, а значит, не были и использованы знаки, применявшиеся для фонетической записи заклинательных санскритских текстов. Г. Деверия дал свои чтения нескольким знакам и первый решил объяснить характер письма, его внешнюю сложность. Подход его определялся не реальными знаниями, а анализом исторических материалов. По мнению этого ученого, тангуты

19 Переведено Е. И. Кычановым с текста, опубликованного в кн.: Нисида Тацуо. Изучение языка Си Ся (Сэйка го-но кэн-кк>). Т. 1. Токио, 1964, с. ИШ—176.

позаимствовали принципы своего письма у киданей (все было как будто логично, соседи тангутов тоже не китайцы), а письменность их представляла собой знаки, передающие слоги, которыми и танскрибировались различные языки многоплеменного населения Ся. Таким образом, Деверия считал тангутское письмо слоговым и надъязычным — годным для записи любого языка 20. Подход его, возможно, был определен и результатами, полученными несколько ранее А. Уайли и Э. Шаван-ном.

С. В. Бушель, который определил по монетам значение двух с лишним десятков знаков тангутского письма, о характере

тангутской письменности не высказывался 2I.

Итак, к началу XX века в изучении тангутской письменности, несмотря на крупные имена исследователей — А. Уайли, Э. Шаванна, С. В. Бушеля, Г. Деверия, — были достигнуты более чем скромные результаты: полтора десятка знаков, которым даны санскритские чтения, и полтора десятка знаков, у которых определены значения. Все это еще подлежало перепроверке. Относительно скудные материалы (хотя в общем-то использованные не в полную меру) не вызывали энтузиазма у новых исследователей, а история маленького народа и маленького государства, просуществовавшего 250 лет где-то на обочине от столбовой дороги истории, не очень интересовала, так как не сулила никаких больших открытий.

Вместе с тем А. Уайли, Э. Шаванн, С. В. Бушель и Г. Деверия выступали как действительные дешифровщики неизвестного письма на материалах параллельных по содержанию (и звучанию) текстов, не имея других вспомогательных материалов. На этой стороне дела мы ниже остановимся подробней.

Второй тур тангутоведческих исследований косвенно оказался связанным с событиями августа 1900 года, когда в Китае развернулась борьба ихэтуаней, или, как долго именовались эти события в европейской литера

20 G. D e v e r i a. L'ecriture du royaume de Si-Hia ou Tangout. — «Memoires presentis par divers savants a l'Academie des Inscriptions et des Beles-letters». Ser. I. T. XI. Part. I. Paris, 1898, c. 26–28.

21 S. W. Bushel. The Hsia-Hsia Dynasty of Tangut, their money and peculiar script, JChBRAS. Vol. XXX, 1895–1896, c. 141^160.

туре, восстание боксеров. Первого августа 1900 года войска восьми союзных держав — Англии, Франции, США, России, Германии, Японии, Австро-Венгрии и Италии — вступили в Пекин. В городе еще царил хаос, связанный с бегством правящего маньчжурского (цин-ского) двора и появлением иностранных войск, когда три сотрудника французского посольства в Китае — М. Морис, Ф. Берто и П. Пельо — в одном из переулков Пекина у пагоды Байта разбирали вороха брошенных кем-то бумаг и книг.

…Пагода Байта (Белая пагода) в наши дни выглядит скорее серой. Шестьсот лет она возвышается над одной из окраин Пекина и, обдуваемая ветрами, обмываемая дождями и прокаленная солнцем, потускнела от времени. Как и Лянчжоуская пагода, она давно уже не являет никаких чудес. В одно из апрельских воскресений 1964 года Е. И. Кычанову в составе группы советских стажеров довелось постоять у ее массивного

основания и даже погладить рукой старый камень. Пока люди шли с ближайшей улицы по узкому переулку-ху-туну к пагоде, их окружила толпа ребятишек. Они показывали на группу русских и громко звали сторожа пагоды, непрерывно выкрикивая: «Сулянь лайла!» — «Советские пришли!». Заметим, что немногим более пятнадцати лет назад в Пекине очень часто европейцев звали «сулянь» — «советский». Сторож побренчал ключами в кармане, внимательно поглядел на большой замок на двери и сказал: «Закрыто». В пагоду никого тогда не пустили, а может быть, это действительно было не положено. Но это было очень досадно, ибо здесь, у ее подножия, была найдена знаменитая «Лотосовая сутра», ставшая важной ступенью в изучении тангутского языка. Так все и ушли не солоно хлебавши.

Итак, М. Морис, Ф. Берто и П. Пельо рылись в старых бумагах у подножия пагоды Байта. Здесь они и нашли (кто точно, неизвестно) книгу, написанную золотом на черно-белых листах бумаги некитайским письмом. Шесть глав книги, сброшюрованных «гармоникой», каждая глава отдельно, почему-то были поделены между Ф. Берто и М. Морисом. Будущему знаменитому французскому ученому-китаеведу П. Пельо не досталось ничего.

В руках Ф. Берто и М. Мориса судьба частей книги

Оказалась различной. Берто хранил свою долю нростб как реликвию. После его смерти вдова распродала главы рукописи разным лицам, и лишь по инициативе французской научной общественности музей Гюме выкупил главы, принадлежавшие Берто, и сохранил их для Франции.

М. Морис, отличный специалист по Китаю, не просто хранил свои книги как раритет, а изучал доставшиеся ему три главы сутры. Это он определил, что перед ним — текст буддийского канона, по гравюрам, которые сопровождали книгу, предположил, что это главы из известной «Лотосовой сутры», а затем еще более утвердился в своем предположении, когда обнаружил, что над текстом уже поработал до него неизвестный китайский дешифровщик. Около знаков письма Си Ся, сбоку, в некоторых случаях были написаны их китайские значения. Морис взял китайский текст сутры, с которого предположительно мог быть сделан тангутский перевод, и, опираясь на труд своего так и остающегося по сей день неизвестным предшественника, стал знак за знаком сличать тангутский и китайский тексты. Итоги работы были многообещающими. Морис установил значение или чтение в китайской транскрипции около трехсот тангутских знаков. Он сумел сопоставить грамматики языков и дать первые

сведения по грамматике тангутского языка. В 1904 году Морис опубликовал свой «Предварительный вклад в изучение письменности и языка Си Ся». На одной из его страниц он выразил свое удивление по поводу того, что тангуты приобрели «основы своей религиозной литературы, а, может быть, также и принципы своего письма у народа, так отличного в языковом и расовом отношении, каковым являлись китайцы»22. Таким образом, Морис был к тому же и первым, кто, правда в предположительной форме, высказался за иероглифический характер тангутской письменности и указал на китайское письмо как на тот образец, которому тангуты следовали при создании своего письма. Роль труда Мори

22 M. G. M o r i s s e. Contribution preliminaire a l'etude de l'ecriture et de la lange Si-Hia. — «Memoires presentes par divers savants a l'Academie des Inscriptions… Ser. I, T. XI. Part 2, Paris, 1904, c. 350.

са в истории тангутоведения Должна быть подчеркнута особо, ибо он помимо определенного количества расшифрованных знаков дал науке первые достоверные сведения о характере языка (грамматические заметки) и о характере письма тангутов.

Правда, М. Морис не продолжил своей работы, он был загружен практическими делами, не имел под рукой других текстов, а после открытий, сделанных П. К. Козловым в мертвом городе Хара-Хото, принадлежащий ему текст утратил уникальность. В 1912 году Морис продал три принадлежащие ему главы «Лотосовой сутры» Берлинской библиотеке.

Так были пройдены первые две ступени на пути восхождения тангутоведения как специальной отрасли востоковедных знаний. И, вероятно, дело бы надолго застопорилось и свелось к многократному сличению указанных текстов и выявлению дополнительно расшифруе-мых отдельных знаков, если бы не удивительные находки, сделанные отважным русским путешественником по Центральной Азии П. К- Козловым в мертвом городе Хара-Хото.

При тангутах этот город назывался Эдзина — «Черная река». Мечта каждого тангутоведа — посетить его развалины в устье р. Эдзин-Гол, в первой части своего наименования сохранившей позабытое тангутское слово.

1372 год. Китайские войска новой династии Мин (1368–1644), пришедшей к власти на гребне волн народного восстания против монгольской династии Юань (1280–1367), изгнав

монголов из Китая, стремясь обезопасить западные границы страны, переносят военные действия за его пределы, на территорию, ныне входящую в состав Внутренней Монголии. Здесь они постепенно продвинулись до оазиса Эдзина. «В пятом году Хунь-у [1372] командующий Фэн Шэн с войском дошел до Ицзинайлу. Защитник города генерал Баян-Тэмур сдался… Был захвачен его министр Чжан Цзя-ну и еще 27 человек, а также 10 тысяч с лишним голов лошадей и скота»23. «Китайцы при штурме, за* прудив один из рукавов Эдзин-Гола, отвели воду от

23 Цит. по: Е. И. Лубо-Лесниченко, Т. К. Шафранов-с к а я. Мертвый город Хара-Хото. М., 1968, с. 46.

Города и обрекли гарнизон и жителей на муки жажды. Гарнизон сдался, хотя, по преданию, части осажденных удалось уйти через брешь в стене». По сведениям, полученным от местных жителей П. К. Козловым, когда китайцы отвели воду, «вода потекла к югу, хара-хотос-цы частью перемерли, частью бежали в какой-то город Дугу, на этом жизнь города прекратилась. Пришельцы разграбили, разрушили и тоже были таковы» (Запись от 19 марта 1908 г.) 24. С севера на опустевший город постепенно наступали пески Гоби.

Местные кочевники боялись Хара-Хото. Китайский путешественник XVII века Лян Чжи-жэнь писал о Хара-Хото и его постройках, в частности о дворце правителя: «Хотя он и одряхлел, но, тем не менее, общие контуры его сохранились. Кочевники здесь жить не любят и лишь иногда со стадами кочуют в этих местах»25. Покинутый, безжизненный город внушал страх.

19 марта 1908 года (по старому стилю) группа из пяти человек во главе с П. К. Козловым вместе с двумя монголами-проводниками прибыла в Хара-Хото. Путешественников ошеломил вид покинутого города. Вот записи от 19–24 марта 1908 года из дневника Козлова:

«Тихо, одиноко, угрюмо, по сторонам ветер несет песок, взвеваемый к вершинам стены»; «С самого приезда мы не могли уравновеситься — брались за одно, за другое, за третье, жадно схватывали то один найденный предмет, то другой. Копали, рыли, ломали, рушили, бродили по поверхности. К вечеру наша большая палатка уже представляла маленький музей»; «Надо считать наиболее ценной находкой по отношению к количеству и прекрасной сохранности рукописей — это находку в субургане А, найденную утром 21 марта — в день моего отъезда из Хара-Хото»; «Хара-хотинские интересные находки, а главное, слух у Бэйлэ о движении из Урги через Гурбун-Сайхан европейской экспедиции, заставили нас засесть за предварительные отчеты, за выделение

кое-чего из письмен для отправки в СПб. Пришлось писать и в Географическое общество и

24 П. К- Козлов. Дневник Монголо-Сычуаньского путешествия 1907—11909. Архив Географического общества СССР, ф. 1*8, ед. хр. № 1164.

25 Цит. по: Е. И. Лубо-Лесниченко, Т. К. Ш а ф р ан о в с к а я. Мертвый город Хара-Хото, с. 46.

в Императорскую Академию наук. Страшно интересно — большой сбор хорошей сохранности документов письмен поможет ли доискаться, помимо духовных вопросов, еще гражданских, исторических, о жизни и положении города».

П. К. Козлов полагал, что найденные рукописи «почти исключительно на китайском языке». Ни он сам, ни его спутники не были грамотны по-китайски, а потому не могли отличить тексты, написанные тангутский письмом, от китайских. Козлов, натура эмоциональная, поэтическая, инстинктивно осознавал большое значение своих находок. Об этом свидетельствуют те же подлинные записи из его дневника. 31 марта 1908 года: «Итак, прощай, Хара-Хото. Ты дал мне много прекрасных, восторженных минут; ты невольно открыл мне новую отрасль занятий, новую пытливость. А кто знает, какая быть может еще великая радость впереди… Во всяком случае, о тебе говорилось много, начиная с самого Петербурга, дороги и Урги, везде ты занимал меня. Прощай, отживший приятель, ты, раньше других воскресший, и память о тебе побежит по всему ученому миру!»

П. К. Козлов не ошибся — впереди его действительно ждала великая радость, а слух о Хара-Хото пронесся «по всему ученому миру» и имя мертвого города на этот раз надолго оказалось тесно связанным с именем русского путешественника, человека твердого и решительного, со знаниями офицера Генштаба и чуткой душой поэта.

Посланные в Петербург первые находки были по достоинству оценены русскими учеными-востоковедами. Они без труда установили, что «китайские» письмена, найденные П. К. Козловым в Хара-Хото, — это в большей своей части письмена Си Ся, или тангутские, относительно недавно открытые для науки трудами А. Уайли, Э. Шаванна, Г. Девериа, С. Бушеля и М. Мориса.

Непонятно только, откуда возникла версия о том, что Хара-Хото — столица погибшего государства Ся. Вот как сам П. К. Козлов, еще находясь в экспедиции, оценивал первые результаты обследования в Петербурге хара-хотинских материалов.

Из письма от 22 апреля 1909 года: «Хара-Хото по исследованию нашими специалистами материалов, доставленных мной в Санкт-Петербург, ока

зался давно пропавшей столицей тангутского царства Си Ся, существовавшего с XI по XIV век. 15 октября минувшего года в Императорском русском географическом обществе академик С. Ф. Ольденбург и синологи В. Л. Котвич и А. И. Иванов сделали сообщение об археологических находках экспедиции в древнем городе Хара-Хото. Рукописи, извлеченные из развалин, помимо китайского языка, на языке неведомом… прочесть их никто не умеет, хотя образцы письма и известны. Найденные экспедицией ассигнации, вероятно, относятся к 1264–1295 годам. Буддийское же изображение дает основание надеяться, что археологические находки наши прольют новый свет в историю буддийского искусства XII–XIII веков, относительно которого пока еще не было памятников» 26.

Все было определено точно: и «книги на языке неведомом», «хотя образцы письма известны», и ассигнации, и роль памятников из Хара-Хото в истории буддийской живописи. Только почему-то, возможно под обаянием множества находок и их необычайной уникальности, да от невнимательного чтения труда Н. Я. Бичу"{*ина «История Тибета и Хухунора», третьеразрядный город тангутского государства, место ссылки каторжан, был объявлен «давно пропавшей столицей тангутского царства Си Ся». Не стоило бы об этом писать, но с таким мнением приходится сталкиваться и поныне.

Географическое общество еще осенью 1908 года решило предложить П. К. Козлову произвести вторые, более капитальные исследования и раскопки в Хара-Хото. Известие об этом Козлов получил в декабре 1908 года. «А. В. Григорьев в качестве помощника председателя извещал меня о П. П. Семенове и о моих работах или результатах их в Хара-Хото. Оказывается — это тангут-ская столица Си Ся, существовавшая с XI по XIV век. Этим открытием Географическое общество, видимо, очень довольно и решается предложить мне на обратном пути завернуть вновь в исторический город… пополнить его высокого интереса материалы, которые уже добыты и частью прибыли в Петербург» (Запись сделана в г. Туйдуй).

26 Архив Географического общества СССР, ф. 18, ед. хр. № 53.

В то время, когда в мае 1909 года будущий исследователь тангутских текстов сдавал последние экзамены в гимназии на

аттестат зрелости, караван П. К- Козлова во второй раз следует в Хара-Хото, где найдет тангутские тексты, в том числе и те, которые навсегда окажутся связанными с именем Н. А. Невского.

«22 мая. В 10 час. утра мы через пыльную мглу увидели, наконец, знакомые серые стены Хара-Хото, а еще через полчаса уже вошли внутрь крепости и недалеко от Западных ворот и углового северо-западного субур-гана расположили наши шатры». Стояла ветреная, прохладная, дождливая погода. П. К- Козлов опасался, что он и его люди будут изнывать от жары, а порой приходилось искать тепла. 30 мая начались раскопки субургана, стоявшего вне городских стен, метрах в четырехстах от Западной стены, на правом берегу сухого русла. Здесь-то Козлов со своими спутниками и обнаружил целую библиотеку книг, а также настоящий музей скульптуры и живописи. «1 июня. Мы все еще возимся с субурганом — люди добывают и приносят письмена, бурханы и прочее. Мы же „отряхиваем пыль веков", упаковываем и складываем в ящики. Письмен, книг, тетрадей, книжиц вроде нашей библии с досками — масса. Я не знаю, как мы погрузим все это».

Опасения П. К. Козлова оправдались. Он не смог увезти всего, что нашел. Многое, чего не сумели взять, спрятали «при спуске с крепости, южнее субургана, у самой стены, засыпав песком. Делал я это на всякий случай» (Запись от 14 июня). В основном Козлов оставил крупную буддийскую скульптуру. Посетив Хара-Хото в третий раз в 1926 году, он не смог найти вещи, которые он сам столь надежно спрятал в 1909 году. «Песчаные бури и движущиеся пески уничтожили все поставленные ориентиры. До настоящего времени они лежат, покрытые толстым слоем песка, ожидая будущих исследователей» 27.

Кроме П. К. Козлова Хара-Хото посещали в 1914 году английская экспедиция А. Стейна, в 1923 году — американская экспедиция и в 1927–1928 годах — шведская экспедиция Ф. Бергмана. Оставленных Козловым

27 Е. И. Лубо-Лесниченко, Т. К. Шафрановская. Мертвый город Хара-Хото, с. 8.

вещей они не увозили. Вели ли там в последние годы раскопки китайские археологи — нам неизвестно, хотя в Китае регулярно обнаруживают все новые и новые тангутские тексты.

Субурган у северо-западной окраины Хара-Хото, давший основную массу тангутских рукописей и старопечатных книг, оказался кенотафией — захоронением какого-то почитаемого буддистами лица. Череп его был доставлен в Петербург, где определен позднее как женский.

Несколько лет назад сотрудником Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР доктором филологических наук Л. Н. Меньшиковым, изучавшим китайские книги и рукописи из Хара-Хото, была выдвинута любопытная гипотеза о происхождении книг в субургане. Он предполагает, что это была библиотека одной из тангутских императриц, императрицы Ло, китаянки, вдовы императора Жэнь-сяо (годы жизни — 1124–1193, годы правления— 1139–1193), матери преемника Жэнь-сяо Чунь-ю (годы жизни —?— 1206, годы правления— 1193–1206). Гипотеза Л. Н. Меньшикова основана на трех главных посылках: а) в субургане захоронена женщина 28; б) императрица Ло была ревностной буддисткой, ее иждивением издано много сутр на тангутском и китайском языках. В субургане найдены некоторые сутры на крашеной желтой бумаге, что, по мнению Л. Н. Меньшикова, свидетельствуете принадлежности книги членам императорской фамилии; в) императрица Ло как мать низложенного императора, оказавшегося неспособным организовать сопротивление нашествию армий Чингисхана, была сослана в Хара-Хото императором Ань-цюанем в 1206 году, вскоре после совершенного им государственного переворота.

Эта гипотеза опирается в основном на факты. Найденный в субургане череп, как уже говорилось выше, был определен как женский. Императрица Ло была буддисткой. Район Хара-Хото, как мы знаем из тангутских источников, и чего, кстати, не учитывал первоначально сам Л. Н. Меньшиков, служил местом ссылки и

28 См.: П. К. Козлов. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото. М. — Пг., 1923, с. 555–656.

отбывания каторжных работ. Однако заметим: императрица Ло вряд ли могла стать жертвой переворота, совершенного Ань-цюанем, так как сама способствовала ему. Более того, после переворота Ло, у которой были хорошие личные связи с правящим домом чжурчжэнь-ских императоров империи Цзинь, просила чжурчжэней оказать Ань-цюаню внешнеполитическую поддержку29. Если бы даже после этого Ань-цюань сослал императрицу Ло в Хара-Хото, то такой факт стал бы известен китайцам (Сун) и чжурчжэням и непременно нашел бы отражение если не в «Сун ши», то в «Цзинь ши», — от цзиньской династии осталось много материалов о тан-гутско-чжурчжэньских отношениях тех лет, но в них ничего подобного не оказалось. Далее. Зачем было императрице Ло тащить в ссылку целую библиотеку? Буддийских храмов в Хара-Хото было достаточно, и они располагали нужным запасом книг. Наконец, как и когда попали в захоронение святой светские тексты и документы?

Ответить на эти вопросы достоверно, не гипотетически пока невозможно, и поэтому, несмотря на всю привлекательность гипотезы Л. Н. Меньшикова, в ней приходится сомневаться.

Дело усугубляется еще и следующим. П. К. Козлов, конечно, не вел научно организованных раскопок. Можно думать, что Козлов лично не присутствовал при вскрытии субургана да и большую часть времени при раскопках его. Он высказывается противоречиво о том, как были сложены книги в субургане. Дневник тех лет, запись от 30 мая (подчеркиваем, подлинный дневник записи событий на месте, в экспедиции, а не подготовленная к печати публикация): «Я отправился к моим спутникам, которые исследовали один из самых крупных субурганов, отстоящих на запад от города в двухстах саженях. Исследование показало, что он богат бурха-нами и китайскими письменами, которых к девяти часам утра столько нанесли на бивуак, что я тотчас ушел к ним, сортируя, очищая от излишей пыли и приготовляя к упаковке».

На месте П. К. Козлов полагал, что книги и буддийская скульптура были «брошены» в субурган: «Надо

29 Е. И. К ы ч а н о в, Очерк истории тангутского государства. М., 11668, с. 268.;

полагать, что крыша часовни-субургана обрушилась и повалила бурханов или же они с самого начала были брошены туда, куда бросали и книги, и свитки, и иконы» (Запись от 30 мая). Много лет спустя, возможно под впечатлением значительности находок, Козлов писал уже иначе: «Открыли знаменитый субурган. Он оказался весь набит сокровищами. Едва сняли его верхушку, как открылись книги, стоящие целыми сотнями на полках, в полном порядке, в шелковых переплетах» 30. Таким образом, сведения самого П. К. Козлова противоречивы; были ли книги «брошены» в субурган, или же они лежали там «в полном порядке», остается до сих пор неясным. Субурган мог быть захоронением с книгами в нем, сложенными «в полном порядке», а мог быть просто захоронением, в которое книги попали в 1226 году — их могли сложить и свалить туда перед лицом опасности, возникшей для Хара-Хото в связи с нашествием армий Чингисхана. Но все это тоже не более как предположение.

П. К. Козлову надо отдать должное. Он понял значимость находок и то, что его имя будет отныне связано с исследованиями этого города. «Итак, завтра в дорогу, на Эдзин-Гол. Прощай, приятель, „древний старец", прощай, Хара-Хото. Мне суждено связать с тобою свое имя, мне посчастливилось вызвать тебя к новой, загробной жизни. Скоро история твоя, твоя тайна будет

открыта. Счастье вручило мне дорогой субурган. Буду надеяться, что и Географическое общество и Императорская Академия наук приложат все усилия, средства и уменье, чтобы достойным образом обработать и издать труды и материалы Хара-Хото» (Запись от 15 июня). Скажем прямо, задача эта не выполнена до сих пор.

Так в 1909 году был сделан еще один шаг вперед в тангутоведении — заложена его прочная материальная база.

Пока длились «годы учебы» Н. А. Невского в университете, решалась судьба коллекции из Хара-Хото и предпринимались первые шаги к ее изучению. Процитируем один документ. 16 января (по старому стилю)

30 Из статьи П. К- Козлова, машинопись (Архив Географического общества СССР, ф. il6, № 65).

П. К- Козлов писал из Москвы акад. С. Ф. Ольденбур-гу: «Весь хара-хотоский материал пока хранится в свободных для общества комнатах наверху. А. И. Иванов и В. Л. Котвич работают по его сортировке. Иванов разыскал словарь, дающий возможность расшифровать интересные письмена Си Ся. По этому поводу А. И. напечатал статью (на немецком языке в „Известиях Академии наук"). Наша общая статья в Географическом обществе уже давно вышла… Вопрос, куда поступит Хара-Хото, еще не решен. Лично я имею тяготение к Академическому или Азиатскому Музею. Думаю в Вас найти единомышленника — не правда ли?»

В том же году все материалы, привезенные экспедицией П. К. Козлова из Хара-Хото, были поделены на две части — книги и рукописи поступили в старейшее российское востоковедное учреждение, основанное в 1818 году, — в Азиатский музей Академии наук, а все памятники искусства и материальной культуры — в Этнографический отдел Русского музея. В наши дни обе эти части коллекции хранятся соответственно в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР и Государственном Эрмитаже.

В последующие десятилетия самые значительные результаты в изучении языка и истории тангутов были сделаны университетским учителем Н. А. Невского проф. А. И. Ивановым. Поэтому можно полагать, что Невский со студенческих лет знал о тангутской проблеме и был в курсе общего состояния исследований тех лет. Что же сделал А. И. Иванов? Он нашел среди рукописей и старопечатных книг (ксилографов) тангутско-китайский (равно и китайско-тангутский) словарь «Жемчужина в руке, отвечающая нуждам времени», 1190 года, что позволило сразу же узнать значение и звучание в китайской транскрипции

около тысячи тангутских слов. Цели составления словаря хорошо сформулированы в предисловии к нему на тангутском и китайском языках. Позволим себе привести здесь перевод тангутского текста, тем более что он, как и перевод текста Лянчжоуской стелы, на русском языке не публиковался.

«Все благородные мужи, [трудясь] ради пользы других людей, не забывают о себе. И нет 1[среди них] таких, которые бы не учились. Заботясь о своем благе, они не отдаляются от других людей,

и поэтому нет среди них таких людей, которые не обучали бы других. Учась, они пополняют свои собственные знания и стремятся унаследовать все то, что осталось нам от прошлых времен. Обучая же других, они человеколюбиво стараются послужить благу других людей в наши дни. Разве это не истинно?

Что касается письмен тангутов |[ми] и китайцев, то„если судить о них по ветвям [внешнему виду],— они кажутся различными, если же вникнуть в их корни |[суть], то окажется, что они одинаковы. Почему? Потому что, если говорить правду, путь, которого придерживались первые мудрецы |[китайцы] и последующие мудрецы [тангуты], никогда не был единым. Точно так же и люди наших дней хотят полностью понимать тангутский и китайский языки. Если \[китаец] не знает тангутского языка, то он не сможет быть среди тангутов, если же 1[тангут] не учил китайского языка, то как он сможет достичь договоренности с китайцами. Если среди тангутов появится мудрец, китайцы не станут его почитать, а если среди китайцев вырастет мудрец, то тангуты не будут относиться к нему с почтением. И все это из-за несходства языков. А если это так, то все это находится в противоречии с тем, что было сказано выше. |[Я], Гулэ Маоцай, хорошо изучил тангутскую и китайскую письменности и благодаря этому разве смею молчать? Преодолев робость, я распределил слова для обучения тангутскому и китайскому языкам по трем разделам ([Небо, З'емля и Человек], все самое важное собрал в одной книге и расположил фразу за фразой, поясняя их подлинный смысл. Поскольку произношение слов отличается |[в обоих языках], даны объяснения ([транскрипции] там, где можно было подобрать их по сходству '[в звуках этих языков], в тех же случаях, когда произношение |[.слов в этих языках] не имеет соответствий, правильному [произношению] сможет обучить учитель. Я стремился подобрать простые фразы, легко понятные ученикам. Назван [словарь-учебник] „Жемчужина в руке, отвечающая нуждам времени". Пусть же знающие дело, посмотрев [мой труд], добавят в него недостающее, а не

злословят о нем. Время составления 21 год девиза царствования Небесная помощь под циклическими знаками железа-собаки 11190]… день и месяц. Гулэ Маоцай» 31.

А. И. Иванов нашел среди книг из Хара-Хото не просто словарь, а учебник тангутского языка для китайцев и китайского языка — для тангутов. Находка «Жемчужины в руке…» практически сняла вопрос о дешифровке тангутского языка в узком, прямом смысле этого слова, т. е. отпала необходимость в первоначальных усилиях для определения значения или звучания каждого знака, усилиях, крайне затруднительных на первых порах работы, ибо, как мы теперь знаем, одна шестая часть знаков тангутского письма была в систематизированном и удобном для понимания через по

31 Перевод Е. И. Кычанова.

средство китайского языка ннде заботливо преподнесена нам трудом Гулэ Маоцая. Вместе с тем А. И. Иванову сразу стало ясно: отдавая должное заслугам тангутского мудреца XII века, все-таки справедливо указать, что его словарь-учебник помогал ориентироваться в сотнях тангутских книг и подыскивать для тех из них, которые были переведены с китайского, китайский оригинал, но не позволял читать их. Нужна была дешифровка всех известных тангутских знаков, и процедура ее не представлялась непонятной, она была проста и предельно трудоемка. Следовало отыскивать китайские оригиналы сочинений, переведенных на тангутский язык с китайского (то же самое и для сочинений, переведенных с тибетского, когда стало ясно, что имеются и таковые), сопоставлять тексты-билингвы и пополнять, пополнять и пополнять запас известных слов. Надо сказать, что данная работа не завершена и посей день.

Собственно этим и занялся сразу А. И. Иванов в то немногое свободное время, которым он располагал, работая в университете, а затем и в Министерстве иностранных дел. К 1919 году Иванов подготовил к публикации свой словарь. Этот словарь пролежал в издательстве Академии наук три года, но так и не был издан. В 20-е годы Иванов был послан на дипломатическую работу в Китай. Известно, что еще в 1935 г. словарь тангутских знаков хранился у Иванова дома, в Москве. В настоящее время неизвестно, где находится этот словарь. Он, конечно, давно уже представляет интерес только для истории науки, но его крайне важно было бы отыскать и сохранить как свидетельство целенаправленных усилий видного русского востоковеда начала XX века проф. Алексея Ивановича Иванова на дешифровку тангутского письма. Говоря об Иванове, следует всегда помнить и

о том, что он был не только университетским учителем Н. А. Невского, но и «крестным отцом» его в тангутоведении. Публикации Иванова, его личные связи с китайскими учеными и зарубежными востоковедами оживили работу над изучением тангутского письма.

В 1914 году в Киото Ло Чжэнь-юй опубликовал несколько страниц словаря «Жемчужина в руке…» с фотографий, полученных им от А. И. Иванова. В 1924 году

сын Ло Чжэнь-юя-Ло Фу-чан издает этот словарь полностью в Тяньцзине, опять же любезно воспользовавшись фотокопиями и материалами, предоставленными Ивановым. Работая над этими материалами и текстом «Лотосовой сутры», другой сын Ло Чжэнь-юя — Ло Фу-чан пишет статью «Краткий очерк письма Си Ся» (1914), в которой приходит к выводу, что тангутское письмо — идеографическое и что «источником создания системы письма Си Ся послужили способы образования китайских иероглифов»32. А. И. Иванов в своей работе, напечатанной на китайском языке в 1923 году, также отмечал, что «способ образования тангутских и китайских знаков одинаков» и «мы можем категорически заявить, что письмо Си Ся не азбука» 33.

И наконец, американский ученый Б. Лауфер, установивший по публикации Иванова принадлежность тангутского языка к тибето-бирманским языкам, отозвался о тангутском письме как о системе письма самой сложной, «изобретенной когда-либо человеческим умом, иероглифической, подобно китайской» 34.

Так, к началу 20-х годов нашего столетия в разное время разными учеными, зачастую независимо друг от друга, был установлен идеографический характер тангутской письменности и в общих чертах было отмечено сходство принципов ее построения с письменностью китайской. Мнение Г. Деверия о слоговом характере тангутского письма не получило подтверждения.

Мы не знаем точно, когда среди своих прочих научных занятий в Японии Н. А. Невский почувствовал интерес к тангутской проблеме. Судя по одному письму, адресат которого неизвестен (возможно, А. А. Драгунов?), это случилось в 1923–1924 годах. «В своем письме Вы называете себя beginner в области тангутоведения, но этот термин применим скорее ко мне, чем к Вам, потому что я занимаюсь языком Си Ся не более пяти-шести лет, урывками и при отсутствии

32 Л о Фу-чан. Краткий очерк письма Си Ся. — «Дай ши сюань цун кань». Шанхай. 1937, с. Юа.

33 И в а н о в. О письменности Си Ся. — «Го сюе цзи кань». Т.

I, 1923, № 4, с. 681–682.

34 B. L a u f e r. The Si-Hia language (A study in indo-chinese philology). — «T'oung Pao». Vol. XVI1,11916, с. 4–5.

материала», — писал Невский 7 февраля 1929 года36. На основании материалов, собранных Окадзаки Сэйро, можно полагать, что начало занятий тангутоведением у Невского было связано с его участием в работе «Общества изучения Востока» («Тоё гаку кай») в г. Отару. В этом обществе, основанном в 1923 году, сотрудничали нам уже известные японские ученые Янагида Кунио и Иси-хама Дзюнтаро, с ним постоянно поддерживал связь китайский ученый Ван Го-вэй.

Летом 1925 года Н. А. Невский посетил Пекин, где встретился с Ван Го-вэем и своим бывшим университетским учителем, в то время старшим драгоманом советского посольства в Китае А. И. Ивановым. Иванов позволил Невскому скопировать для изучения и публикации привезенные им из Ленинграда фотокопии с тангутских текстов с тибетской транскрипцией, текстов, обнаруженных в свое время еще В. Л. Котвичем. По мнению Окадзаки Сэйро, это событие «явилось весьма важным моментом в развитии тангутоведения»36. Позднее сам Невский писал об этом так: «Когда я летом 1925 года был в Пекине, проф. А. И. Иванов показал мне несколько фотографий тангутских… текстов с тибетской транскрипцией сбоку каждого тангутского идеог-рафа. При всем желании я не мог тогда снять фотографий с текстов, поэтому ограничился тем, что с разрешения профессора скопировал все тексты (числом семь) и по возвращении в Японию принялся за их изучение. Вскоре мною было сделано в Азиатском обществе при Институте иностранных языков в Осака краткое сообщение о своих наблюдениях». И еще. «Прошлым летом я посетил проф. А. И. Иванова, моего прежнего учителя в Петербургском университете, ныне драгомана советского посольства в Пекине. Наш разговор касался языка тангутов, которым я интересовался, и профессор показал мне несколько книг и документов, написанных на этом языке. Среди них было семь фотографий, сделанных с фрагментов буддийских, тангутских текстов, написанных курсивом, очень близким к стандартному почерку. Эти тексты были инте-

35 Адресат не указан (Архив Невского в библиотеке Тэнри).

36 Окадзаки Сэйро. Жизнь и деятельность Н. А. Невского. — «Мадо». Ежемесячный информационный бюллетень кнчго-импортной фирмы «Наука». Т. 9, 11963, № II,

ресны сами по себе. Но что увеличивало их ценность— это

тибетская транскрипция, приданная каждому… знаку… Как говорил проф. А. И. Иванов, эти фрагментарные тексты были найдены Владиславом Котвичем в переплетах тангутских книг… Эти фрагменты были разглажены, каталогизированы и сданы на хранение в Азиатский музей Российской Академии наук, где они находятся и по сей день. С разрешения проф. А. И. Иванова я скопировал эти тексты и, вернувшись в Японию, классифицировал все знаки и их транскрипцию по начальным чертам знаков, добавил китайские иероглифические эквиваленты, которые я встречал ранее и значение которых для меня было более или менее ясно. Рядом с тибетским текстом я дал китайскую транскрипцию… Параллель китайской и тибетской транскрипций значительно помогла, во-первых, в формировании моей точки зрения в отношении фонетической значимости тангутских знаков, во-вторых, она пролила некоторый свет на произношение китайских знаков Сунского периода китайской истории… Иногда я отсылаю читателя к соответствующему разделу тангутского словаря, называемого… „Гомофоны", содержание которого составляют тангутские знаки. Этот словарь, также данный мне моим проф. А. И. Ивановым, был составлен в 1132 г. тангутским чиновником по имени, или, вернее, по прозвищу Вотань или Вото»37.

Значит, Н. А. Невский активно приступил к работе над тангутскими материалами после лета 1925 года, хотя, по его личному свидетельству, он и прежде интересовался тангутским языком, возможно, что этот интерес даже мог появиться в студенческие годы. Невский был подготовлен к работе в области тангутоведения, он знал литературу вопроса и опубликованные первоисточники. Лишь этим и можно объяснить, почему он так быстро вошел в курс дела и уже через год сумел напечатать ценное исследование, сразу обратившее на себя внимание специалистов.

В одной статье, не оконченной и поныне не опубликованной, Н. А. Невский писал: «Тангутская письменность, которой тангуты, т. е. основное ядро населения

37 Н. А. Невский. Тангутская филология. Кн. I. М., I960, с. 27, 163, 164.

тангутского государства, передавали на письме свой язык, — письменность иероглифическая. Другими словами, тангуты, пользуясь тем или иным (более или менее сложным) условным письменным знаком, графически передавали на письме ту или иную идею, заключенную в моносиллабических корнях их языка, которым в произношении соответствовал вполне определенный

звуковой комплекс. Такие идеографы, или сами по себе, или в своих комбинациях, будучи заменены соответствующими им фонетическими эквивалентами, превращались в слова. Во всем вышеизложенном тангутская письменность ничем не отличалась от китайской-принципы которой несомненно оказали довлеющее влияние на изобретателя (или изобретателей) тангутской письменности».

Н. А. Невский так сформулировал задачу, стоявшую перед исследователями тангутской письменности: «Исследование тангутской письменности естественно распадается на три части: 1) выяснение идей, заключенных в отдельных письменных знаках; 2) исследование графики или анализ отдельных идеографов, другими словами, выявление тех элементов графических единиц, сочетание которых приводит к заложенной в идеографе идее, и 3) выявление того фонетического комплекса, который возникал в голове тангута при взгляде на данный идеограф». Собственно этим трем путям и следовал ученый, в разные годы работы сосредоточивая большие усилия то на одном из них, то на другом.

В науке часто бывает так, что при ясности стоящей перед ней задачи в целом на пути ее конкретного решения возникают десятки проблем, которые или разрешаются с трудом, или долго так и остаются нерешен, ными. Тангутоведение хороший тому пример.

Поставим себя на место Н. А. Невского, четко сформулировавшего проблему и пылко взявшегося за ее решение. Он стремится делать все добротно и быстро. Каждый ученый желает скорейшего получения результатов исследования и их обнародования. А Невский, как только взялся за исполнение первой части исследования — выяснения идей, заключенных в отдельных письменных знаках, — сразу понял, что ему предстоит кропотливая, нудная и часто почти техническая работа,

164)

простая, казалась бы, по сути, но… требующая квалификации доктора наук и времени, времени, времени.

Мы уже упоминали, что дешифровки тангутского письма, т. е. изобретения хитроумных способов проникновения в значение или выявления звучания тангутских знаков, не было. Собственно, в известной мере дешиф-ровщиками оказались лишь А. Уайли, Э. Шаванн, С. В. Бушель, Г. Деверия и М. Морис, которые имели дело с ограниченными по объему параллельными текстами, нащупывали пути их сопоставления и определяли чтение или значение тангутских знаков, поддающихся идентификации с известными частями понятного текста, в частности китайского.

Находки П. К. Козлова, и прежде всего словарь — учебное пособие Гулэ Маоцая, казалось, сняли эту проблему. Увы! Н. А. Невский расписал труды предшественников, словарь «Жемчужина в руке…», но… тан-гутские тексты «не заговорили». Слышалось лишь невнятное «бормотание», можно было в лучшем случае разобрать пятое или седьмое слово, а текст в целом оставался непонятен. Требовался словарь, полный каталог знаков, по возможности с наибольшим числом известных вариантов их значений.

При систематизации слов (слогов) идеографических систем письма прежде всего возникает проблема порядка размещения материала в словаре, Н. А. Невский решил эту задачу, систематизировав знаки по их левым верхним элементам. В посмертном издании его словаря написано: «Словарь составлен по ключевой системе. Таких ключей насчитывается в словаре 353. Следует отметить, что последняя из восьми тетрадей словаря состоит из более сложных иероглифов (в количестве 75), которые по своим составным элементам могли найти себе место в группах простейших детерминативов. Однако Н. А. Невский предпочел выделить их в особые группы, оставляя окончательное решение вопроса об отнесении этих знаков к какой-либо категории детерминативов для последующего исследования»38. Все написанное — ошибка. Он не располагал знаки в своем словаре «по ключам», или «детерминативам», неким графическим элементам, относящим данный знак по

38 Там же. Кн. I, с. 169.

его значению (не важно, прямо или с натяжкой, но в соответствии с представлениями времени) к какой-либо группе понятий, например о стихии воды, о травах, о земле, о человеке и т. п., т. е. так, как традиционно классифицировались китайские иероглифы в китайских, а затем и в других китайско-иноязычных словарях.

О проблеме детерминатива в тангутской письменности и о работе Н. А. Невского над ней мы поговорим позднее. Сейчас важно указать, что Н. А. Невский не располагал знаки в своем словаре по детерминативам, да и не мог сделать этого. Он поступил совершенно правильно, приняв критерии чисто формальные.

Тангутский знак, как и китайский иероглиф, как вес-образцы письменностей, созданных по образцу китайской, по форме представляет в известной мере квадрат. Если обозначить стороны квадрата по часовой

Б

стрелке через А в, то Невский систематизировал Г

знаки по повторяющимся элементам А и Б, левому и верхнему, очень возможно, под влиянием и в противовес своему коллеге О. О. Розенбергу, который предложил способ классификации китайских, а значит, и япон ских равно иероглифов в словаре по правому и нижне му элементам знака, т. е. В и Г соответственно. При кажущейся незначительности предложения Розенберга на деле это было открытие, если хотите, событие в отечественном китаеведении и японоведении. Розенбергтоже не был полностью оригинален и имел предшественника в лице акад. В. П. Васильева, впервые предложившего идею отхода от словарей по «ключевой» системе, трудной для пользования словарем, так как требовалось не только знать двести с лишним ключей, но и часто гадать, к какому из них китайцы относят тот или иной знак. Фонетический принцип не годился, особенно для начинающих, так как иероглиф «молчит», он «не читается», если ты не знаешь заранее его китайское, японское, корейское или вьетнамское чтение. Система Васильева — Розенберга была позднее усовершенствована проф. В. С. Колоколовым и используется ныне в китайско-русских словарях.

Н. А. Невский знал близко О. О. Розенберга, знал хорошо систему Васильева — Розенберга и применил их идею к тангутскому письму, приняв только за основу противоположные стороны мыслимого квадрата.

Ныне существует несколько каталогов (словарей) тангутских знаков, опубликованных в последние десять — пятнадцать лет. Японский профессор Нисида Та-цуо принял классификацию Н. А. Невского по левой и верхней сторонам мыслимого квадрата39. Порядок отбора элементов знака в пределах данного принципа мы во внимание не принимаем. Обычно в разных вариантах все следуют от простых элементов к более сложным. Собственно к системе Н. А. Невского прибегнул и М. В. Софронов в своем «Индексе тангутских иероглифов», предложив формальное деление начертательных средств знака на графемы и графические элементы и, естественно, свой внутренний порядок их следования от простого к сложному401.

Классификация по системе Васильева — Розенберга — Колоколова применена в словаре английского ученого профессора Э. Д. Гринетеда. «Порядок размещения в этом словаре знаков в их стандартном написании, — пишет Гринстед, — принят по начертанию нижних и правых черт, система, которая

уже полвека используется в русских словарях китайского языка»41.

Пятидесятилетний опыт развития науки после первых попыток Н. А. Невского формально классифицировать размещение знаков тангутского письма в словаре

39Tatsuo Nishid'a. A Study of tfte Hsi-Hsia language. Vol. II. Tokyo, 1966, с. 303-ˆ507.

40 М. В. Софронов. Грамматика тангутского языка. Кн. 2. М., 1968, с. 274–403.

41 E. G r i n s t e a d. Analysis of the Tangut Script, Scandinavian Institute of Asian Studies, Monograph Series. 1972. i№ ilO, с. 70, 72—161, 70.

Эту же схему использовали в публикациях текстов китайской классики в тангутской переводе и словаря «Море письмен» В. С. Колоколов и Е. И. Кычанов. — См.: «Китайская классика в тангутской переводе» (Лунь юй, Мэн цзы, Сяо цзин). Факсимиле текстов. Предисл., словарь и указ. В. С. Колоколова п Е. И. Кычанова. «Памятники письменности Востока>, IV, 196Б; «Море письмен». Факсимиле тангутских ксилографов. Пер. с тангутского, вступит, ст. и прилож. К. Б. Кепинг, В. С. Колоколова, Е. И. Кычанова» А. П. Терентьева-Катанского. Ч. 2, «Памятники письменности Востока», XXV, М., 1969, с. 190–266.

по сторонам воображаемого квадрата показал, что принцип его подхода оказался верным независимо от того, берется ли за основу начертание левых и верхних элементов (Н. А. Невский, Нисида Тацуо, М. В. Софронов) или нижних и правых (В. С. Колоколов, Э. Д. Гринстед, Е. И. Кычанов). Другие известные науке способы классификации (по детерминативам, фонетический) к тангутскому письму еще не применимы, а новых способов пока никто не предлагал.

Теперь мы можем твердо сказать, что Н. А. Невский первым из исследователей предложил использовать графический принцип классификации тангутских письменных знаков в их списках или словарях по сторонам мыслимого (воображаемого) квадрата. Истоки этого принципа, как уже говорилось, были чисто русскими, заложенными в системе Васильева — Розенберга — Колоколова, предложенной ими последовательно и раздельно по времени для размещения китайских иероглифов в китайско-русских словарях.

В истории этого вопроса остается только неясным, как располагал тангутские знаки в своем словаре А. И. Иванов. Это останется тайной, возможно, до тех пор, пока где-нибудь случайно не будет найден его словарь. Очень вероятно, что Н. А.

Невский был ознакомлен со словарем Иванова лично его составителем, но как он этим воспользовался, неизвестно.

Итак, словарь — научный подвиг Н. А. Невского. Как мы упоминали, он начал работу над ним в Японии. Об этом свидетельствуют отрывки из словаря, оставленные им в 1929 году в Японии перед отъездом на родину и хранящиеся ныне в библиотеке Тэнри, и даже толстые тетради торговой марки «Спальта», в которые Невский набело переписывал свой словарь.

Тэнри — маленький уютный городок в сердце Японии, недалеко от Нара, ее древней столицы. Говорят, именно в окрестностях города и долинах жили племена ямато, положившие начало японской государственности. Город живет вокруг храма «новой» религии «Тчноикё» — смеси идей и обрядности буддизма, христианства и иных культов. Здесь покоится, а точнее, «живет» сама. Мать Тэнри, основавшая более ста лет назад эту религию, приверженцами которой является немало японцев. Здесь же — частный университет Тэнри, с богатейшей и по последнему слову библиотечной техники оборудованной библиотекой. Библиотека Тэнри купила архив Н. А. Невского от частного лица, который, в свою очередь, приобрел его в антикварной лавке, куда он был продан, очевидно, в годы войны родственниками жены Невского.

Как же делался словарь Невского? Ответ прост. Путем чтения параллельных текстов, т. е. сопоставления понятного текста на известном языке, китайском или тибетском, с переводом этого текста на тангутский язык. По-настоящему этой работой Невский смог заняться только после 1929 года, после возвращения на родину, в Ленинград, где в Азиатском музее, а затем в Рукописном отделе Института востоковедения хранилась тангутская коллекция из Хара-Хото с достаточным числом тангутских текстов, переведенных с указанных языков. Трудно сказать, в какой степени Невский владел тибетским языком и когда учил его, в Японии или уже по возвращении в Ленинград, но, очевидно, владел с помощью словарей настолько, что имел возможность сопоставлять тексты.

Когда в 1926 году Невский издал «Краткое руководство к письменным знакам Си Ся с тибетской транскрипцией» (334 знака, систематизированные по левому и верхнему графическим элементам, с тибетской и китайской транскрипциями), сам Поль Пельо, теперь уже известнейший синолог мира, рецензируя эту работу в международном китаеведном журнале «Тун бао» (т. XXIV. 1926), высказал надежду, что «мало-помалу мистерия, окружавшая письменность и язык Си Ся, обещает рассеяться». Но Невский ощущает недостаток необходимого материала и просит,

а затем и получает новые тексты из Советской России.

На 1922–1923 годы в Этнолого-лингвистическом отделении Петроградского университета был объявлен курс «Японская филология», который, как предполагалось, наряду с проф. Н. И. Конрадом должен был читать и Н. А. Невский. Его стремлению на родину содействовали друзья, коллеги, бывшие учителя.

«Николай Александрович Невский родился в 1892 г. В 1910 г. поступил на факультет Восточных языков Санкт-Петербургского университета, на китайско-японское отделение. Во время прохождения университетско

го курса он выказал исключительные дарования, большую научную начитанность и серьезность научного энтузиазма. Оставленный при университете для подготовки к профессорскому званию при кафедре японской словесности, он в 1915 году командируется университетом в Японию, где и пребывает по сей день, не имея возможности вернуться в Россию, сначала из-за отсутствия средств, а затем из-за политических осложнений на Дальнем Востоке.

Судя по отчетам, усомниться в действительности которых ни один из бывших его учителей и руководителей не имеет никаких оснований, а равно, судя по отзывам столь компетентных людей, как С. Г. Елисеев, бывший преподаватель Петроградского университета, а теперь профессор Парижского университета, как покойный О. О. Розенберг, бывший профессор Петроградского университета, Н. И. Конрад, состоящий ныне преподавателем того же университета, и многих других лиц, могущих в письменной форме заверить свои слова, — успехи Н. А. Невского как в области технического усвоения языка, так и в филологической науке японо-логического типа превышают все, что-либо доселе виденное. В настоящее время он располагает огромным первоклассным научным материалом в области японской этнографии и литературы, подлежащим обработке на русской территории и в русском университете.

Точный список трудов Н. А. Невского, написанных пока на японском языке, дан быть не может, но у пишущего этот отзыв нет сомнения в том, что молодой ученый сумеет при должных условиях поделиться ими с аудиторией и сделать ими вклад в науку русского японоведе-ния…

Ввиду всего наложенного я считаю своим долгом засвидетельствовать необходимость принять спешные меры к облегчению Н. А. Невскому доступа в Россию и материального ему вспоможения на проезд, требующий расходов, не оправдываемых его более чем скромными ресурсами

преподавателя русского языка в Японской школе иностранных языков (Осака).

Профессор Китайской филологии Вас. Алексеев. 27 декабря 1922 года».

Возвращение, ко всему прочему, было не простым делом во многих отношениях, раз речь шла о мерах «к облегчению Н. А. Невскому доступа в Россию». Требовалось не раскиснуть, не отчаиваться, проявить упорство и настойчивость, чтобы идти вперед. В ту пору Невский написал такие стихи:

Да, была иная повадка, У земли другая сноровка, Если облако — мокрая ватка, И греметь-то ему неловко,

Кто вперед не знает дороги, Вспять иди в мирок инфузорий Отращивать наново ноги В аквариуме доистории.

Н. А. Невский стремился домой. Туда влекли его не только родные, Волга, морозные зимы и скупое, такое скупое по сравнению с японским северное лето, когда деревья, постройки, люди как бы тают в сумраке белых ночей, но и новые научные интересы, комнаты Азиатского музея, где хранятся бесценные сокровища памятников тангутского письма.

Письмо С. Ф. Ольденбурга от 9 марта 1927 года:

«Многоуважаемый Николай Александрович!

Позвольте очень поблагодарить Вас от имени Азиатского музея и лично от себя за книги, любезно направленные Вами для Азиатского музея… При сем направляю Вам пять фотографий, воспроизводящих сисяские тексты с тибетской транскрипцией.

В Азиатском музее имеется и сисяско-тибетский словарь из коллекции П. К. Козлова, но снять с него фотокопии затруднительно ввиду его объема.

Меня чрезвычайно интересуют Ваши работы по тан-гутике, и я буду рад получить от Вас более подробные сведения о Ваших знаниях в этой интересной области.

Искренне Вас уважающий Сергей Ольденбург.

Постараюсь что-нибудь придумать, чтобы снабдить Вас и этими материалами»42.

Письмо акад. С. Ф. Ольденбургу от 28 декабря 1927 года:

*2 Архив Н. А. Невского в библиотеке Тэнри.

«Многоуважаемый Сергей Федорович!

Поздравляю Вас с Новым годом и от души желаю всего лучшего. Собирался на будущий год распрощаться наконец со Страной Восходящего Солнца, но, не имея еще советского паспорта (ответа на мое прошение о принятии в советские граждане до сих пор нет), принужден был согласиться на

продление контракта с Институтом иностранных языков еще на год.

Прошлое лето провел (около месяца) на Формозе среди племен цоу (одно из племен формозских аборигенов), собирая материалы по языку и фольклору…

Время от времени возвращаюсь к своим занятиям тангутикой. Присланные Вами тексты с тибетской транскрипцией в общем прочитаны (за недостатком материала все еще некоторые иероглифы остаются неизвестными), но определить их (точнее, установить, переводом какого произведения они являются) пока не удается. Ясно одно, что это перевод каких-то рассуждений, входящих в группу тайных.

Посылаю Вам часть своих заметок относительно тангутских слов и попытку анализа тридцати пяти иероглифов. Как-нибудь в другой раз вышлю Вам список определенных мною детерминативов с иллюстрацией их употребления. Из высылаемого мною Вам списка проанализированных иероглифов, надеюсь, становится ясно, что тангутские иероглифы, несмотря на кажущуюся сложность, гораздо более говорят о своем содержании, чем китайские, которые явились главным образцом для составления тангутской письменности. Нельзя ли еще раз затруднить Вас просьбой о высылке мне каких-нибудь тангутских текстов, чтобы не бросать уже начатого дела.

С совершенным почтением Н. Невский».

31 декабря 1927 года Н. А. Невский писал В. М. Алексееву:

«Дорогой Василий Михайлович!

Последний день года. На улицах страшное оживление. Весь город украшен соснами и бамбуками. Завтра будет тишина, переходящая к вечеру почти в полное отсутствие жизни.

Посылаю Вам две открытки с портретом Ван Го-вэя и его последними словами, оставленными миру…

Только что закончена моя статья „О тангутских словарях" для сборника трудов к 60-летнему юбилею проф. Кано. Беспокоюсь, напечатают ли, уж больно много тангутских иероглифов».

11 февраля 1928 года Н. А. Невский был в Киотов университете на чествовании 60-летнего юбиляра профессора Кано43. Не ясно, выступал ли он с докладом, как мы уже писали ранее, Киотоский университет был не чужд ему, он преподавал в нем русский язык44. А на статье Невского «О тангутских словарях», опубликованной на английском языке в Японии в сборнике работ, посвященных юбилею проф. Кано, хочется остановиться особо.

Мы уже упоминали, что тангутские толковые словари нашел

и определил первым А. И. Иванов. Он же и ознакомил с ними Н. А. Невского. «Эти словари весьма любезно показал мне проф. А. И. Иванов, когда я был в Пекине летом 1925 года. Он взял их из Азиатского музея с собой, чтобы подробно изучить в Пекине. Однако проф. А. И. Иванов, являясь первым переводчиком (драгоманом) при советском посольстве в Китае, был перегружен различной работой. Он говорил, что с трудом находит свободное время для какой-либо научной работы, в частности для занятий тангутским. В результате перечисленные словари до сих пор не описаны подробно. Вот почему я взялся за эту работу, хотя вполне сознаю, что в моих познаниях в области тангутской письменности много пробелов» 45.

Н. А. Невский в своей статье подробно описал два вида тангутских толковых словарей — словарь омонимов, названный им «Гомофоны», что очень точно отражало и наименование словаря в оригинале: «Одинаково звучащие [слоги, слова]», и толковый словарь «Море письмен», составленный по рифмам. Не будем здесь

43 Из записной книжки Н. А. Невского за Л9Й8 г. (Архив Н. А. Невского в библиотеке Тэнри).

44 Об этом рассказывал Е. И. Кычанову проф. Танака Дзицудзо, известный японский специалист по киданям и другим народам Китая, учившийся у Н. А. Невского русскому языку.

45 Н. А. Невский. Тангутская филология. Кн. I, с. 95.

подробно описывать сами словари, интересующийся читатель может обратиться непосредственно к работе Н. А. Невского или к статье, приложенной к изданию факсимиле словаря «Море письмен» 46. Отметим другое. Поразительно, как быстро Невский квалифицированно овладел материалом. Тангутоведение как молодая отрасль востоковедения, зародившаяся на рубеже XIX–XX веков, была в то время довольно безразлична к основной специальности ученого — единственным необходимым условием для занятий вновь открытым тангутским языком были энтузиазм, трудолюбие и достаточное знание китайского языка, подкрепленное хорошим знакомством с традициями китайской и шире — дальневосточной средневековой культуры. Воздадим должное Петербургскому университету — Невский обладал такими знаниями в полной мере. Но воздадим должное и личному таланту Н. А. Невского, его трудолюбию, энтузиазму, о которых еще в 1917 году университетский профессор В. М. Алексеев писал самому Невскому 47. Именно сочетание способностей с любовью к труду и хорошей подготовкой позволило Н. А. Невскому не только разобраться в структуре

словарей, но и высказать в их описании ряд суждений о фонетическом составе тангутского языка 48, что было тогда истинным новаторством.

Н. А. Невский пытался в те далекие годы перевести и предисловие, сохранившееся в словаре «Гомофоны». Но в ту пору практически это было невозможно. Поскольку «Предисловие» к словарю до сих пор не переведено на русский, восполним этот пробел:

«Знаки письма — средство передачи звуков. Произносятся звуки, и получаются фразы. Обозревая все ценное и великое в мире, людскую мудрость и глупость, создают книги. То, что было накоплено и собрано ранее, понемногу приходит в беспорядок ||[и забывается], после чего ([из всего этого] заново используется лишь единичное, немногое. Я сам, как другие, потерял [многое из того, что знал]. И хотя тем, кто учится, добиваться знаний нелегко, но именно благодаря им ||[знаниям] есть люди, которые руководят и правят своей семьей и родней, достойные наставники, люди, способные со знанием дела служить в Императорском секретариате по управлению гражданскими делами и в Главном управлении воен-

-*6 «Море письмен». Ч. I, с. 12—ЭК

*" Архив Н. А. Невского в библиотеке Тэнри. * *ь Н. А. Н е в с к и й. Тангутская филология. Кн. I, с. 99, 105 и др.

ными делами, писать правильные и чистые по духу сочинения, собирать войска для сражений, искусно вести дела, почитать родителей и старших, быть учтивыми и вежливыми. Восточный и южный роды: Гхон (Во] и Пху [Пу] _ стали Небесной Опорой. Нгвеми Чхя-свеу [Вэймин Дэ-мин], понемногу читая книги, благодаря приобретенным небольшим, но разнообразным (познаниям], учредил Цензорат. И хотя мало было чиновников, подававших верные советы, но они были просвещенными и учтивыми. Восточный и южные роды; Гхон ([Во] и Пху ([Пу] — велики и многочисленны, прозваны богатыми талантливыми людьми, и из {них ныне] приглашены грамотные и верные люди. Они снова исправили то, что было смешано и запутано, и собрали, расположив по классам звуков, больших ([основных] идеографов — 61Q3 и вспомогательных [поясняющих] идеографов — 6230. Были назначены мастера, и им приказано вырезать ([текст этой книги] на досках для печатания, отпечатать ее и распространить по стране. Было постановлено и рекомендовано учиться то этой книге] и считать ее книгой мудрости. А ленью и нерадивостью знания не достичь» 49.

Сохранилось, хотя и с лакунами, и «Послесловие» к данному

изданию «Гомофонов», как раз то, которое в 1925–1926 годах дало Н. А. Невскому кое-какие сведения о словаре:

«Ныне легко установить, что число тангутских письменных знаков возросло [по сравнению с тем], которое [мы] находим при царствованиях предков ([наших] государей. Ради стремления к процветанию учреждено Управление по вырезыванию текстов книг на досках для печатания их способом ксилографии. ([Его] возглавили талантливые тангуты, и отпечатанные ксилографическим способом книги распространились по всему миру. Однако затем резчики досок для печатания, гонясь за ничтожной выгодой, путали знаки и изменяли их внешний облик. Другие же, будучи неграмотными и не умея правильно воспроизводить их, отделяли на доске от печатания начало [знака] от ([его] конца и смешивали их левую и правую стороны, что сбивало с толку учащихся. И │[я] Во Тхо fBan Тан], глядя на это, печалился, а потому произвел тщательную проверку '[письменных знаков]. Поскольку у меня не хватило тщания выправить прежние многочисленные несообразности и несовпадения [в написании] знаков, то пусть мудрецы не сетуют на меня, когда они обнаружат [ив этой книге] мелкие несоответствия. Закончено в шестой год девиза царствования Чжэн-дэ │[25 октября 11312 года]»50.

Н. А. Невский писал: «На двух последних страницах словаря напечатано послесловие, основная мысль которого заключается в следующем: несмотря на все усилия императора поощрять просвещение, все же из-за небрежности печатников вкрадывалось множество ошибок

49 Перевод Е. И. Кычанова.

50 Перевод Е. И. Кычанова.

в написание идеографов, и поэтому некий Ван Тан или Во Тхо… (вероятно, это имя или прозвище1—хао издателя) решил дать правильное написание идеографов в словаре. Послесловие датируется „15-й день десятого месяца шестого года Крысы эры Совершенной Добродетели", что соответствует 1132 году. После даты напечатаны еще две строки мелких идеографов, которые, насколько я могу судить, обозначают титул, общественное положение и имя автора. Из этих идеографов только пять сохранились полностью, что, естественно, исключает возможность какого-либо определенного суждения» 51.

Действительно, за «Послесловием» упомянуты Управление ревизии и контроля и знак «красный», вероятно свидетельствующий о том, что Во Тхо или кто-то из издателей книги мог быть буддийским монахом, «носящим красные

одежды». А в целом можно только удивляться, как в короткий срок Невский сумел достичь таких познаний в мертвом языке, которые позволили ему уловить суть «Послесловия» к «Гомофонам». Не случайно Поль Пельо на страницах того же «Тун бао» восторженно отозвался о новой работе Невского52. Мировое востоковедение оценило статьи Невского как серьезную заявку на решение тангутской проблемы.

В связи с этой статьей Н. А. Невского хотелось бы сказать о следующем. Хранение рукописей, отношение к рукописной книге пятьдесят лет назад было иным, чем сейчас. Тогда рукописи, зачастую уникальные, выдавали из хранилищ для работы на дом, высылали почтой в другие страны по обмену для чтения и ознакомления с ними. В действиях проф. А. И. Иванова, вероятно взявшего с собой в Пекин из Азиатского музея словари «Гомофоны» и «Море письмен», сказывалось еще традиционное отношение к рукописям и редкой книге. Однако такие действия уже не могли не вызывать нареканий. Идея строгого контроля и хранения, безусловно единственно научно правильная, начинала возобладать. Отсутствие строгого контроля и учета возбуждало кривотолки. К числу таковых относится и приписка Н. А. Невского в конце статьи «О тан-

511 Н. А. Невский. Тангутская филология. Кн. I, с. 96. 52 P. P e 11 i o t. Concerning tangut dictionaries. — «T'oung pao». Vol. XXVI, 1929, c. 407.

гутских словарях»: «Заканчивая описание тангутских словарей, я должен упомянуть' тангуто-тибетский словарь Азиатского музея АН СССР. О существовании такого словаря мне сообщил молодой китаист Б. А. Васильев, когда я был в Пекине. Когда я спросил проф. А. И. Иванова об этом словаре, он отрицал его •существование, однако непременный секретарь Академии наук проф. С. Ф. Ольденбург в письме ко мне от 9 марта 1927 года подтвердил существование такого словаря, что, таким образом, является неопровержимым фактом. Мы можем надеяться, что этот словарь (в числе многих других тангутских книг, хранящихся в Азиатском музее АН СССР) также будет издан и, таким •образом, завеса, скрывающая от нас тайны тангутского письма, исчезнет окончательно» 53.

Следовательно, бросив тень на компетентность своего бывшего учителя, Н. А. Невский в 1927 году был уверен в наличии в фонде П. К. Козлова тангутско-ти-бетского словаря. Эти строки из его статьи, с одной стороны, и до сих пор порождают запросы на тангутско-тибетский словарь, с другой же — в глубине души заставляют думать: а может быть, он был?

Через три года в Ленинграде, приступив к инвентаризации тангутского фонда, фактически став его полновластным хозяином, Невский не упоминает о тангутско-тибетском словаре, не заносит его в инвентарную опись в первых сотнях инвентарных номеров, что он сделал со всеми прочими ценными рукописями и ксилографами. Более того, в написанной в эти же годы статье «Материалы для изучения тангутского произношения», в разделе «Материалы тангуто-тибетские»54 он и словом не обмолвился о существовании тангутско-тибетского словаря. Значит, был прав А. И. Иванов и ошиблись Б. А. Васильев и С. Ф. Ольденбург или, точнее, их информаторы. Хотя в идеале не исключено, что за прошедшие три года со времени публикации статьи в Японии и возвращения в СССР словарь мог куда-то (?) исчезнуть. Думается, что среди материалов из Хара-Хото тангутско-тибетского словаря все-таки не было. Были тексты с тибетской транскрипцией, которые видел Невский и опи-

ы Н. А. Невский. Тангутская филология. Кн. I, с. 106. 54 Там же, с. 114 и др.

сал в 1926 году и которые хотел опубликовать в Ленинграде:

«Наиболее интересный материал для исследования фонетической стороны тангутских идеографов дают ныне публикуемые фрагменты тангутских буддийских текстов, где справа от каждого идеографа написано его произношение тибетским алфавитным письмом».

В архиве Н. А. Невского сохранились фотокопии этих текстов плохого качества. Но почему-то Невский тоже не занес эти тексты в инвентарь. И этих текстов до сих пор нет на месте. О путях их исчезновения можно только гадать. Они могли быть в бумагах и книгах Невского. Но, кажется, весь его архив, научный во всяком случае, передан институту. Но весь ли? Или эти тексты позднее кто-то взял домой для работы? Все этс заставляет предполагать: вдруг и тангутско-тибетский словарь тоже был? И если относительно словаря очень много сомнений — был ли? — то тексты-то с тибетской транскрипцией безусловно были. Где их оригиналы, если есть фотокопии? Этот вопрос, обращенный в никуда, тем не менее стоит до сих пор.

Есть и еще одна загадка такого рода. В той же статье «Материалы для изучения тангутского произношения» Н. А. Невский упоминает и описывает другую «пропавшую грамоту» — «рукописный список идеографов… носящий название „Драгоценные рифмы Моря начертаний" или еще более полное название „Драгоценные рифмы Моря начертаний Белого высокого Великого государства"». Рукопись эта плохой сохранности, без

конца. Книга состоит, по-видимому, из двух частей: первая — идеографы ровного тона и вторая — идеографы «восходящего» и «входящего» тонов5б. Рукопись, действительно, оказалась «плохой сохранности». Ее нет в инвентарных записях фонда и нет налицо. Где она — остается загадкой. Будем надеяться, что время поможет ее решить нам или нашим потомкам.

Итак, Н. А. Невский сразу заявил о себе как серьезный тангутовед. И ухватился он в своей работе за главное звено. Чтобы раскрыть содержание тангутских

56 Там же, с. 129.

текстов, их следовало прочесть. Чтобы их прочесть — нужен был словарь. Работа над словарем часто, по существу, практически бесконечна. Язык живет, развивается, и это прежде всего отражается в его словарном составе.

Тангутский язык (во всяком случае — письменный) — язык мертвый. Число знаков и слов, зафиксированных в сохранившихся текстах, ограниченно. Но и он дошел до нас в развитии. «Предисловие» к словарю «Гомофоны», цитированное выше, прямо говорит об эволюции тангутской письменности за сто лет ее существования. В более поздних изданиях словаря, чем издание 1132 года, некоторые знаки уже имели помету «не употребляется». Н. А. Невскому предстояло, вооружившись теми несколькими сотнями слов, которые дал словарь «Жемчужина в руке…», составить свод тангутских знаков с расшифрованными значениями их. Надежда была только на параллельные тексты и на собственную работоспособность, ибо это был долгий и тяжкий труд. Незнакомый, переводной, по предположению, текст следовало идентифицировать, т. е. определить, какого сочинения это перевод и с какого его списка или издания он сделан. Затем взять текст оригинала и читать оба текста, фраза за фразой, сопоставляя их слово в слово и определяя значения неизвестных тангутских знаков и слов по тем словам, которые они передавали, точно или предположительно, в тексте оригинала. Эта процедура когда-то хорошо была показана в фильме «Семь веков спустя» (Моснаучфильм, режиссер А. Бабаян) художниками-мультипликаторами. В предельно упрощенном виде она выглядела так: скажем, мы не знаем хорошо немецкий язык, но уверены, что фраза «Их шпрехе дойч нихт» есть перевод русской фразы «Я не говорю по-немецки». В нашем активе следующие известные слова — «я» — «их», «говорить» — «шпрехен», «не» — «нихт». Незнакомо нам слово «дойч». Заместив все известные слова, приходим к выводу, что слово «дойч» соответствует слову «по-немецки». Следовательно, «дойч» значит — «по-немецки»,

возможно «немецкий», «немец» и т. д. Это очень грубое пояснение существа той работы, которой Невский отдал более десяти лет своей жизни, заложив в итоге основы современного тангутоведения. Простая процедура, всякий сможет,

нужны только масса специальных знаний и высокая квалификация.

29 января 1928 года на собрании научного общества «Сэйангакуся», посвященном Э. Шаванну, Н. А. Невский выступил с докладом о новых материалах по тан-гутоведению, полученных из Китая от Ло Фу-чэна57. Полным ходом шла работа над словарем:

«26 января 1929 года. Дорогой Василий Михайлович!

Громадное Вам спасибо за исполнение заказа на тангутские фотокопии и отсылку его. С нетерпением жду прихода. Часть посланных фотокопий, как уже сообщал в предыдущем письме, получена, остается дополучить остальное. Надеюсь, большое количество текстов увеличит мой тангутский словарь, который уже достиг довольно больших размеров. Хотелось бы слышать Ваше конкретное мнение относительно способа составления словаря и расположения в нем идеографов… Некоторые идеографы снабжены массой примеров, у других же чувствуется недостаток, но это объясняется малым количеством текстов до сих пор… Фонетическое исследование тангутского языка и анализ письменности должны будут предшествовать словарю.

…Пишите, как встретили Новый год. Я так много лет далек от этого удовольствия, что приятно будет прочесть Ваше описание и перенестись в родную обстановку.

Ваш всей душой Н. Невский».

В Японии тангутоведением активно занялся проф. Исихама Дзюнтаро, друг и неоднократный соавтор Н. А. Невского. Они пишут совместные статьи, которые в 1927–1933 годах публикуют в различных японских журналах: «Тангутский текст „Ди цзан Пуса ань юань цзин"», «Перечень сутр из Трипитаки, переведенных на тангутский язык», «Отрывок „Праджня пара-мита сутра" на тангутской языке», «Обзор словаря „Жемчужина в руке, отвечающая нуждам времени"», «Тангутский перевод главы „Жу бу кэ сы и тун то лзиньцзе Пусянь син юань пин" из сутры „Да фан гуан

57 Из записной книжки Н. А. Невского |(Архив Н. А. Невского в библиотеке Тэнри).

фо хуа янь цзин"», «Дополнения и исправления к статье о наименовании государства Си Ся» 58.

Исихама Дзюнтаро, крупный японский ученый, позднее организовал чтение курса по тангутоведению в Осакском институте иностранных языков. Его учеником был видный лингвист, специалист по тибето-бирманским языкам и выдающийся ученый-тангутовед наших дней профессор университета Киото — Нисида Тацуо. От старого здания Осакского института иностранных языков, в котором работали Н. А. Невский и Исихама Дзюнтаро, почти ничего не осталось: здание было разрушено во время войны при бомбардировке г. Осака. В реставрированном и достроенном здании института ныне, как и прежде, учат студентов почти всем языкам мира. Институт недавно купил библиотеку покойного профессора Исихама Дзюнтаро, в которой среди прочих материалов есть и материалы по тангутоведению, а также письма от Невского и других русских и советских ученых-востоковедов.

К 1929 году Н. А. Невский стал признанным авторитетом в изучении тангутского языка. Ему пишут, у него спрашивают совета многие из тех, кто сам заинтересовался языком погибшего государства Ся.

«Глубокоуважаемый господин Невский!

Сейчас я подготовляю к печати небольшую работу, касающуюся языка лоло, один из диалектов которого я немного изучал во время моей антропологической поездки в Юньнань (в 1928 году). Естественно, я столкнулся с вопросом о языке Си Ся и, еще более естественно, очень заинтересован Вашей работой…»59.

3 июня 1929 года Н. А. Невский пишет немецкому профессору Э. фон Цаху: «Мне в высшей степени польстило Ваше обращение ко мне с просьбой помочь Вам дешифровать название тангутской сутры, фотокопии которой Вам были присланы проф. Алексеевым, что я и делаю с большим удовольствием…» 60.

и См.: Н. А. Невский. Тангутская филология. Кн. I, с. 14; Окадзаки Сэйро. Жизнь и деятельность Н. А. Невского. — «Мадо». Т. 9, 1963, № 1–2, с. 6—12.

58 Письмо С. М. Широкогорова от 20 февраля 1929 г. (Архив Н. А. Невского в библиотеке Тэнри).

" Архив Н. А. Невского в библиотеке Тэнри.

Н. А. Невский готовит второе издание текстов с тибетской транскрипцией.

В письме от 7 февраля 1929 года (возможно, А. А. Драгунову) он пишет:

«В. М. Алексеев прав, говоря, что я составляю словарь, но он еще далек от завершения. Во всяком случае, когда он через год-

два увидит свет, я его обязательно Вам пришлю… В настоящее время я подготовляю второе издание этой книжки („Краткое руководство к письменным знакам Си Ся с тибетской транскрипцией". — Л. Г., Е. К-), которое будет дополнено массой новых идеографов (где последние будут объяснены примерами) и к которому будут приложены фотографии текстов» 61.

Из статей, опубликованных Н. А. Невским в Японии по тангутоведению, следует особо отметить «Краткое исследование служебных частиц в тангутском языке» 62. Изучение забытого языка, пробуждение его к новой жизни всегда сопровождаются реконструкцией его грамматического строя. «При исследовании любого языка самым трудным является определение грамматической природы таких слов, как префиксы, суффиксы, предлоги, послелоги, союзы или частицы, модифицирующие оттенки значения, в широком значении — служебные частицы. Мы полагаем, что к этому мнению присоединится любой исследователь иностранных языков. Но если это положение относится к известным языкам, то что же мы можем сказать о языке тангутском, ныне уже мертвом, для которого не определены еще точно ни письмена, ни звуки, обозначаемые ими, ни значения. Для исследования тангутского языка еще нет даже словаря. Когда же пробуешь сопоставить параллельные китайский и тангутский переводы, то встречаешься с тем, что количество иероглифических знаков в обоих переводах не совпадает. Обычно в тангутском переводе их больше, чем в китайском. Возникает вопрос, что означает тот или иной иероглиф? Является ли он компонентом сложного слова или же служебной частицей? Подобные сомнения возникают довольно часто. Поэтому мы полагаем, что для исследователя тангутского

Там же.

Н. А. Невский. Тангутская филология. Кн. I, с. Г40—152.

языка чрезвычайно важно уточнить служебные частицы и определить их природу» 63.

Первые описания служебных слов тангутского языка были сделаны М. Г. Морисом и Ло Фу-чаном. Из десяти служебных слов, описанных в статье Н. А. Невского, семь определены правильно, значение двух — очень приблизительно, одно — не определено совсем. Кстати, функции его не ясны и по сей день. Практически в дальнейшем Невский о грамматике тангутского языка не писал ничего. Но он постоянно производил грамматические наблюдения над текстом, делал выписки примеров, короче, собирал материалы для будущей, так и не написанной им работы. Единственный тому свидетель — его

архив.

Время шло. За годы пребывания в Японии накоплены уникальные материалы, в особенности по языкам айнов и цоу, диалектам мияко. Новое страстное увлечение— тангутский язык — требовало близости к тангутским материалам. Конечно, было бы неправильно объяснять стремление Н. А. Невского вернуться на родину даже в какой-то мере только желанием работать в фондах Азиатского музея. Мы знаем сейчас Невского как прославленного в востоковедных кругах тангу-товеда. Японцы ценят его прежде всего как исследователя диалектов Мияко. А кто оценит его труды по языку цоу, которым наука еще не заинтересовалась всерьез? Да и труды Невского-айноведа не получили пока должной оценки. Не востоковед Невский, а просто русский человек Невский хотел домой, в Россию!

А день за днем, месяц за месяцем уходило драгоценное время, отдаляющее его от родины. Приезжали в командировку коллеги из Советского Союза — Е. М. Колпакчи, Ю. К. Щуцкий, А. Е. Глускина. Много времени Невский проводил с новыми друзьями. Рассказы о новой России. Смутно представлялось, какая она теперь? Неизведанное и родное. Письма тете Варе и от тети Вари. Скорее бы кончился контракт с институтом, скорее бы получить советский паспорт! Ночью он ворочается, не спит. В голове одна за другой возникают горькие строки, навеянные чтением Гейне:

63 Там же, с. 140.

Когда в ночном дыханье Молчит, но снится звук, Ко мне приходит Хайне, Певец, паяц и друг.

Приходит, легкой болью Клочки кудрей легли, И сыплет лунной солью На бестолочь земли.

Веселье хвалит ада, Бранит застой небес, И под косящим взглядом Двоятся — бог и бес!

Бог и бес, добро и зло — они всегда рядом. Посыпанная лунной солью бестолочь земли, жизнь, с ее радостями и печалями, теперь уже хлопотами о предстоящем отъезде. Дело решенное, но не простое. Н. А. Невский женат восемь лет. Его брак зарегистрирован в советском генконсульстве в Кобэ. Он сам теперь российский гражданин. В 1928 году у него родилась дочь. В записной книжке сохранилась запись: «3 мая. 7 утра. Рождение маленькой наследницы». Дочь зарегистрирована в том же генконсульстве как советская гражданка. Но у жены гражданство японское. Как быть с семьей? Как поехать вместе? Может быть, вначале одному? Как перевезти библиотеку?

Из письма Н. А. Невского проф. В. М. Алексееву от 5 февраля 1929 года:

«Вчера после двухнедельного лежания в постели (вследствие инфлюэнцы) ходил в школу и получил снова пакет с тангутскими фотокопиями… Сегодня заходил П. М. Шуйский, переводчик при генконсульстве в Кобэ, и сообщил, что Вы избраны в действительные члены Академии. От души поздравляю и горжусь своим учителем, академиком по праву.

В июле месяце (вероятно, в начале) двинусь в родные края, где смогу лично обнять дорогого академика и по-прежнему чэнши цзяо (написано по-китайски, „наставника". — Л. Г., Е, К-), впрочем, не знаю, можно ли так сказать по-китайски. Передайте мой привет и поздравления также академику Самойловичу.

Ваш Н. Невский» 64.

64 Архив Н. А. Невского в библиотеке Тэнри.

Из письма Н. А. Невского акад. С. Ф. Ольденбургу от 7 мая 1929 года:

«Многоуважаемый Сергей Федорович!

Простите, ради бога, за долгое молчание, объясняемое исключительно боязнью помешать Вам и оторвать от дела, так' как из писем проф. Алексеева и бывших здесь профессоров Конрада и Щуцкого знаю, что Вы страшно заняты и не располагаете ни минутой свободного времени.

Благодаря Вашему разрешению и любезности проф. Алексеева, Азиатский музей снабдил меня кое-какими материалами для продолжения начатых занятий над расшифровкой тангутской письменности и тангутского языка вообще. Последний присыл тангутских фотокопий меня особенно порадовал, так как заключал в себе полностью тангутский перевод „Арья масахасра прамардани нама махаяна сутра", первой сутры из „Сборника пяти защит" [Панча ракша], который, если не ошибаюсь, Вас когда-то интересовал. Ценность данного тангутского перевода заключается в том, что он сделан не с китайского языка, а с тибетского, что, с одной стороны, опровергает мнение, что все тангутские переводы сделаны с китайского, а с другой стороны, для изучающего тангутский язык дает ключ к расшифровке тангутской грамматики, которую подчас невозможно выяснить только на основании текстов, переведенных с китайского. Обилие же дхарани в данной сутре помогает установить более точное произношение тангутских идеографов. Мною намечено с помощью японских друзей издать эту сутру в Японии, окружив тангутский текст текстами санскритским, тибетским и монгольским, которые, к счастью, все

здесь имеются. Удастся ли осуществить этот проект, покажет будущее, но, во всяком случае, постараюсь.

Главной помехой для занятий последнее время является то, что собираюсь ликвидировать свое долголетнее пребывание в Стране Восходящего Солнца и направить лыжи назад, в Ленинград. Это уже вопрос решенный, и даже наметил оставить благословенные берега Японии в самом начале августа, чтобы в двадцатых числах быть уже «дома».

За долголетнее сидение в Японии у меня скопилась довольно большая библиотека, которую совершенно не знаю, как переправить. Если бы Вы были так любезны и разрешили мне направить всю библиотеку в Азиатский музей, был бы Вам страшно признателен. В благодарность я мог бы часть библиотеки пожертвовать Азиатскому музею. Хотелось бы, конечно, иметь какую-нибудь официальную бумагу, чтобы меня не беспокоили на каждой таможне и не заставляли распечатывать ящики. Если Вы, конечно, ничего не имеете против, будьте любезны, распорядитесь, чтобы мне выслали такую бумагу.

По возвращении в Ленинград мне лично очень хотелось бы продлить занятия тангутикой, и в данном отношении, я надеюсь, что Вы мне поможете это сделать.

Остаюсь с совершенным почтением Ник. Невский».

В Ленинграде Н. А. Невского ждали работа и друзья. Из письма Н. И. Конрада Н. А. Невскому летом 1929 года:

«Дорогой Николай Александрович!

Вероятно, это будет последнее мое письмо Вам в Японию до Вашего отъезда сюда. Пишу это затем, чтобы дать Вам последние советы. Вначале только скажу, что Ф. И. Щербатской готов Вас в любую минуту взять в свой буддологический институт… Я с ним говорил еще раз, и он заявил, что Вас „хорошо знает и ценит". В Университете Вы прошли и часы ждут Вас…»65.

В довершение всего Н. И. Конрад в случае нужды даже в его отсутствие (он намеревался съездить к родителям в Орел) предлагал Невскому поселиться временно у него.

Н. А. Невский возвращался на родину уже как известный и сложившийся ученый, и заботами его бывших учителей, коллег и друзей его ждал в Ленинграде «и стол и дом».

Архив Н. А. Невского в библиотеке Тэнри.

Ленинград

Из автобиографии Н. А. Невского: «Осенью 1929 года по приглашению академика В. М. Алексеева, профессора Н. И. Конрада я, наконец, вернулся в Ленинград, где тотчас же был зачислен в качестве доцента, ЛГУ и ЛВИ. В 1930 году стал работать по приглашению покойного академика С. Ф. Ольденбурга в Институте востоковедения АН СССР. С 1934 года работаю также в Госэрмитаже (в секторе Востока)».

Этот документ лучше других вводит нас в суть перемен, происшедших в жизни Н. А. Невского в 1929 году, и вставших перед ним проблем.

Далее. «Слишком большая исследовательская и преподавательская нагрузка заставили меня в 1936 году отказаться от преподавания в Ленинградском восточном институте (ЛВИ), во всех же остальных учреждениях продолжаю работать в качестве профессора и ученого специалиста (ИВАН).

Никогда не служа в армии, по возвращении в СССР должен был пройти военно-медицинский осмотр, после которого был признан негодным для военной службы.

Еще в бытность мою в Японии я женился на Мантани Исо, дочери крестьянина-рыболова из деревни Ирика на острове Хоккайдо. От брака у нас родилась дочь Елена, которой в мае месяце сего года исполнилось восемь лет. Жена моя, приехавшая в СССР в 1933 году, еще не умея говорить по-русски, сразу же поступила на советскую службу в качестве ассистента по японскому языку в ЛВИ. В настоящее время она работает в ЛИФЛИ и в Толмачевской Академии».

183.

Семейные дела Н. А. Невского в 1930–1933 годах оказались осложненными. После его отъезда из Японии власти вычеркнули Мантани Исо из числа японских подданных на том основании, что она жена иностранца, когда же она заявила о своем желании поехать в СССР, ей отказали в выдаче паспорта. Переводить деньги на содержание семьи из Ленинграда в Японию Невский не мог. Вот как сам Невский писал 16 мая 1931 года в комиссию при ВЦИКе: «Ввиду малолетства моей дочери 1 (в момент моего отъезда ей был год), из-за чего было рискованно в начале зимы везти ее в длительное путешествие, а также ввиду невыясненности моей жизни в СССР (главным образом квартирной), я оставил семью в Японии с тем, чтобы привезти ее через год. Летом 1930 года я подал соответствующее заявление в Иностранный отдел Ленинградской области, но в разрешении на

поездку мне было отказано… Между тем средства, которые оставались у моей жены, через год стали подходить к концу. В силу действующих… законов о переводе денег за границу я лишен возможности поддерживать семью. Жена же моя, по профессии учительница музыки (игры на японском инструменте бива), ввиду растущей безработицы в Японии не могла получить работу, бедствовала и дошла до того, что ей пришлось прибегнуть к неподходящему для нее источнику существования, а именно — открыть биллиардную. Это пока ей дает возможность кое-как перебиваться.

Кроме того, как жена советского гражданина, она находится в неопределенном юридическом положении и подвергается постоянным притеснениям со стороны японской полиции. По условиям японского законодательства и быта, для принятия тех или иных мер по урегулированию ее юридического положения мое присутствие и личное согласие является необходимым. Так как связь поддерживать трудно (письма часто пропадают) и так как я лишен возможности удовлетворительно объяснить жене причину, по которой мне не была разрешена поездка в прошлом году, жена мне не верит, считая, что я просто сам не желаю приехать, не желаю писать, т. е. ее бросил. Ввиду этого она настойчи

1 Дочь Н. А. Невского Елена Николаевна Невская — врач; живет в Ленинграде.

во просит меня приехать, хотя бы для того, чтобы взять с собою ребенка, которого она не в силах содержать и который в японских условиях не может получить надлежащего воспитания. Это является и моим горячим желанием».

Н. А. Невский после 1929 года Японии не посещал. Его семья с помощью советских представителей приехала к нему в 1933 году.

Как это и было принято в те годы, Н. А. Невский получил работу сразу в четырех местах.

В 1929–1930 годах Н. А. Невский — доцент Ленинградского Восточного института. Заведующим кафедрой был проф. Н. И. Конрад. Невский преподавал там японский язык и совместно с Е. М. Колпакчи составил и опубликовал два учебных курса — «Начальный учебник японского разговорного языка» (1933) и «Японский язык. Начальный курс» (1934). Работал Невский в Восточном институте до 1936 года.

1 ноября 1930 года Н. А. Невский зачислен на должность сотрудника первого разряда Института востоковедения АН СССР. С февраля 1934 года он переведен на должность старшего

специалиста, в которой и проработал до 1 октября 1937 года.

В Ленинградский университет Н. А. Невский был зачислен сразу же по возвращении в 1929 году в должности доцента, затем профессора и проработал там до 1937 года. В Государственном Эрмитаже Н. А. Невский работал с 1-го ноября 1934 года по 10 декабря 1937 года совместителем, в Секторе Востока — с 1934 года в должности профессора, переименованной с 1935 года в должность действительного члена. В Эрмитаже Невский был также членом квалификационной комиссии по присуждению ученых степеней.

Итак, Н. А. Невский наконец-то вернулся на родину. Он еще не сотрудник вновь образуемого Института востоковедения АН СССР (с апреля 1930 года), но ему практически уже открыты для работы фонды Азиатского музея. Перед ним почти не тронутая, если не считать отдельных несистематических изысканий А. И. Иванова и А. А. Драгунова, лежала обширная тангутская библиотека, грязные, рваные книги, как будто только что извлеченные из земли и от этого еще более притягательные и таинственные. Пока Иванов и Драгунов нашли и предали гласности очень немногое, но самое впечатляющее, самое интересное. Труды Иванова уже упоминались нами. Молодой китаист и талантливый лингвист Драгунов заинтересовался тангутским языком во второй половине 20-х годов. В 1929 году он публикует статью об одной из особенностей китайской транскрипции тангутских знаков в словаре «Жемчужина в руке…», а также разбирает книги тангутского фонда. Результаты его изысканий вместе с первыми итогами работ Невского над фондом и работой, выполненной китайским тангутоведом Ван Цзин-жу, публикуются в 1930 году в специальном бюллетене Пекинской национальной библиотеки, посвященном тангутоведению2. Возвращение Невского из Японии, возможно, послужило в известной мере причиной отказа Драгунова от продолжения работы над тангутским языком. Невский приехал как автор ряда трудов по тангутоведению, снискавших ему славу лучшего специалиста в этой области, как человек, по убеждению его учителей и покровителей, академиков С. Ф. Ольденбурга, В. М. Алексеева и проф. Н. И. Конрада, единственно способный открыть миру тайну загадочных тангутских письмен. И вот эта создавшаяся вокруг Невского атмосфера, вероятно, и побудила Драгунова прекратить работу над тангутским фондом. Драгунов вернулся к работе над тангутским фондом только в 1938 году, но, судя по тому, что дошло до нас, дальше выполнения обязанностей инвентаризатора уже не пошел.

Итак, перед Н. А. Невским была почти целина. Надо отдать

ему должное: он смело взялся за дело. Черная, нередко просто грязная работа требовала и высокой научной квалификации. Взять книгу на плохо изученном языке, определить ее, а если это перевод, определить, с какого языка и сочинения он сделан, — дело нелегкое. Обычно эта сторона деятельности ученого остается в тени. Но особенно нужно подчеркнуть решающую роль Невского в освоении тангутской коллекции из Хара-Хото. Именно он положил начало систематическому разбору и изучению коллекции. Он

2 Lists of Hsi-Hsia Works in the Asiatic.Museum of Academy of Sciences, Leningrad, USSR… by A. A. Dragunov, N. A. Nevsky and Wang Jing-ju — «Bulletin of the National Library of Peiping», 1930 (issued,1932), vol. 4, № 3, c. 367-ˆ388.

первым занялся составлением научного инвентаря фонда. И работа эта над фондом была его подлинно научным подвигом. Если справедливо, что уникальность памятников и оригинальность проблемы упрочили славу Невского как ученого-востоковеда, то правда и то, что, дабы распознать эти памятники и разобраться в них, нужно было такое содружество недюжинных способностей и целеустремленного, полного энтузиазма трудолюбия, каким обладал Невский. Разбирая фонд и составляя инвентарь, Невский старался глубоко проникнуть в содержание памятника, осмыслить его место среди уже известных произведений тангутской письменности. Лишь тот, кто знаком с архивом Невского, может понять, каких трудов это стоило. Архив изобилует выписками из отдельных частей, а иногда даже и просто строк из различных тангутских сочинений или переводов на тангутский язык, которые Невский расшифровывал или предполагал расшифровать. Он читал переводные тексты буддийского и небуддийского содержания, ежедневно пополняя словарный запас, каждый раз с завидным упорством делая все новые и новые шаги к полному пониманию трудного тангутского текста.

В итоге восьмилетней работы над фондом Н. А. Невский выделил из общей массы рукописей и ксилографов и впервые определил подавляющее большинство наиболее ценных памятников. Несмотря на то что в количественном отношении Невский успел засвидетельствовать лишь восьмую часть от общего числа рукописей и старопечатных тангутских книг, но та тысяча книг, которую он за эти годы обработал, включает в себя почти все, чем может гордиться ленинградское собрание памятников тангутского письма. Отличное знание восточных языков, богатая эрудиция и исключительная работоспособность,

качества, присущие личности Невского, о которых говорилось уже не раз, помогли ему именно в эти трудные годы не только стать специалистом, не имеющим себе равных в знании тангутского языка и письменности, но и заложить фундамент, без которого в дальнейшем успешная работа над тангутским фондом была бы невозможной3. Все те, кто в последующие го

3 См. Тангутские рукописи и ксилографы, сост. З. И. Горбачева, Е. И. Кычанов, М., 1963, с. 7—30.

ды занимался разбором и инвентаризацией фонда — А. А. Драгунов, З. И. Горбачева, Е. И. Кычанов, А. П. Терентьев-Катанский, — неизменно опирались на богатое наследие Невского, заключавшееся в образцово написанных им инвентарях. Каждая запись в инвентарь, сделанная Невским, являла собой маленькое исследование. Составление каталога рукописей и ксилографов у него было непосредственно связано с их дешифровкой, как это было записано в плане его работы.

Н. А. Невский вернулся на родину в годы завершения организационного оформления нового, советского востоковедения. Это было бурное, напряженное время. И Невский, человек такой высокой научной квалификации, был не просто сотрудником четырех учреждений, он работал над самыми разными темами: от истории Содзы и Гондзы — первых японцев, начавших в XVIII веке преподавание в России японского языка, — до «Документов японских „пролетарских партий" и влияния советского политического языка на политический язык современной Японии»4. Однако тангутоведе-ние остается за ним и воспринимается им самим и окружающими как главная тема его работы в Институте востоковедения.

Н. А. Невский с головой погружен в работу.

«Азиатский музей Академии наук Союза Советских Социалистических республик

1 марта 1930 года. № 8

Многоуважаемый Николай Александрович!

Коллегия востоковедов при Азиатском музее АН СССР, желая воспользоваться просвещенным участием Вашим в работах своих на заседании 27 февраля 1930 года, избрала Вас своим действительным членом.

Доводя до сведения Вашего о постановлении Коллегии, прошу принять уверения в глубоком моем уважении.

Секретарь Коллегии востоковедов академик Б. Я. Владимирцов».

* См.: Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения. М., 1972, с. 49–54, И 89—190.

Созданная в году при Азиатском Музее Коллегия востоковедов была авторитетнейшим органом русского советского востоковедения, объединявшим лучшие востоковедные силы страны. И хотя в 1930 году она доживала свои последние дни, избрание в ее действительные члены было очень почетно.

Друзья и учителя помогли Н. А. Невскому с жильем (он жил у акад. В. М. Алексеева, по ул Блохина, д. 17/1, кв. 5). Они с радостью приняли его в свою среду, обеспечили работой, гарантировали необходимую общественную поддержку его занятиям тангуто-ведением, ибо квалификация Невского как японист а в рекламе не нуждалась, а доказательств необходимости изучения Японии не требовалось.

На майской сессии Академии наук 1930 года акад. В. М. Алексеев выступил с большим докладом «Об организации изучения тангутского фонда Азиатского музея в связи с новейшими успехами китайской историографии». Академик Алексеев отметил, что положение с изучением тангутского языка в Академии наук СССР, где имеются наиболее благоприятные факторы для этого, «удовлетворяет менее, чем обязывает». «Наш долг перед мировой наукой требует, чтобы мы создали, как давно не производили, нечто полезное для мировой науки — во всех странах интересуются тангутским шрифтом». В. М. Алексеев ставил вопрос широко — тангутский язык, записанный идеографическим письмом, транскрибируемый китайской иероглифической письменностью, трудно поддается дешифровке: «Во всяком случае, тупик совершенно ясен. Наши шамполио-ны знают только цифирь, шрифт плюс его иероглифический эквивалент». И словарь «Жемчужина в руке…» дает только «шрифт плюс китайское письмо». «Языка нет… одно через другое, иероглифы одни через другие». Имя Н. А. Невского упомянуто в докладе только раз. В. М. Алексеев предлагал широкие меры к восстановлению забытого тангутского языка. Главная из них, по его мнению, организация этнолингвистической экспедиции на бывшую территорию тангутского государства Ся в поисках возможных потомков тангутов Ся, носителей живого языка, хотя и видоизмененного временем. «Надо обратиться к помощи живых потомков тангутов со словарем, который имеется у Невского, и при этом можно многое твердое и определенное найти, во всяком случае иметь определенную канву». Принимавший участие в дискуссии по докладу А. В. Луначарский высказался за экспедицию: «Следует поставить вопрос об экспедициях совершенно практически, экспедиции совершаются на место для того, чтобы исследовать вплотную язык, как тангутский, так и

язык родственных ему наречий».

Справедливость многих суждений акад. В. М. Алексеева мы еще сумеем оценить ниже.

Для Н. А. Невского этот доклад был очень важен: его исследования оказались предметом обсуждения на самом высоком академическом уровне, а тангутоведе-ние — в ряду важных задач советской гуманитарной науки, требующих решения.

Тема Н. А. Невского была включена в пятилетний план работы Азиатского музея — Института востоковедения АН СССР на 1930–1934 годы. В плане, в частности, говорилось: «Содержание подавляющего большинства тангутских рукописей и особенно фрагментов до сих пор еще не установлено, поэтому систематизация и составление каталога рукописей непосредственно связаны и должны идти параллельно с их расшифровкой. В связи с этим в пятилетний план включаются работы по составлению — на основе имеющихся в Азиатском музее материалов — возможно полного тангутско-рус-ского словаря. Без такого словаря содержание тангутских рукописей будет доступно лишь крайне ограниченному количеству специалистов-тангутологов. Составление этого словаря возможно лишь здесь, в Ленинграде, так как тангутская коллекция Азиатского музея — единственная в мире». Установить сроки по составлению словаря не представлялось возможным, так как они находились в прямой связи с тем, насколько быстро могла пойти расшифровка и систематизация материала.

Китайский кабинет Института востоковедения (институт тогда полностью находился в Ленинграде) был вначале (1930) назван Китайско-тангутским и именовался так до 1932 года. Н. А. Невский был его сотрудником. В его личном плане работы на 1931 год «по тан-гутике» значилось: «1) Точное выяснение (определение) тангутского фонда. До сих пор были определены главным образом переводы буддийских сутр. Сейчас остается выяснить чисто тангутский фонд и переводы с китайского. 2) Подготовка к печати тангутского словаря. Работа абсолютно необходимая, так как иначе тангут-ские рукописи будут продолжать оставаться недоступными как для научных работников, так и для более широкого круга лиц, интересующихся Востоком».

Н. А. Невский хочет оправдать доверие и скорее решить «тангутскую проблему». В 1931 году в его списке работ указан «Тангутский идеографический словарь» в стадии приготовления. Он много, даже слишком много работает. Лето 1932 года. Невский в городе, чувствует себя плохо. Японистка Н. Г. Иваненко

писала ему 10 августа: «Как ни хорошо Вы поработали над почтенной тангутикой, но гораздо бы лучше Вам с первого же августа уехать из Ленинграда. Самое лучшее время Вы просидели в городе в пыли и духоте». Из ее следующего письма, от 16 августа, ясно, что Невский в своем ответе ей не жаловался на судьбу и тем более на работу.

«Дорогой Николай Александрович!

Вы все-таки отозвались. Но я знаю, каких это Вам трудов стоит. Да и тангутика — это очень важно и извинительно. Очень рада за Вас, что Вам удалось поработать с увлечением и со „вкусом" и так плодотворно. Отсылаете ли Вы Вашу статью в Китай? Мне это очень интересно. Жаль только, что Вы совсем не отдыхаете».

Н. А. Невский ставит занятия тангутской письменностью и фондом на первое место среди прочих своих научных работ. Читаем записку на имя акад. С. Ф.Оль-денбурга от 10 декабря 1932 года:

«Многоуважаемый Сергей Федорович!

В ответ на Вашу просьбу сообщить Вам некоторые данные о моих научных интересах и занятиях считаю своим долгом сказать, что мои основные интересы — лингвистические по преимуществу. С этой точки зрения мною разрабатывается тангутская письменность и язык (составляется тангутско-русский идеографический словарь), а также многие вопросы морфологии и синтаксиса японского языка и исследуются японские диалекты, в частности архаические диалекты современного рюкю-ского языка, находящегося в тесном взаимоотношении с японским.

Помимо чисто лингвистических интересов я занимаюсь довольно много вопросами фольклора, в частности японского, рюкюского и айнского (и отчасти туземцев Формозы).

С совершенным почтением, всегда готовый к услугам

Н. Невский».

Н. А. Невский спешит. Только работе по тангутоведению он отдает шесть-десять часов в сутки, об этом свидетельствуют остатки сохранившихся его «карточек рабочего времени». Но работа идет медленнее, чем хочется. Причин тому много. Главная — горы материала. Как бескрайняя степь перед путником, перед ним лежали стопы книг, рукописных и печатных, и каждая из них требовала особого внимания. Скоро он поймет, что нужен не штурм, а осада, долговременная, хорошо организованная.

С 1932 года Н. А. Невский работает в Японском кабинете. Темы по японистике обширны и не менее трудоемки. Он редактор «Японско-русского словаря». Он преподает в Ленинградском восточном институте и в университете. Он руководит

аспирантами в Институте востоковедения. Он — сотрудник Эрмитажа. Кроме того, он член Общества воинствующих безбожников и ежегодно принимает в дополнение к плану ударные обязательства. Можно только удивляться: сколько же сделано им за эти годы! И как широк круг его занятий! Об этом можно судить хотя бы по докладной записке Н. И. Конрада, рекомендовавшего Н. А. Невского в старшие специалисты Института востоковедения Академии наук:

«Н. А. Невский является первоклассным представителем японской лингвистики. В отличие от европейских японоведов он исключительно широко раздвинул области своего исследования, направив свое научное внимание на японскую диалектологию, явившись примером даже для Японии в изучении отдельных говоров рюкюского языка. Его работа в этой области должна пролить свет Не только на структуру современного Языка, но и на историю его развития. Лингвистические занятия Н. А. Невский сочетает с этнографическими исследованиями, опять-таки являясь в этом отношении в первых рядах японской науки (школа проф. Янагита).

Лингвистические работы привели Н. А. Невского к занятию языком айнов, где Н. А. Невский собрал еще никем не записанный женский героический эпос и вообще целый ряд материалов по айнскому фольклору. Особенно ценно во всех работах Н. А. Невского то, что они основаны на самостоятельно собранных на месте материалах (о-в Рюкю, о-в Хоккайдо, отдельные районы Японии).

Помимо этого, Н. А. Невский является одним из очень немногих вообще в мире исследователей тангутского языка и письменности, сделав больше, чем другие, в расшифровке иероглифов этих памятников и восстановлении фонетической стороны их.

Все это заставляет считать Н. А. Невского одним из самых квалифицированных и авторитетнейших работников Института востоковедения.

Заведующий Японским кабинетом Н. Конрад». 20 февраля 1934 года.

В 1933 году приезжает из Японии жена с дочерью, налаживается домашний быт, но в сутках всего 24 часа, а сделать хочется так много, требуют и ждут реализации накопленные в Японии материалы, нет времени для работы с новыми теоретическими исследованиями в области лингвистики, для осмысления привезенных с собой материалов. Такова была жизнь тех лет.

Архив Н. А. Невского не только великий памятник его

трудолюбия и, по словам В. М. Алексеева, «серьезности научного энтузиазма», но и печальное зрелище огромных нереализованных возможностей большого ученого и труженика.

Н. А. Невский действительно чутко улавливал новые направления в науке. Будь его труды изданы в 30-х годах, они уже тогда прославили бы советскую науку. Современные айноведы (когда айнов остались единицы) с удивлением узнают о Невском-айноведе, собравшем пятьдесят лет назад оригинальнейший материал. Японская наука сразу оценила работы по Мияко.

И сколько осталось неизданным до сих пор! А японское языкознание плохо знает Невского-диалектолога, знатока языка и фольклора архипелага Рюкю. Его работы над языком цоу, языком полинезийской группы, пока еще не оценены ни у нас, ни за рубежом. И тому есть оправдание: материалы большей частью не изданы и издать их трудно, ибо по-настоящему они не подготовлены автором к изданию. Не успел? Да, не успел. Но были и другие беды — многотемье, разбросанность, отвлечение от дела, хотя и с самыми благими целями.

Знания внушают почтение. Окружающие испытывают необходимость приведения в соответствие знания и звания. 11 ноября 1934 года группа академиков-востоковедов по инициативе В. М. Алексеева подает в Академию наук СССР «Записку о предлагаемом нижеподписавшимися к избранию в действительные члены АН СССР профессора Николая Александровича Невского». Мы не будем цитировать обширный текст этой записки полностью, но, следуя принятому нами принципу документальности, приведем все же несколько небольших отрывков. Подлинный документ эпохи, сохранивший в своих строках аромат времени, часто рассказывает больше, чем самое изысканное изложение его. Итак, за что коллеги выдвигали Н. А. Невского в академики через пять лет после его возвращения на родину? За то, что «благодаря своим исключительным научным качествам Николай Александрович выработал из себя крайне редкий для японистов-неяпонцев тип исследователя наиболее трудных и редко стоящих на очереди этнографических и лингвистических проблем, при этом не тех, что выглядят наиболее эффектно в японо-логической информации для неспециалистов, но именно тех, которые занимают японских исследователей, вследствие чего, обращенные именно к этой аудитории, его работы чаще всего написаны на японском языке, которым он владеет в совершенстве, являя нам пример редкого овладения стихией иностранного языка вплоть до полного ее индивидуального претворения в родной язык»; «Едва ли не более

всего он оригинален в своих занятиях тангутским письмом… увенчивающихся ныне составленным им первым тангутско-русско-английским словарем… который ждет только печатания». В тангутском фонде Невский «обнаружил доселе неизвестные и,

по-видимому, нигде не имеющиеся тексты, в особенности небуддийские, дающие научному поиску больше всех прочих»; «Наконец, руководство новыми для Эрмитажа собраниями по тангутско-китайскому искусству могло быть вверено только ему»; «Итак, принимая во внимание, что в лице Н. А. Невского мы имеем, во- первых, первого в СССР знатока японского языка, как него диалектов, языка цоу, языка айнов и тангутской письменности и, кроме того, первоклассного китаиста, во-вторых, знатока японского языка, овладевшего им, как стихией, в-третьих, методологически зрелого исследователя научных этнографических и лингвистических (чаще всего соединенным подходом) проблем, весьма далеких от информационного показа, в-четвертых, исследователя, изобилующего исключительными материалами, которому должна быть предоставлена полная возможность этот материал опубликовать, мы, нижеподписавшиеся действительные члены Академии наук СССР как свидетели научной деятельности и научной квалификации профессора Николая Александровича Невского, считаем своей обязанностью представить его к избранию в действительные члены АН СССР по востоковедению».

Н. А. Невский не был избран в академики. Данное представление писал В. М. Алексеев. Академик Алексеев любил Невского, возможно, как никого из своих учеников, хотя Невский и не работал как китаист, будучи при этом, по оценке Алексеева, «первоклассным китаистом». И как жаль, что Алексеев не дожил до опубликования хотя бы части трудов Невского, об издании которых он так хлопотал, не дожил до присуждения Невскому посмертно Ленинской премии.

К 1935 году Н. А. Невский смог подготовить для широкой аудитории сообщение о составе тангутского фонда Института востоковедения. 20 марта 1935 года по заданию дирекции этого института на сессии Академии наук Невский выступил с докладом «Тангутская письменность и ее фонды». К этому докладу он особенно тщательно готовился. Надо было подвести итог тому, что сделано, определить пути дальнейших исследований.

…Зал — маститые академики и молодежь — смотрел на него с настороженным любопытством. Н. А. Невский начал с истории тангутского народа. Слушали со вниманием, но без подъема.

Зачитал первые строки из расшифрованной им тангутской оды:

Черноголовых каменный город на берегу вод пустыни, Краснолицых отцовские курганы в верховьях Белой реки, Длинных минья страна там находится. Народ там талантливый, высокий, в десять футов

ростом люди…—

и почувствовал, как легкая волна возбуждения пробежала по залу. Он излагал свое толкование отдельных мест оды и ощущал, как церемониальная торжественность стиха, его эпически суровая простота увлекают зал.

Батюшка Рату, сам хотя и ростом был невелик,

но необыкновенно мудр, В то давнее время, малое делать не соглашаясь,

замысел великий таил… Наша матушка Ама — стала рода истоком, Серебряное чрево, золотые груди,

Хорошее семя не прерывается и носит название Нгвеми…

Оду в честь великого учителя Ири, создателя тангутского письма, приняли аплодисментами:

Тибетец, китаец и мй[тангут] — у всех троих мать одна,

Несходство речей у них — раздельность земель дала.

На западе дальнем стоит край высокий Тибет,

И в этом тибетском краю — тибетские знаки письма,

На крайнем востоке лежит в низинах страна Китай,

И в этой китайской стране — китайские знаки письма,

У каждого свой язык, и каждый любит его,

Почтенье к своим письменам питает и тот и другой.

У нас же в нашей стране великий учитель Ири,

На небе звезда письмен — с востока она взошла,

Письмо принеся с собой, она озарила закат.

Набрав себе тысячи три и семьсот студентов,

их выправил всех, Среди областей всей страны не сыщешь теперь такой, где бы

море наук ни подносили они, Под небом великим у нас читаются книги свои

и собственный свой этикет, Не шли за Тибетом, и что ж? — пред нами склонился Тибет! На суше-земле у нас дела свои сами вершим —

и свой государственный чин. Не подчинились Китаю, и вот — преклонился пред нами

Китай!..

В различных приказах у нас среди штата чинов

Приказных чиновников больше всего из минья [тангутов],

О всем этом ныне подумайте Вы!

Раз то не заслуга учителя, скажите же — чья?

Когда читаешь эту оду в переводе Н. А. Невского, затем читаешь ее в подлиннике, то невольно удивляешься двум «точно»: тому, как точно Н. А. Невский перевел в 1935 году эту оду, фактически всего через десять лет после начала своих занятий мертвым тангутским языком, и тому, как точно он передал по-русски ритм и настроение оды, отраженный в ней подъем, взлет самобытной тангутской культуры, маленького народа, зажатого с востока и запада двумя гигантами — Китаем и Тибетом, не нынешним, а Тибетом тех лет, и нашедшим силы создать свое государство, свою письменность и свою письменную культуру. Невский передал аудитории оптимизм народа, запечатленный в своеобразном сочинении «Крупинки золота на ладони»:

Тангуты смело и бодро идут вперед, Кидане ступают медленным шагом, Тибетцы большею частью чтут будд и монахов, Китайцы же все любят светскую литературу.

Проблема быстрого и надежного обучения грамоте возникла вместе с письмом как важнейшая культурно-историческая задача. И решалась эта задача для каждой письменности, каждым народом, язык которого эта письменность отражала. «Уши мальчика на его спине» — эту истину любили повторять учителя древнего Египта, но одной палкой, какой бы прочной и гибкой она ни была, никогда нельзя было добиться того, чтобы дети быстро, а главное, с охотой, увлечением постигали великое искусство письма. Детей нужно было заинтересовать, а сам процесс обучения грамоте объединить с передачей начатков полезных знаний. Для этого требовалась не только убежденность учителя в том, что, как писал безвестный древнеегипетский поэт, «книга нужнее построенного дома» и «книга лучше расписного надгробия», но и уверенность ученика в том, что «аз буки веди, глаголь добро». А эта уверенность приходила не сразу и не ко всем. Чтобы обрести ее, и в древности и в наши дни во всех странах мира составляют занимательные азбуки и такие подборки письменных знаков первой необходимости неалфавитных систем письма, в которых изучаемый материал подавался бы в увлекательной и высокопоэтичной художественной форме. Эту задачу решали и решают педагоги разных стран, и

именно благодаря их трудам, например, знаки японского слогового письма объединяются в древний стихотворный алфавит ироха, а буквы церковнославянского алфавита приобретают живую ощутимую плоть, складываясь в запоминающийся нравоучительный текст.

Это всегда была нелегкая задача, ибо в руках архитектора

было ограниченное количество материала, ни один кирпич не походил на другой, а построенное здание должно было быть и гармоничным и прекрасным и, кроме того, не лишено определенного смысла.

В XI веке такая задача встала и перед деятелями тангутского просвещения. Вслед за «великим учителем Ири», создавшим тангутское письмо, они вынуждены были искать пути к скорейшему обучению этому письму. И в данном случае тангутские просветители нашли нужные образцы у своего соседа. В первой половине VI века тысяча китайских иероглифов, признанных наиболее необходимыми, по преданию, была за одну ночь зарифмована Чжоу Син-сы в единую поэму, получившую название «Цянь цзы вэнь» или «Тысячесловие». После этой ночи голова Чжоу Син-сы стала совершенно белой, но старания его были вознаграждены тем, что более тысячи лет его труд изучали школьники во всех уголках огромной страны.

Безвестному тангутскому автору потребовался год, чтобы составить свое «Тысячесловие». «Если люди неграмотны, — писал он, — они не в состоянии вести дела, а если они не знают законов и правил церемониала, то совершают ошибки и преступления. И тех, с кем это случается, много. Ныне, желая внести вклад в дело обучения потомков заветам и обрядам предков, я составил наглядную и удобную книгу важнейших значений. Отобрано не более тысячи письменных знаков, охватывающих десять тысяч значений… Фразы из пяти знаков составлены в четверостишия и двустишия. Мудрый и благородный муж завершил бы эту работу в месяц, но я, медлительный, и за год не довел ее до совершенства и назвал „Крупинки золота на ладони". С чувством стыда я выпускаю ее в свет и прошу не осуждать за замеченные грубые суждения и ошибки».

Н. А. Невский цитирует отрывки из од, восхваляющих тангутских государей:

Среди тысячи миров нет подобного

Стране верховьев Белой с ее совершенным, светлым царем, Все вассалы, что служат государю, исключительно

преданные…

Ныне царствующий святой государь… по идеям обширен, С пути своих предков, отобравши хорошее,

отстраняет плохое, Знатного феникса он не считает знаменьем счастья, Мудрых и умных людей, почитая за счастье,

встречает почетом, Про червонное золото да белое серебро не говорит,

что только они драгоценность, Правдивые и преданные

вассалы — вот драгоценность! Так говоря, по всем правилам их подымает. С августейшего Неба звезда счастья, своим ухом внимая, С сердцем довольства и радости на помощь государю

приходит…

Со счастливым народом обширной землей управляя,

Над прочими всеми царями доблестью славься и радуйся!

Он цитирует тангутские изречения:

Умный человек женское поведение в расчет принимает, Глупый человек женской наружностью дорожит.

Нет лучших близких, чем отец с матерью, Нет мяса вкуснее, чем мясо на костях.

Неприкрашенные две красоты — зелень и молодость, Неподмазанные две уродливости — бедность и старость.

Как добрый волшебник, он демонстрировал перед залом прелестные образцы исчезнувшей цивилизации, казалось, чудом вырванной из небытия. «Фонетические таблицы», «Измененный и заново утвержденный кодекс» тангутских законов 1149–1169 годов, тангутская энциклопедия «Море смысла», китайские классические книги в тангутском переводе и буддийский канон. Ему было чем гордиться. Ведь это благодаря прежде всего его трудам ожил вот здесь, перед залом, чеканный, как ритуальная процессия, напев тангутских од, заиграл искренний, лукавый юмор тангутов, скотоводов и земледельцев, зазвучала ханжеская, лицемерная речь монаха: «Вообще на светских женщинах-мирянках масса прегрешений. Будда говорил, что их лживость превосходит мужскую. Одни из них мажут голову, красят лицо… прихорашиваются, другие, разодевшись в пеструю, расшитую парчу, обольщают глупцов… Некоторые, выставляя грудь, берут за руку, понуряют голову и скло

няют лицо, или же, плавно идя по дороге, колышут телом и любуются впечатлением, или же, подымая брови и напрягая зрачки, то грустят, то радуются, тем очаровывают глупцов и смущают сердца. Всех таких уловок и кокетства пересказать невозможно. Они подобны силкам, в которые попадаются птицы, они словно сети, в которые ловится рыба… подобны костру, на который летят мотыльки… сближение с ними разрушает царства, соприкоснуться с ними — то же, что схватить ядовитую змею»5.

Н. А. Невский с радостью отмечал, что зал почувствовал простое, неброское величие тангутской культуры и оценил его. Культура маленького, забытого народа, ради которой он столько трудился последние пять лет, получила признание этого высокочтимого собрания.

Доклад Н. А. Невского и до сих пор остается лучшим из того,

что было когда-либо сказано о памятниках тангутского письма. Лучшим по оценке в целом, по приподнятости изложения, по уважению к предмету исследования.

Доклад имел своим следствием решение о целесообразности переключения Н. А. Невского полностью на изучение памятников тангутской письменности. В выписке из Протокола заседания группы востоковедов от 21 марта 1935 года сказано:

«2. Слушали: Доклад Н. А. Невского „Тангутская письменность и ее фонды".

Постановили:

1) Ввиду исключительной важности для изучения истории Средней Азии всех видов открываемого Н. А. Невским материала, ходатайствовать перед Президиумом Академии наук о внеочередном опубликовании его статей по тангутоведению.

2) Считать целесообразным полное переключение Н. А. Невского на изучение тангутского фонда Института востоковедения».

Это Постановление группы востоковедов было отражено в решении Японского кабинета, хотя и с некоторыми нюансами. В Протоколе № 2 заседания Кабинета от 7 апреля 1935 года говорится:

5 Все тангутские тексты цитированы по статье Н. А. Невского «Тангутская письменность и ее фонды» (см.: Н. А. Невский. Тангутская филология. Кн. I, с. 74–94).

«Слушали: Сообщение Н. А. Невского б проделанной работе за первый квартал 1935 г. Подготовлен и прочтен на сессии Академии наук доклад по тангутоведению. В связи с Постановлением дирекции о необходимости прочтения доклада на сессии Академии наук работа по японской теме, указанной в плане на 1935 год, не производилась».

Далее: «В связи с Постановлением группы востоковедов на сессии Академии наук о переброске целиком Н. А. Невского на работу по тангутоведению, Японский кабинет постановил: освободить Н. А. Невского от тем по Японии, взятых в плане на 1935 год, но просить Н. А. Невского ввиду ценности его работ для Кабинета по Японии не отказать взять какую-либо тему по японоведению, указав ее объем. Освободить т. Невского от всех обязательств по ударной работе по японоведению и за ударную работу считать составление тангутского словаря».

Осенью 1935 года в изданной по инициативе А. М. Горького книге «День мира» (27 сентября 1935 года) сообщалось о работе Н. А. Невского над словарем «Море письмен» и высказывалась уверенность, что завершение его труда позволит раскрыть тайну

тангутского письма и сделать достоянием науки один из ценнейших памятников фонда — «Свод законов тангутского государства», открытый Невским.

В бумагах Невского (без описи) сохранилось приглашение на III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии, полученное им в 1935 году от Оргкомитета по созыву этого конгресса, открытие которого должно было состояться 11 сентября в Ленинграде в здании Государственного Эрмитажа (ул. 9 января, 34). Приглашали его в качестве действительного члена.

В действительности Н. А. Невский был выдвинут в члены-корреспонденты Академии наук СССР коллективом сотрудников Института востоковедения в 1936 году. В представлении, в частности, говорилось: «Профессор Н. А. Невский является единственным специалистом в области тангутоведения. Ему принадлежит заслуга разработки редчайшего по своему богатству тангутского фонда Института востоковедения Академии наук СССР. Работа, проведенная им по расшифровке значений и чтений тангутской иероглифики, — составление первого

тангутского словаря, выходит далеко за пределы тангутского языка. Эта работа имеет большое значение и для истории китайского и тибетского языков. В настоящее время никакая работа над историей как китайского, так и тибетского языков невозможна без учета достижений и в области тангутоведения. Работа профессора Невского является крупным научным открытием, возвращающим в научную практику изучение давно исчезнувшей тангутской культуры… Профессор Н. А. Невский отличается исключительно добросовестным отношением к труду, редким вниманием к студенческой аудитории, является заботливым и чутким педагогом. Коллектив научных сотрудников Института востоковедения Академии наук СССР целиком поддерживает кандидатуру профессора Н. А. Невского в члены-корреспонденты Академии наук СССР».

Можно почти уверенно сказать, что 1935–1936 годы были в определенной мере переломными в работе Н. А. Невского в области тангутоведения. Он в значительной степени выполнил две задачи — выявил основной состав тангутской коллекции Института востоковедения и довел свой словарь до такого уровня, когда было учтено подавляющее большинство (свыше 95 %) знаков тангутского письма. Их дешифровка не всегда была достаточною или отсутствовала совсем. Чтобы выполнить ее, следовало «перевести» с помощью имеющихся тангутских толковых словарей, прежде всего «Моря письмен», и издать тексты, особенно переводные, прочитывая их полностью и

пополняя значения известных уже знаков и выявляя еще не учтенные. Такая работа требовала не одного года, и он готовился к ней.

Н. А. Невский занимался в те годы попутно и изучением структуры тангутского письма. Начатая им статья, посвященная этому вопросу, осталась неоконченной и не опубликована до сих пор. О детерминативах — «указателях значения», «указателях смысла» идеографов Невский писал: «В области исследования графики тангутских идеографов до сих пор сделано еще очень мало. На эту сторону тангутской письменности обращали внимание лишь покойный молодой китайский ученый Ло Фу-чан, а в Европе — А. Бернхарди совместно с фон Цахом. Данным ученым при сопоставлении тангутских идеографов удалось выделить несколько детерминативов, т. е. определителей, или ключей, как их у нас принято называть в приложении к китайской письменности, которые определяют ту категорию, к которой относится идея, заложенная в идеограмме. Словари китайской письменности, как известно, ныне обычно располагаются по 214 ключам, тогда как древние словари имели таких детерминативов гораздо больше (например, словарь „Шо вэнь" I века н. э. расположен по 514 ключам). Сколько детерминативов было в тангутской письменности, пока сказать невозможно, так как до сих пор выделено их весьма незначительное количество, причем под некоторыми допустимо еще поставить знак вопроса».

Н. А. Невский лично определил не менее 25–30 детерминативов. Часть из них обозначена в его словаре. Из элементов знаков, являющихся четкими детерминативами, создавались знаки «понятийной категории», по китайской классификации, типа элемент со значением «вода» + элемент со значением «птица» дают знак со значением «утка» (птица, плавающая в воде), а элементы «вода»-(-«трава» образуют знак со значением «камыш» (трава, растущая в воде).

Теория детерминативов, дав свои положительные результаты, не объясняла всего тангутского письма. Образование «новых» знаков из частей уже готовых «старых» и наличие, по меткому выражению Э. Д. Гринсте-да, «не типичных элементов, которые формировались вне необходимых рамок общей системы элементов»6, затрудняют создание единой теории тангутского письма и до наших дней. Можно уверенно сказать только одно, что в подражание китайской иероглифике тангуты создали знаки по типу всех категорий китайского письма, имевших место к XI веку, отдав предпочтение «понятийной категории» (хуэй-и) и «фонетической категории» (син-шэн).

В 1936 году Н. А. Невский в соответствии с поставленной им

самим задачей приступил к «выявлению того фонетического комплекса, который возникал в голове тангута при взгляде на данный иероглиф».

«План работы на 1936 год.

I. Тема. Исследование произношения тангутских

6 E. Grinstead. Analysis of the Tangut Script, c. 58.

идеографов на основании тангутских словарей и кратких фонетических таблиц.

Общий объем: около 10 печатных листов.

Начало работы 1 апреля 1936 года.

Конец работы 1 сентября 1937 года.

Что будет сделано: будут составлены подробные фонетические таблицы тангутского произношения (в количестве около 20).

Оформление: книга».

Срок был, очевидно, нереален.

Итак, Н. А. Невский в 1936 году вплотную приступил к фонетической реконструкции тангутского языка. Он правильно оценил источники, что отражено в опубликованных уже посмертно его статьях «Материалы для изучения тангутского произношения» и «Тангутские фонетические таблицы»7. Он разработал процедуру реконструкции, состоящую в том, что на внутренние источники реконструкции, описывающие с тангутской точки зрения фонетические особенности и состояние языка — словари «Гомофоны», «Море письмен», «Море письмен, смешанные категории», «Фонетические таблицы», — накладывались известные иноязычные транскрипции, китайская и тибетская. Этой процедуре следовали и авторы двух имеющихся ныне фонетических реконструкций тангутского языка М. В. Софронов и Нисида Та-цуо. Невский успел сделать всю подготовительную работу, которая сохранилась в тетрадях, озаглавленных «Перечень тангутских идеографов ровного и восходящего тона». Этими материалами в полной мере воспользовался Софронов. Сам Невский не успел интерпретировать эти материалы на уровне достижений лингвистики тех лет, но, как правильно писал Софронов, «Н. А. Невский стоял на пути, который в конце концов привел бы его к успешному завершению фонетической реконструкции» 8.

Вернемся к 1936 году. Н. А. Невский изучает фонетические таблицы. Один экземпляр их снабжен «Предисловием».

7 Н. А. Невский. Тангутская филология. Кн. I. М., 1960. с. 107, 132.

8 М. В. Софронов. Грамматика тангутского языка. Кн. 1.

М.,1 < 968, с. 25.

«Сейчас просматривали разную литературу. В Тибете и Китае уже имеются фонетические таблицы. Что касается пяти тональностей [наших] нынешних письменных знаков, то каждая из них определена основным [материнским] знаком ровного, восходящего, падающего и входящего тонов. С ровным тоном связано и выделено в нем произношение чистое [глухое, в высоком регистре] и мутное (звонкое, в низком регистре]. Отобраны [слоги] тяжелые, [произносимые с придыханием, полусонанты] и легкие, [произносимые без придыхания, сонанты]. В результате выделены группы, произносимые в низком или высоком [тембре]. Семьи одинаково звучащих знаков представлены матерями [основными слогами], образующими основу сокровищницы письмен. Есть возможность отыскать и выбрать из собранного [нужное] и следует постоянно не забывать [о таблицах] и пользоваться [ими].

Ныне в силу наших заслуг составление фонетических таблиц своевременно и обоснованно завершено. [Они] чрезвычайно важны для государства и являются основой процветания и источником истинной мудрости. [Они] суть, источник сочинения и записи сутр и законов Будды, княжеского церемониала, законодательных актов, приказов, талантливых стихов, повременных записей как о чистом [хорошем], так и грязном [плохом], светлом, [связанном со стихией Ян], и темном, [связанном со стихией Инь], как о счастливых удачах, так и о бедствиях, сочинения трудов врачей и монахов, ищущих спасения в дхарме, сочинения чистых церемониальных песнопений дхармы и составления списков [людей и имущества]. Их можно сравнить с Великим морем, глубоким и безбрежным, вбирающим в себя все реки, не усыхающим и не переполняющимся. [Они] имеются у всех, кто ищет их или желает пользоваться ими, и при солнечном и лунном свете все приобретают знания. Среди разных гор — самая высокая гора — Сумеру, среди всех искусств — [написание сочинений] не имеет себе равных, среди всевозможных сокровищ — литература наивысшая драгоценность. Используя „Фонетические таблицы" пяти тонов, не спутаешь значений нынешних знаков, извлекаемых из словаря „Драгоценные рифмы Моря письмен", так как оба (эти пособия] связаны друг с другом. Это следует знать».

В конце дата:

«Начало года змеи, под циклическими знаками сыгуй, девиза царствования Небесной помощи [1173 г.]. Выпустил книгу У Тангун, просмотрел и сверил Таосы Вацза» 8а.

Н. А. Невский приходит к выводу, что «тангутские таблицы начальных фонем являются точным сколком с подобных же китайских таблиц»9. Позднее подобное сходство послужило проф. Нисида Тацуо основой для подозрения в том, что указанные таблицы «являются фонетическими таблицами китайского языка, составлен

*а Перевод Е. И. Кычанова.

9 Н. А. Невский. Тангутская филология. Кн. I, с. 138.

ными для тангутов, и не являются фонетическими таблицами тангутского языка»9". Это очевидное заблуждение, очевидное даже из предисловия к памятнику.

Таким образом, Н. А. Невский создал процедуру реконструкции еще в 1936–1937 годах и расшифровал внутренние, собственно тангутские ее источники, наложив на них при этом имеющиеся китайские и тибетские транскрипции. Казалось бы, реконструкция тангутской фонетики — дело техники и времени. Но это не так. Помните, В. М. Алексеев писал, что «иероглифы объяснены через иероглифы», и трудно понять, каково было истинное произношение тангутских слогов и слов. Когда в 1965 году вышла научно-популярная книга Е. И. Кычанова «Звучат лишь письмена…», некоторые ехидно спрашивали автора, остроумно перефразировав заглавие: «Звучат ли письмена?». Что же, в их скепсисе есть доля истины. И ответ на этот вопрос — звучат ли письмена? — один. Звучат. Но пока по-разному. Ибо состояние науки, состояние изученности транскрибирующих языков таково, что не только китайская, но и тибетская транскрипция не поддаются однозначному истолкованию. Недостаточно ясно еще, как читать тибетские слоги, нередко по-разному передающие чтение одного и того же тангутского знака в то время и в том диалекте, который был применен для транскрипции. То же самое, пожалуй даже в большей мере, касается и китайских иероглифов. Ведь и до сих пор пекинец читает название центральной газеты Китая «Жэньминь жибао», а шанхаец «Иминь ибао». Поэтому-то и две генеральные реконструкции, выполненные одновременно в 60-х годах М. В. Софроновым и Нисида Тацуо по указанной процедуре (у Софронова — с большим учетом внутренних источников реконструкции), дали несхожие в ряде моментов результаты. Частные реконструкции отдельных слов тангутского языка встречаются в работах Н. А. Невского, в его словаре, в статьях японского лингвиста Хасимото Мантаро, в работе С. Е. Яхонтова 10, но и они также отличаются одна от другой. Приведем лишь маленький пример того, как некоторые ука

9а Нисида Тацуо. По поводу изучения языка Си Ся покойным Невским. — «Гэнго кэнкю», 1962, № 41, с. 60.

1 ˚С. Е. Яхонтов. Древнекитайский язык. М., 11965, с. iK5.

занные исследователи реконструируют звучание двух слов — «вода» и «глаз».

Невский Софронов Нисида Яхонтов

Вода yze, yzle zj[e Kzir za Глаз ml mel me muQl

В основе такого различия лежит неоднотипная интерпретация указанными почтенными лингвистами соответствующих китайской и тибетской транскрипций данных тангутских слов. Поэтому работы Нисида Тацуо и М. В. Софронова не вызвали и широкой научной дискуссии или больших откликов — каждый бы, кто взялся утверждать их правоту и неправоту, не сомневаясь в принципиальной схеме реконструкции, должен был бы быть доказательно уверен в своем прочтении китайских и тибетских транскрипций, а этого пока нет.

Следовательно, учитывая неоспоримость существа процедуры реконструкции и отдавая должное большому и важному труду указанных ученых, будущее окончательной реконструкции тангутского языка следует непосредственно связывать с успехами исторической фонетики китайского и тибетского языков. А тангутские материалы могут оказаться большим подспорьем в этом деле, о чем писал еще, как мы отмечали выше, акад. В. М. Алексеев. И без работы, проделанной Н. А. Невским, появление таких трудов по изучению тангутского языка, какими являются книги М. В. Софронова и Нисида Тацуо, было бы невозможно. Как мы пытались показать, своими трудами Невский перевел тангутоведе-ние на качественно новую базу и заложил прочные основы его дальнейшего развития.

В 1936 году Н. А. Невский хлопочет «необходимые суммы на ликвидацию неудовлетворительного состояния рукописей, их реставрацию и консервацию». 12 апреля того же года он подает обширный «Проект издания памятников тангутской культуры из Хара-Хото» и, в котором утверждает, что издание коллекций, добытых П. К. Козловым, является и научным делом первостепенного международного значения. В 1937 году он составляет план собственной работы по тангутоведению

11 См. Письменные памятники Востока. Ежегодник 1970. М., 1974, с. 437–451.

На ближайшую Пятилетку 1938–1942 годов. План предусматривал:

«1938 год: 1) Издание сохранившейся части тангутского

перевода „Лунь юй" с тангутскими комментариями, снабженное переводом, примечаниями и словарем; 2) Определение и регистрация тангутских рукописей и ксилографов — 200 карточек.

1939 год: 1) Составление списка тангутских идеографов, расположенных по фонетическим группам и снабженных китайскими и тибетскими фонетическими эквивалентами; 2) Определение и регистрация тангутских рукописей и ксилографов — 200 карточек.

1940 год: 1) Издание тангутского сборника рассказов на китайские темы „Вновь собранные записки о любви и сыновней почтительности", снабженное переводом и примечаниями.

1941 год: Исследование тангутского перевода не сог хранившегося китайского сборника рассказов „Лэй линь", иллюстрированное переводами.

1942 год: Издание тангутско-русского идеографического словаря на три-четыре тысячи идеографов».

За восемь лет работы в Ленинграде Н. А. Невский понял, что его призвание — научно-исследовательская работа. «Я по своему складу более всего чувствую удовлетворение при исследовательской работе и, таким образом, считаю работу в Институте востоковедения наиболее соответствующей моим знаниям и способностям», — писал он в автобиографии 29 мая 1936 года.

* * *

Большое научное наследие Н. А. Невского не пропало. Оно находится в Архиве востоковедов Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. Все, что осталось после Невского, свидетельствует о том, что он не только обладал огромным дарованием и изумительной работоспособностью, но и отдавал всего себя делу науки. Он осознавал значение кропотливой, незаметной и порой, в глазах некоторых, не столь уж и нужной работы. Поэтому на долю Невского, прожившего нелегкую жизнь, выпало самое большое человеческое счастье, которое достается далеко не всем. Как и всякий большой, подлинно новаторский труд, его работы

продолжают жить и после его смерти. Более того, они обрели новую жизнь и дали возможность другим продолжить или завершить то, чего не успел сделать их автор.

По инициативе старшего научного сотрудника

Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР З. И. Горбачевой, поддержанной академиками И. А. Орбели и Н. И. Конрадом, в 1960 году был опубликован двухтомник трудов Н. А. Невского по тангутоведению — «Тангутская филология», в который вошли его словарь тангутских идеографов, работе над которым он отдал двенадцать лет жизни, а также статьи, как уже публиковавшиеся ранее, так и взятые из архива ученого. Появление в свет этих трудов стало событием в науке.

Прошло лишь четыре месяца со времени опубликования «Тангутской филологии» Издательством восточной литературы в Москве, как в японском журнале «Тюко-ку го гаку» появилась статья Хасимото Мантаро «Метод исследования тангутских и китайских транскрипций „Чжан чжун чжу". По поводу опубликования Tangutica (Тангутская филология) посмертного собрания работ покойного профессора Н. А. Невского». В заключительной части своей статьи Хасимото Мантаро писал: «Приводя выше объяснение материалов Н. А. Невского, я попутно кратко высказал свое личное мнение относительно того, что способ реконструкции фонетической системы тангутского языка, возможно, будет способствовать исследованию китайской фонетики. Если ознакомиться с собранием посмертно изданных сочинений, то вклад покойного профессора Н. А. Невского в тангуто-ведение не ограничивается только этим. Имеется обширный словарь-черновик, имеются ранее публиковавшиеся работы, включены труды, касающиеся этимологии, грамматики и идеографии… Мы глубоко скорбим о кончине Н. А. Невского, который ушел из мира, успев сделать только половину дела»12. На следующий год в статье «По поводу изучения языка Си Ся покойным Невским» Нисида Тацуо писал: «Работу Н. А. Невского по языку Си Ся с точки зрения ее количества и затронутых областей правильно выделить в качестве нового этапа. Невский, который уже тридцать

12 «Тюкоку го гаку», 109,1198Н, № 4, с. 16.

лет назад написал такие превосходные статьи, как „О наименовании тангутского государства" и другие, был великим филологом» 13.

Весной 1962 года двухтомное собрание трудов Н. А. Невского по тангутоведению «Тангутская филология» было выдвинуто Институтом востоковедения АН СССР (тогда — Институт народов Азии) на соискание Ленинской премии. 14 марта 1962 года газета «Вечерний Ленинград» писала: «Привезенные П. К. Козловым в наш город еще в 1909 году тангутские рукописи долгие годы

оставались практически недоступными ученым. Но вот недавно в издательстве Академии наук СССР вышла книга „Тангутская филология". В ее двух объемистых томах — на 1284 страницах текста — ключ к проникновению в тайны тангутских рукописей. Этот ключ нашел проф. Н. А. Невский — наш ленинградский востоковед. 70-летие со дня его рождения научная общественность в эти дни широко отмечает… Постепенно с годами создавался новый словарь тангутских идеографов. Над пополнением этого словаря ленинградский востоковед работал до конца своей жизни. Он успел расшифровать более шести тысяч знаков… Составленный им словарь Н. А. Невский при жизни не успел подготовить к печати. Все черновики поступили в рукописный отдел Ленинградского отделения Института народов Азии… сохранившиеся записи ленинградского профессора, его статьи и словарь подготовила к публикации старший научный сотрудник Ленинградского отделения Института З. И. Горбачева. Как только вышел в свет труд ленинградского ученого, он получил широкое признание востоковедов в СССР и за рубежом. Институт народов Азии Академии наук СССР представил „Тангутскую филологию" Н. А. Невского на соискание Ленинской премии 1962 года» и.

3 апреля 1962 года труду Н. А. Невского была посвящена в «Правде» статья. Авторы ее писали: Н. А. Невский «шаг за шагом раскрывал загадки древней письменности. Ему требовалось связать воедино все элементы филологического и лингвистического исследований. Рас-

13 «Гэнго кэнкю». Т. 31, 1962, с. 64.

14 И. М а л е в. В лабиринте тангутских знаков. «Вечерний Ленинград», № 62 (4992), 114.1ПЛ962.

шифровка нескольких знаков, например, могла пролить свет на характер сочинения, догадка о том., с каким текстом имел дело ученый, позволяла приоткрыть завесу над смыслом самих иероглифов, а раскрытие какого-либо китайского, тибетского или санскритского собственного имени, изображенного тангутскими знаками, помогало прочитать его. Разумеется, вся эта сложнейшая работа была по силам только исследователю, знавшему китайский и тибетский языки, с которых сделаны тангутские переводы, и не в их современном виде, а в том состоянии, в котором они находились 8—10 веков назад. Кроме того, надо было знать буддийскую и китайскую литературу самого различного содержания настолько хорошо, чтобы по одному расшифрованному куску тангутского текста понять, с какого именно китайского, тибетского или санскритского

сочинения сделан перевод. Словом, необходимо было в совершенстве владеть всем комплексом филологических знаний. Именно потому, что Н. А. Невский обладал всеми этими знаниями, он смог проделать работу, ставящую его в один ряд с великими открывателями древних письменностей.

Что дает науке работа Н. А. Невского? До сих пор мы знали о тангутах только по китайским источникам. Теперь появилась возможность изучать историю и культуру тангутов по их собственным книгам. А это значит, что можно восстановить историю погибшего народа. Находясь рядом со страной древнейшей цивилизации — Китаем, тангуты, выступившие на арену истории лишь в IX веке н. э…» и воспринявшие от китайцев искусство книгопечатания с деревянных досок, широко развернули это дело. «Они выпускали некоторые издания такими огромными тиражами, которые и сегодня мы назвали бы массовыми. Чтобы оценить этот факт должным образом, следует вспомнить, что книгопечатание в Европе появилось только в XV веке. Среди тангутских ксилографов Н. А. Невский обнаружил целый свод законов. У европейских народов в то время были лишь небольшие сборники постановлений и правил. Наконец, тангуты имели свою художественную литературу, в том числе поэзию, некоторые образцы которой Н. А. Невский сумел расшифровать и перевести. Переводы эти также напечатаны в книге „Тангутская филология".

Эти открытия Н. А. Невского ярко свидетельствуют, что по пути культуры и прогресса Могут успешно идти все народы, в их числе небольшие, по существу, недавние кочевники. И не только идти, но достигать высоких вершин в своем культурном развитии. Вместе с тем судьба тангутов — это еще одно предостережение народам против войн, которые наносят столь огромный ущерб человечеству, его великим достижениям».

В апреле 1962 года Н. А. Невскому за выдающиеся заслуги в области науки посмертно присуждено звание Лауреата Ленинской премии. Это привлекло еще большее внимание научной общественности к трудам Невского, о чем и писали многие газеты, как советские, так и зарубежные. При этом не обошлось и без курьезов. Газеты Окинавы поместили сообщение о присуждении Н. А. Невскому Ленинской премии якобы за изучение диалектов о-вов Мияко.

В 1963 году на страницах журнала «Мадо» с большой статьей о Н. А. Невском выступил видный японский специалист по истории тангутов проф. Окадзаки Сэйро. Автор рассказал о жизненном пути Н. А. Невского, подчеркнув, что Невский был чисто русским ученым и гордился этим. Он указал, что

биографические заметки о Невском и ранее появлялись в японской печати, назвав статью проф. Янагита Кунио в 11-м томе собрания его сочинений и статью проф. Такахаси Моритака «О Невском» в 12-м томе журнала «Японская этнография». Окадзаки Сэйро первым представил японским читателям подробную библиографию работ, опубликованных Невским в Японии, особо подчеркнув, что из статей тех лет японские ученые высоко оценивают его труды по языку о-вов Рюкю, его заслуги в деле доказательства тесного родства рюкюских языков с японским (так что ошибка окинавских газет не была уж такой случайностью). Окадзаки Сэйро соглашается, что труды Невского по тангутоведению заслуживают особого внимания. Он ссылается на оценку проф. Исихама Дзюнтаро (друга и неоднократного соавтора Невского), по мнению которого еще своей первой работой о тангутских текстах с тибетской транскрипцией Невский «заложил основы фонетики тангутского языка». Окадзаки Сэйро привел библиографию работ Н. А. Невского по тангутоведению, опубликованных в Японии, часть которых оказалась забытой, в частности не вошла в список тру

дов Невского, Опубликованный в двухтомнике «Тангут* екая филология»». Он подробно аннотировал это издание для японского читателя, уделив 'много внимания словарю. «Этот словарь, — писал Окадзаки Сэйро, — является фотографической репродукцией оставшихся черновых записей… Такого рода воспроизведение его записей в том виде, как они есть, без всяких исправлений, возможно, не соответствовало воле покойного. Однако публикация столь важных результатов исследования сама по себе составляет этап в истории тангутоведения». Окадзаки Сэйро, наконец, сообщил ценнейшие сведения о судьбе рукописного наследия и той части архива Невского, которая осталась в 1929 году в Японии. Этот архив поначалу находился у родственников жены Невского, затем они продали его в один из букинистических магазинов Отару, потом архив был куплен Хасэгава Икуо, а от Хасэгава Икуо попал в библиотеку университета Тэнри, где хранится поныне 15.

На публикацию работ Н. А. Невского откликнулись и другие тангутоведы. Профессор Э. Д. Гринстед отметил, что «единственным лицом, которое достигло беглости в чтении туземной (тангутской. — Л. Г., Е. К.) литературы, был великий русский ученый Н. А. Невский» 16. Чешский лингвист проф. Камил Седлачек писал: «Скромный круг работ по тангутоведению, молодой отрасли востоковедения… обогатился чрезвычайно ценной, давно ожидаемой публикацией „Тангутской филологии" в

двух томах Н. А. Невского… Самым ценным среди этих работ, вне всякого сомнения, является словарь, охватывающий приблизительно шесть тысяч идеограмм… Этот словарь в настоящее время широко открывает дверь для исследований этого умершего языка Си Ся и его богатых и прекрасных памятников перед учеными, которые в прошлом были вынуждены отказаться от подобных изысканий из-за недостатка материалов по тангутскому языку» 11. Крупнейший француз

15 Окадзаки Сэйро. Жизнь и деятельность Н. А. Невского. — «Мадо». Т. 9, 1963, № 1, с. 4–9, № 2–3, с. 6—12.

16 E. Grinstead. Tangut fragments in the British Museum. — «The British Museum Quoterly*. Vol. XXV, 1962, № 3–4, с. 85.

,7Kamil Sedlacek. Zur Frage der Etymologie der Tan-guten Partikeln. — «Central Asiatic Journal*. Vol. Ill, il962, № 4–5, С. 460.

ский китаевед Поль Демьевиль, лично встречавшийся С Н. А. Невским в Японии, на страницах журнала «Тун бао» опубликовал рецензию на «Тангутскую филологию». Отметив, что в расшифровке тангутской письменности и языка «Невский сыграл роль самого первого плана», он заключает: «Будем благодарны востоковедам Ленинграда, пробудившим ото сна работу, которая и через двадцать лет, по определению биографа Н. А. Невского, „не потеряла своей научной новизны и свежести" и которая составляет вклад первого порядка в дальневосточную лингвистику» 18.

Таковы были первые отклики мировой научной общественности на появление трудов Н. А. Невского.

Писали о Н. А. Невском и позднее. Как «о великом русском ученом» писал о нем проф. Э. Д. Гринстед в своей книге «Анализ тангутской письменности»19. В сентябре 1971 года в трех номерах окинавской газеты «Рюкю симпо» (21, 22, 23 сентября) появились статьи о Невском японской журналистки Танака Канако, которая писала о своих путешествиях «По следам Н. А. Невского». На о-вах Мияко она, в частности, застала еще в живых одного из информаторов Невского, местного учителя. Новые данные о Невском были опубликованы японским этнографом проф. Като Кюдзо в его книге «На перекрестках путей Евразии». Профессором Като написана также большая монография о Невском 20. В 1971 году проф. Ока Масао, знавший Невского еще со времен его жизни в Японии, опубликовал книгу «Луна и бессмертие» — сборник ранних работ Невского по этнографии Японии, печатавшихся некогда в японских журналах, с автобиографическими сведениями о нем и публикацией ряда архивных материалов, подготовленных проф. Като21. Н. А.

Невский и до сих пор очень популярен в научных кругах Японии. Он стоит в ряду тех редких востоковедов, работы которых широко признаны в стране изучения как важный вклад в национальную науку.

Н. А. Невский был крупным ученым и незаурядным человеком. Он принадлежит к не столь уж малому числу

18 «T'oung Pao». Vol. XLIX, '1962, № 4–5, с. 460.

19 E. Grinstead. Analysis of the Tangut Script, с. 48.

20 Като Кюдзо. Небесная змея (Тэн-но хэби). Токио, 1976.

21 Луна и бессмертие. Токио, 1971.

людей, личные судьбы которых отразили всю сложность исторических событий первой половины нашего века.

Юный Н. А. Невский колебался в выборе профессии, выборе сферы приложения своих дарований. Пожалуй, мы можем ответить на поставленный ранее вопрос о некоторых путях выбора профессии. Очевидно, что эти колебания его были несущественны, ибо в нем все-таки рано проявилось призвание, подкрепленное позднее, по словам его учителя, «серьезностью научного энтузиазма», привитого Петербургским университетом. Он умер еще не старым. И столько нереализованных замыслов, столько необработанных материалов, часто уникальных, своевременное и квалифицированное исследование которых могло бы составить еще большую славу нашей науке. Какая сила филологического дарования, какая широта интересов была у этого человека, если он за столь короткий срок сумел оставить след и в тангутоведении, и в японоведении, и в этнографии, и в айноведении, и в изучении диалектов Рюкю, и в ознакомлении научного мира с языком цоу, языком аборигенов Тайваня. Жизнеспособность его трудов оказалась сильнее самой смерти. И пока они интересны и нужны науке, имя Невского будет жить не только как факт ее истории, но и как имя человека, активно и по сей день влияющего на ее развитие.

Лидия Львовна Громковская, Евгений Иванович Кычанов

НИКОЛАИ АЛЕКСАНДРОВИЧ НЕВСКИЙ

Редактор Р. Ф. Мажокина. Младший редактор Г. А. Бурова Художник Г. К. Писманник. Художественный редактор И. Р. Веский. Технический редактор Л. Е. Синенко. Корректор Л. Ф. Орлова

ИБ № 13014

Сдано в набор 17/VI-77 г. Подписано к печати 20/ХП-77 г. А-03017. Формат 84х108'/з2 Бум. № 2. Печ. л. 6,75 + 0.06 п. л. вкл. Усл. п. л. 11,44. Уч. — изд. л. 11,78. Тираж 10 000 экз. Изд. № 3969. Зак. № 474. Цена 70 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука» Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука». Москва Б-143, Открыто* HJOfct, 38